

ФОНД РУССКИЙ МИР

СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ РУССКОГО МИРА

Сборник статей и материалов круглых столов,
организованных фондом «Русский мир»

Под редакцией Вячеслава Никонова

Москва
2010

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. СТАТЬИ

Вячеслав НИКОНОВ Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем	4
Алексей КАРА-МУРЗА Как возможен Русский мир?	15
Алексей ГРОМЫКО Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура	20
Александр НАУМОВ Вдохнуть новую жизнь	24

РАЗДЕЛ 2. МАТЕРИАЛЫ III АССАМБЛЕИ РУССКОГО МИРА

ПАТРИАРХ КИРИЛЛ Русский мир и наши ценности	29
Культурные доминанты Русского мира <i>3 ноября 2009 года</i>	35

РАЗДЕЛ 3. КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

Русский мир как цивилизация <i>22 декабря 2009 года</i>	51
Русский мир: смыслы и ценности <i>19 марта 2010 года</i>	70
Авторы статей и участники обсуждений	111

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

НЕ ВОСПОМИНАНИЕ О ПРОШЛОМ, А МЕЧТА О БУДУЩЕМ

Русский мир – это самостоятельная цивилизация, которая способна нести идеалы, прежде всего вырабатываемые внутри самой страны.

На уровне концептуальном и политическом впервые словосочетание «Русский мир» прозвучало в Послании президента Владимира Путина Федеральному Собранию 2007 года. Путин сказал буквально следующее: «В этом году, объявленном Годом русского языка, есть повод еще раз вспомнить, что русский – это язык исторического братства народов и язык действительно международного общения. Он является не просто хранителем целого пласта поистине мировых достижений, но живым пространством многомиллионного Русского мира, который, конечно, значительно шире, чем сама Россия».

Через два месяца после этого заявления был создан фонд «Русский мир». Однако и до этого шли активные обсуждения, что такое Русский мир. Возникло даже несколько теоретических школ.

Первая, геополитическая, которую представляли Александр Дугин и недавно скончавшийся философ Вадим Цымбурский, разработавшие концепцию, названную «Остров Россия». Она предлагала изоляцию от мира, создание альянса постсоветских государств, которые обеспечат России безопасность и суверенное положение в Евразии. Упор делался на цивилизационную самобытность России в противовес псевдоморфозе Петра I, политика которого воспринималась как извращенное стремление России слиться с изначально чуждым ей западным миром.

Другая школа – геоэкономическая, представленная Петром Щедровицким и Александром Неклесса. Они говорят о «русском геоэкономическом мире», который складывается из огромного количества русских диаспор, в том числе работающих в сфере высоких технологий. Опора на эти диаспоры и поможет России подключиться к технологическим, финансовым ресурсам Запада, ин-

тегрироваться с политическим и культурным ядром западной цивилизации, что укрепит позиции нашей страны в глобальной экономике и политике.

Третья школа – геокультурная парадигма, представленная работами Сергея Градиrossoвского, Бориса Межуева. По их мнению, цель Русского мира – интеграция России со странами–источниками миграционных потоков, расположенных в основном в постсоветском пространстве. И в этом смысле Россия должна создавать сообщества по принципу Британского Содружества наций, или Объединения иберийско-американских государств, или Сообщества франкофонных наций.

1

Конечно, все эти концепции не столько взаимно дополняют, сколько взаимно исключают друг друга. Фонд «Русский мир» руководствуется в работе отдельными положениями всех концепций, однако создал и свою собственную концепцию Русского мира. Первая проблема, которая встала перед нами: как перевести «Русский мир» хотя бы на английский? В русском эти слова имеют огромное множество понятий и очень сложное содержание. А с точки зрения политического наполнения тоже могут звучать очень по-разному.

Итак, кто такие русские? Что является определяющим для русскости? Может быть, это кровь, и русские – это этнос? Отнюдь нет. Так получилось, что и в Российской империи, и в Советском Союзе русские по крови составляли меньшинство населения. Тем не менее о жителях и Российской империи, и Советского Союза говорили: «Они русские». На русском конгрессе в Германии вы обнаружите немцев из Казахстана, евреев с Украины, представителей самых разных наций, которые имеют русскую идентичность в Германии в гораздо большей степени, чем в Советском Союзе. То есть Русский мир, безусловно, не кровь.

Может быть, Русский мир – это православие? Тоже нет. Потому что к русским относят себя представители самых разных конфессий. Значительная часть Русского мира исповедует ислам. В России проживает, по моим оценкам, до 13 миллионов мусульман. Большое число людей исповедуют иудаизм, и они тоже относят себя к Русскому миру. А еще существуют русские буддисты. В Соединенных Штатах среди русских приходов протестантских больше, чем православных. Значит, Русский мир многоконфессионален.

Или Русский мир – это мир русского языка? Безусловно, да. Но и это не объясняет, что такое русский. Потому что на планете довольно много людей, которые являются русскими по крови, но при этом уже не говорят по-русски. Я имею в виду эмигрантов в третьем, четвертом поколении. Например, во Франции, где большая русская община, люди ходят в православные церкви, у них русские корни, но они уже не говорят по-русски. Очень влиятельная, сильная русская община в Парагвае, которая создала в свое время парагвайскую науку, парагвайскую культуру и парагвайскую армию. Члены общины ходят в православные церкви, у всех у них русские корни, но они уже не говорят на русском языке.

Таким образом, если внутри нашей страны русский чаще всего означает этнокультурную идентичность, а россиянин – гражданство, то вовне понятие «русский» становится надэтническим, суперэтническим и в определенном смысле цивилизационным. Русский мир – это цивилизация и как цивилизация шире этносов и наций, территорий, религий, политических систем и идеологических пристрастий.

Русский мир полиэтничен, поликонфессионален и полисемантичен. Это глобальный феномен, который не может быть описан однозначно каким-то одним определением. Для себя мы считаем, что Русский мир – это Россия плюс русское

зарубежье. А ментально – все, кто осознает свою вовлеченность в Русский мир. И в этом смысле принадлежность к нему – самоощущение. То есть, на наш взгляд, Русский мир – это люди, которые ощущают себя принадлежащими к этому миру, с одной стороны. С другой стороны, люди, которые проявляют искренний интерес к России. Для многих Россия является специальностью – не являясь русскими, они преподают русский язык, изучают русскую историю, культуру. И в этом смысле мы говорим о Русском мире так же, как говорим о русской культуре, о русском балете, о Русских сезонах Дягилева в Париже или о русской мафии, которая тоже является интернациональной, состоящей далеко не только из русских.

А как перевести на другие языки слово «мир»? В русском языке – это вселенная. А еще – отсутствие вражды, примирение. Но «мир» в русском языке – и община. Россия всегда жила миром. Когда Толстой написал свой знаменитый роман, то слово «мир» написал через «и», что в русском дореволюционном языке означало общину, а не мир как отсутствие войны. То есть название трактуется как «Война и общество». И с этих точек зрения – мир как вселенная, мир как примирение и мир как община – мы и разрабатываем концептуальные основы политики Русского мира. Это действительно вселенная, огромный мир людей, который говорит на русском языке. Но насколько он велик? Как меняются его параметры?

2

Двадцатый век стал весьма трагичным для Русского мира, для русского языка. Накануне Первой мировой войны Русский мир ограничивался территорией Российской империи. Здесь жило 170 миллионов человек. Если учесть, что общее население планеты было значительно меньше 1,5 миллиарда, то в границах Российской империи накануне Первой мировой войны, следовательно, жил каждый седьмой землянин. На Российскую империю приходилось 14 процентов человечества. Сегодня в Российской Федерации проживает 142 миллиона человек, а население планеты приближается к 7 миллиардам. Значит, на Российскую Федерацию приходится чуть более 2 процентов населения. Лишь каждый 50-й землянин сегодня живет в Российской Федерации.

Но Русский мир гораздо больше. Огромное число людей рассеяно по всей планете в результате бурных исторических и политических событий в российской истории XX века. Первая мировая война, революция, Гражданская война, репрессии, Вторая мировая война, распад Советского Союза... Возникло большое количество русских диаспор по всему миру. Сейчас дискутируют, является ли русская диаспора самой большой в мире или второй по численности. Есть оценки, по которым русские диаспоры больше, чем китайская диаспора по всему миру. За пределами Российской Федерации сейчас живет практически такое же число представителей Русского мира, как в самой России.

Пик числа людей, которые знали русский язык, пришелся на конец 1980-х годов. Тогда порядка 350 миллионов человек говорили по-русски. Причем 290 миллионов из них жили в Советском Союзе, где русский был государственным языком и для большей части жителей являлся родным. Именно вторая половина XX века стала периодом наиболее широкого распространения русского языка и русской культуры во всем мире, и русский превратился в один из ведущих мировых языков, который использовался во всех крупнейших международных организациях. Он и сегодня является одним из шести официальных языков ООН. Русский был универсальным средством коммуникации в рамках Совета экономической взаимопомощи, Варшавского договора, которые вовлекли в свою орби-

ту десятки стран Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Северной и Юго-Западной Африки и даже Латинской Америки.

Большой вклад в распространение русского языка за рубежом вносила и система образования. С 1960-х годов СССР стал крупным экспортером образовательных услуг. В 36 странах были созданы десятки высших учебных заведений, сотни центров профобразования, школ, техникумов, которые оснащал Советский Союз, присылал сюда специалистов и проводил преподавание на русском языке. Сотни тысяч людей от Кубы до Вьетнама изучали русский язык. Он был обязательным для изучения в школах всех стран Восточной Европы.

Распад СССР нанес очень серьезный удар по позициям русского языка. Число его носителей значительно сократилось. Русский – это единственный из крупных языков, который не просто терял свои позиции в мире на протяжении последних 20 лет, а терял их стремительно. В настоящее время русский язык является родным для 130 миллионов граждан Российской Федерации, почти для 25 миллионов жителей республик Содружества Независимых Государств и Балтии, для 7 миллионов жителей стран дальнего зарубежья. То есть родным языком русский сейчас считают порядка 160 миллионов человек. Но еще значительное количество людей, точное число которых очень трудно установить, владеет русским как вторым языком преимущественно в странах СНГ и Балтии. Это еще может быть порядка 120–170 миллионов человек.

Конечно, русский язык не является лидером в мире. На первом месте идет ханьский, китайский язык – свыше миллиарда носителей. За ним английский и испанский – по 400 миллионов, хинди – 330, затем русский – в районе 300 миллионов, арабский – 270 миллионов. По степени распространения русского языка мы занимаем пока либо 5-е, либо 6-е место в мире, в зависимости от того, как мы оценим число людей, владеющих русским как вторым языком или первым иностранным.

Область наибольшего распространения русского языка за пределами Российской Федерации – это Содружество Независимых Государств, где его позиции сохраняются. Но надо заметить, что за последние два десятилетия его применение заметно сократилось. Русский язык оказался наказанным во многих республиках бывшего Советского Союза – за реальные или мнимые прегрешения царизма и советской власти. Она воспринималась как проводник русификаторской политики, при этом забывается цивилизаторская роль, которую Россия играла на всем пространстве Советского Союза и бывшей Российской империи.

3

Насколько сейчас русский язык распространен в СНГ и что там с ним происходит? Наш фонд заказал специальное исследование, оно было проведено социологической группой «ЦИРКОН», прошло почти во всех странах бывшего Советского Союза, включая Прибалтийские. Не удалось провести исследование в Узбекистане и Туркмении, где социологические исследования сторонние организации проводить не могут. На вопрос: «На каком языке вы обычно общаетесь в семье и дома?» только в двух республиках бывшего Советского Союза большинство ответило, что на русском. Во-первых, в Белоруссии 62 процента людей дома общаются по-русски, еще 31 процент – и по-русски, и по-белорусски. Во-вторых, в Казахстане 43 процента опрошенных в семье говорят по-русски и 16 процентов говорят и по-русски, и по-казахски. На Украине 45 процентов общаются дома на государственном языке, 38 процентов – на русском. В Латвии эти показатели – 56 и 37 процентов.

В Киргизии – 56 и 20. В Молдавии – 69 процентов и 18. В Таджикистане, Азербайджане, Грузии, Армении и Литве говорят дома по-русски от 4 до 1 процента опрошенных.

Велик разброс ответов на вопрос: «Насколько свободно вы владеете русским языком?» В Белоруссии 78 процентов ответили: «Свободно говорю, пишу и читаю на русском языке». На Украине – 70 процентов, в Казахстане – 67, в Латвии – 59 процентов, в Молдавии – 51 процент. От 39 до 24 процентов респондентов так ответили в Эстонии, Киргизии, Таджикистане, Армении, Грузии, Азербайджане и Литве.

Гораздо хуже ситуация с ответом на вопрос: «Если у вас есть несовершеннолетние дети, в какой мере они владеют русским языком?» В Белоруссии 72 процента ответили: «Свободно». В Казахстане половина детей свободно владеет русским. А дальше этот показатель стремительно снижается – в Литве, Эстонии, Азербайджане, Грузии, Таджикистане большинство детей уже вообще никак не говорят по-русски.

В то же время есть стремление изучать русский язык, прежде всего в странах, которые поставляют большое число рабочей силы на территорию Российской Федерации. Хотели бы улучшить знания русского языка 67 процентов жителей Таджикистана, 53 процента – Армении, 22 процента жителей Грузии и 19 – Молдавии. Это резервы востребованного, но не обеспеченного интереса к русскому языку. В Таджикистане понимают, что знание русского языка даст детям большое конкурентное преимущество. С Грузией у нас очень непростые отношения, но среди самых востребованных специалистов в Тбилиси, как мне сказали, является репетитор русского языка, потому что школьное образование на русском становится здесь все менее доступным.

Там, где русский язык является государственным, его судьба не вызывает большого беспокойства. Это прежде всего Белоруссия и вновь образовавшиеся государства – Южная Осетия и Абхазия, где русский язык тоже объявлен государственным. Весьма благоприятный климат для русского существует в Казахстане, Киргизии, в таких регионах Молдавии, как Приднестровье и Гагаузия. Здесь русский язык имеет статус официального или фактически является таковым. В Казахстане, где государственный язык казахский, еще в середине 1990-х годов был принят закон, приравнявший русский во всех официальных сферах к государственному. Кроме того, в казахских школах русский язык является обязательным для изучения вместе с казахским и английским. В остальных странах Содружества русский язык имеет более низкий статус. Это либо язык межнационального общения, как в Молдавии, Узбекистане и Таджикистане, либо язык национального меньшинства, как на Украине, либо иностранный язык, как в странах Балтии.

Статус государственного языка везде, кроме Белоруссии, закреплен за национальным языком. В результате русский язык постепенно уходит из общественно-политической, из хозяйственной жизни, из области культуры и средств массовой информации. Кроме того, идет довольно активный демонтаж системы русскоязычного образования, которая существовала во времена Советского Союза, причем с разной степенью интенсивности. По сравнению с советским периодом количество школ с обучением на русском языке уменьшилось в странах СНГ и Балтии в среднем в два-три раза. Единственным исключением здесь опять же остается только Белоруссия.

Есть государства в СНГ, в которых преподавание на русском языке почти не ведется. Это Туркмения, где сейчас есть только две русские школы, Узбекистан, где, особенно в последний год, происходит множество событий, свидетельствующих

щих о том, что Русский мир из страны начинают вытеснять. Недавно демонтированы остатки храма Александра Невского, памятник Солдату-Освободителю, вырублен Парк Революции. То, что свидетельствует об «имперском присутствии», в Узбекистане начинают реально преследовать. Хотя вся узбекская элита по-прежнему говорит по-русски, она училась в российских вузах.

Очень серьезное ухудшение произошло на Украине после прихода к власти Виктора Ющенко. Киев всегда был русскоязычным городом. Но если в советское время здесь было 258 школ с преподаванием на русском языке, то сегодня одна. Все остальные переведены на украинский язык. Украинский является обязательным в системе высшего образования, что не создает стимулов изучать, проходить обучение на русском языке, потому что вступительные экзамены в вузы проходят на украинском. Причем это касается и тех областей, где украинский мало используется, вроде Луганска и Донецка. Правда, там все эти моменты обходят. Например, выходит лектор, спрашивает, на каком языке студенты хотели бы послушать лекцию. Если ему отвечают по-русски, то лекция продолжается по-русски. На Луганском телевидении, где мне недавно довелось выступить, для передач на русском языке очень маленькая квота. Первый вопрос ведущий задал мне по-украински, я ответил по-русски, и дальше мы говорили по-русски. Это все засчитывалось в украинскую квоту. Но проблема существует. Посмотрим, как ее будет решать Виктор Янукович.

4

В Европе русские или русскоязычные являются наиболее крупным национальным меньшинством. Русских в странах Европейского союза сегодня больше, чем турок, которые заполнили страны Европы. Но русских все равно больше. В Европе русские начинают себя осознавать как общность, уже действует Европейский русский форум, объединяющий большое количество русскоязычных организаций стран Европейского союза. Последний, третий по счету форум прошел в стенах Европейского парламента, где уже существует русская фракция. В нее входят не только русские депутаты от Латвии, но и многие русскоязычные депутаты вроде космонавта Владимира Ремека или известного журналиста Джульетты Къезы из Италии, которые прекрасно говорят по-русски.

В Восточной Европе русский язык был обязательным для изучения во всех школах, и старшее поколение так или иначе русский язык знает и помнит. Ангела Меркель, которая воспитывалась и жила в ГДР, тоже изучала русский язык, была победительницей международных конкурсов на лучшее знание русского языка. И сейчас она с Путиным может общаться и по-немецки, и по-русски. В Советском Союзе четверть иностранных студентов были гражданами восточноевропейских государств. После распада социалистического блока эти страны переориентировались на западные центры силы, многие из них вошли в состав Евросоюза и НАТО.

В 1990-е годы с русским языком в Восточной Европе произошла катастрофа. Во многих странах русский язык был вообще исключен из системы школьного образования. Его почти невозможно выучить в школе, даже как второй или третий иностранный в Венгрии, Румынии, Чехии, Словении, Боснии и Герцеговине, Хорватии. Если в конце 1980-х годов русский язык в университетах Восточной Европы изучал миллион студентов, то сегодня на кафедрах русистики обучается только 25 тысяч. В целом число людей, говорящих по-русски в этом регионе, составляет сегодня около 20 миллионов человек.

В качестве положительной тенденции я бы отметил скачкообразный рост интереса к русскому языку начиная с 2000-х годов. В Польше в 1990-е годы русский по числу изучающих его в школе занимал 16-е место, а сейчас вышел на 2-е. В Болгарии в 1990-е годы русский занимал 14-е место, хотя болгары всегда по-русски говорили, а сейчас он тоже второй, после английского. Во многом это связано с тем, что ушли в прошлое резкая антироссийская реакция и многие предрассудки, которые были связаны с распадом Советского Союза. Проявился прагматизм. В странах Восточной Европы востребованы и более конкурентоспособные люди, знающие русский язык. Западная фирма, работающая в Польше, вряд ли возьмет на работу не знающего русский, потому что в значительной степени бизнес восточноевропейских стран направлен на восток. Бизнес – в Балтии, Белоруссии, на Украине, в Средней Азии, и там русский язык абсолютно необходим.

Поэтому число людей, которые учат русский язык, в Восточной Европе сейчас возрастает, и очень значительно. В Варшавском университете число студентов, которые хотели бы специализироваться на русской филологии, значительно превышает возможности кафедр. Русский язык восстанавливается в Балтии, где представители титульной народности – эстонцы, латыши – опять его изучают, потому что и для них это серьезное конкурентное преимущество.

В Западной Европе, вообще на Западе, интерес к русскому языку и к России в 1990-е годы тоже заметно просел. Во времена Советского Союза и холодной войны существовали огромные программы финансирования исследований по России – по линии министерств обороны, внешнеполитических ведомств, разведки. После распада СССР советология перестала финансироваться, произошел массовый отток из этой сферы специалистов. В 1990-е годы это была главная тенденция – уменьшение числа изучающих русский язык и вообще Россию в учебных заведениях. Сейчас ситуация меняется, увеличивается количество школ и классов с углубленным изучением русского языка. Лидером в этом процессе является Германия, где в общеобразовательных школах русский изучают почти 150 тысяч детей, а дальше с большим отставанием следуют Франция, Англия и Австрия. В высших учебных заведениях Западной Европы русский язык учат порядка 30 тысяч студентов и аспирантов, в основном в Германии, Франции и Великобритании.

В последние годы происходит резкий рост русскоязычных общин. В Германии самая большая – по моим оценкам, около 3,5 миллиона человек. Огромные общины в Великобритании, Испании, Греции, на Кипре. И это заставляет местные власти уделять больше внимания русскому языку и с точки зрения спроса избирателей на изучение своего родного языка, и с точки зрения работы с потоками туристов из России. Поэтому сейчас очень активно растут центры русистики, в том числе новые очаги изучения русского языка. Например, центры по обучению работников сферы обслуживания и гостиничного бизнеса. По нашим оценкам, общее число людей, так или иначе владеющих русским языком, в странах Западной Европы составляет около 8 миллионов человек.

5

В Азии, наиболее значительной по численности населения части мира, русский распространен значительно меньше. Во времена СССР во всей Азии – я исключаю пока арабский мир – русским владело приблизительно 5,5 миллиона человек. Сейчас – около 4 миллионов. В конце 1980-х русский как иностранный доминировал в Афганистане, Вьетнаме, Камбодже, Китае, Корейской Народно-Демократической Республике, Лаосе и Монголии. В 1990-е годы в подавляющем большинстве этих

стран русский как средство международной коммуникации уступил место английскому. Исключение составляет лишь Монголия, где русский по-прежнему является обязательным в большом количестве образовательных учреждений. Всего русский как первый или второй иностранный язык изучают в Азии около полу-миллиона человек, причем больше половины из них – монголы.

Есть государства, в которых русский как учебный предмет в школьной системе образования вообще не существует. Это Афганистан, хотя в стране есть высшее образование на русском языке, а ее элита во многом воспитана в наших учебных заведениях. Мы активно поддерживаем кафедру русского языка Кабульского государственного университета. До прихода американцев здесь занимались три студента, сегодня 300. Нет русского языка в школах Индонезии, крупнейшей мусульманской стране мира, население которой составляет 240 миллионов человек. Не учат русский в школах Малайзии, Мьянмы, Непала, Филиппин, Шри-Ланки. Но он преподается с недавних пор в некоторых высших учебных заведениях Индонезии и Филиппин. Я был в Джакарте и вел переговоры с руководством некоторых университетов, в том числе и Университета острова Бали, где объявилось большое число русских туристов. Теперь русский язык здесь будет преподаваться.

Год русского языка в Китае показал растущее количество центров русистики, причем и на уровне школьного образования, и на уровне университетского. Мы провели общекитайский конкурс русской песни, в котором участвовали сотни тысяч человек. Открыли шесть центров изучения русского языка в крупнейших китайских университетах. Провели олимпиады для школьников и студентов, что вызвало серьезный резонанс и было поддержано на государственном уровне. Однако людей, говорящих в Китае по-русски, гораздо меньше, чем китайцев, говорящих по-английски. И надо сказать, в китайских вузах преподают выпускники не российских вузов, как раньше, а выпускники Гарварда, Йеля, Кембриджа.

Всего в высших учебных заведениях Азии русский учат немногим более 200 тысяч студентов и аспирантов, и из них только 15 процентов изучают его как основную специальность.

На Ближнем Востоке, в Северной Африке и в арабском мире русский был достаточно распространен. Регион был вторым среди развивающихся стран по распространенности русского языка. Основными носителями его были выпускники советских, российских вузов. На Ближнем Востоке и в Северной Африке в общей сложности сейчас насчитывается более 200 тысяч выпускников наших вузов. Из них 100 тысяч в Сирии, 40 тысяч в Йемене, 30 тысяч в Ливии, 15 тысяч в Иордании и 10 тысяч в Египте. В этих странах русский язык сейчас на подъеме, во многом из-за туризма. Известные курорты на Красном море требуют очень большого количества персонала, знающего русский язык. Кроме того, к числу носителей русского языка и культуры в арабском мире можно отнести и несколько десятков тысяч советских и российских женщин, которые выходили замуж за арабских граждан. Их дети тоже знают русский. Всего в арабском мире примерно 300 тысяч русскоязычных людей.

Еще одну страну региона нельзя не учитывать. Здесь, как поется в песне Владимира Высоцкого, «на четверть бывший наш народ». Израиль – в значительной степени русскоязычная страна. Здесь огромное количество СМИ, которые выходят по-русски, есть русскоязычные общенациональные телевизионные каналы, есть национальное радио. Русская партия в кнессете – третья по численности. В Израиле пользуются русским языком порядка 1,5 миллиона человек. Проблема заключается в том, что русский язык в школе можно изучать только как второй иностранный. Первый иностранный, английский, идет с 1-го класса. Второй ино-

странный можно изучать только с 7–8-го класса. Дети из русскоязычных семей прекрасно говорят по-русски. Но зачастую к 14 годам, когда они приступают к изучению русского как иностранного, не умеют по-русски ни читать, ни писать. Поэтому многие не хотят изучать русский язык как второй иностранный.

В Африке, к югу от Сахары, до 1990-х годов русский изучался почти в 40 странах, в основном в тех учебных заведениях, которые мы строили и где работали наши специалисты. Сейчас в некоторых африканских странах русский преподается в отдельных лицеях, школах, вузах – в Египте, Мали и Сенегале. Всего же русским языком владеет порядка 120 тысяч человек, из них около 100 тысяч – выпускники наших вузов.

6

Недавно законодательное собрание штата Нью-Йорк приняло решение, объявляющее русский язык официальным языком штата. Этого добился конгрессмен Алек Брук-Красный, член законодательного собрания штата Нью-Йорк от Брайтон-Бич. Всего же в Нью-Йорке и его окрестностях проживает около 1,5 миллиона русских, русскоязычных людей. В Нью-Йорке издается 70 газет и журналов на русском языке. Есть русские радиостанции и телевидение. Всего же в Соединенных Штатах Америки, по моим оценкам, 4,5 миллиона человек так или иначе владеют русским языком. Они живут прежде всего в районе Большого Нью-Йорка, в Калифорнии, на Среднем Западе. В США очень много образовательных учреждений, где преподают русский язык. Это около 3 тысяч школ (как ни странно, наибольшее их количество – в Техасе) и колледжей, около 200 вузов. Надо заметить, что в Соединенных Штатах русскоязычное меньшинство оказывается и самым продвинутым. По последней переписи населения люди, которые сказали, что их родной язык русский, имели уровень доходов в полтора раза выше, чем в среднем по Соединенным Штатам Америки. Из всех национальных групп в Соединенных Штатах именно русские оказались наиболее зажиточными.

В Канаде русскоязычных поменьше, там большая украинская диаспора, по-русски практически не говорящая. Но людей, знающих русский язык, около миллиона. Столько же, около миллиона человек, во всех 30 странах Южной Америки. Это прежде всего выпускники наших вузов, а также русскоязычная диаспора. Кроме того, русский был более 20 лет самым распространенным иностранным языком на Кубе, где и сейчас им владеет большое число людей.

Наконец, Австралия. Здесь около 160 тысяч русских. Первая волна эмиграции шла из Китая, где после гражданской войны оказалось очень много солдат и офицеров белой гвардии, колчаковцев. В Харбине была огромная русская диаспора. Он одно время был практически русским городом. После победы китайской революции и прихода к власти Мао Цзэдуна белогвардейцы и их потомки вынуждены были бежать из Китая. Значительная часть их переселилась в Австралию. В 1990-е годы туда устремилось также большое число наших соотечественников, которые покидали страну в условиях экономических трудностей и утечки мозгов.

Итак, вселенная Русского мира огромна, но она сокращается. Русский язык по-прежнему является пятым или шестым на планете, но это единственный мировой язык, который утрачивает свои позиции.

7

Русский мир – еще и согласие. Воссоздание ткани Русского мира – очень большая и важная миссия. И она реализуется в последнее время, наблюдает-

ся множество ее символов. Это воссоединение Русской православной церкви и Русской зарубежной православной церкви. Воссоединение после многих десятилетий, после раскола, который пошел по единой ткани Русской православной церкви после 1917 года. Это реабилитация традиционных религий Российской Федерации. Это возвращение останков наших великих предков, таких как философ Иван Ильин и генерал Антон Деникин.

Явно меняются отношения между Россией, российской властью и российской эмиграцией. Российская эмиграция нередко была враждебна России. Эмигранты всех волн, вплоть до последней, весьма негативно относились к нашей стране, которая воспринималась либо как рай, но потерянный навсегда, либо как ад, из которого удалось вырваться.

Первая, дореволюционная волна эмиграции из России была в основном эмиграцией из западных областей – польской и еврейской. Она шла в Соединенные Штаты Америки. В Нью-Йорке накануне Первой мировой войны жило 1,25 миллиона евреев из Российской империи. И они были настроены крайне негативно к Российской империи, где подвергались преследованию. Вторая, белая волна, белая эмиграция, представляла в значительной степени элиту российского общества, всех представителей зажиточных и интеллектуальных классов, которые были выдвинуты из нашей страны. Третья волна – это люди, которые остались за пределами СССР после Второй мировой войны, в том числе значительный компонент власовских формирований, которые крайне негативно относились к Советскому Союзу. Четвертой волной стала еврейская эмиграция в поздние годы существования СССР. Пятая волна, которая пошла после распада Советского Союза, – это экономическая, интеллектуальная эмиграция. Она не настроена антироссийски, наоборот, готова сотрудничать с Россией. Более того, у нее существует сильная тяга к сплочению, и она наблюдается не только в последней волне, но и во всех поколениях российской эмиграции.

Русская община может решать и определенные проблемы, связанные с модернизацией нашей страны. Не секрет, что там, где определяется уровень мирового научно-технического прогресса, говорят по-русски. На Силиконовую долину в Калифорнии приходится основное количество международных научных открытий, а здесь говорят по-русски. В Европейской организации по ядерным исследованиям, где успешно разработали адронный коллайдер, тоже говорят по-русски. И фонд «Русский мир» сейчас создает свой центр в этой организации. Компания Google, один из столпов мирового компьютерного рынка, основана москвичами и тоже говорит по-русски. Подключение этих мозгов, которые оказались за пределами Российской Федерации, к целям российской модернизации исключительно важно. Так получилось, что число русских ученых, работающих в Российской Федерации, равно числу русских ученых, работающих за ее пределами. Это люди Русского мира, которые во многом задают высшую планку мировой науки.

Наконец, Русский мир – это некое сообщество, которое активно складывается. Организации соотечественников, русские клубы, ассоциации открываются по всему миру. На сайте фонда «Русский мир» есть база данных, в которой содержится информация более чем о 3 тысячах организаций русских, русскоязычных или относящихся себя к Русскому миру. Причем они необязательно русские. Например, Союз татар Украины тоже активная часть Русского мира, они себя так и позиционируют. И сейчас, когда страна возвращается к нормальному существованию, есть все возможности для воссоединения. На сей раз уже не земель, а людей, представляющих огромную сетевую транснациональную общность, которая,

собственно, и называется Русским миром и которая своим внешним кольцом, по моим оценкам, превосходит саму Российскую Федерацию.

Русский мир – это самостоятельная цивилизация, которая способна нести идеалы, прежде всего вырабатываемые внутри самой страны. Было бы очень хорошо, если бы эта цивилизация несла миру идеалы свободы, достоинства, справедливости, суверенитета, взаимного уважения государств, веры, традиций. Страна и цивилизация, которая могла бы жить в мире с собой и с остальным миром. Страна, которая была бы устремлена в будущее. Русский мир должен являться не воспоминанием о прошлом, а мечтой о будущем нашего великого и достойного народа, который имел очень интересную, трагическую и героическую историю и который, я уверен, имеет большое будущее.

АЛЕКСЕЙ КАРА-МУРЗА КАК ВОЗМОЖЕН РУССКИЙ МИР?

Проблематика Русского мира стала в последнее время чрезвычайно популярной. Конгрессы соотечественников, расширение связей с русской диаспорой, пропаганда русского языка в мире – все это, несомненно, важно и нужно. Но у понятия «Русский мир» есть и другой смысл – «мир между самими русскими» и, в первую очередь, в самой России.

Речь, разумеется, идет прежде всего о мире мировоззренческом и идеологическом, о создании хотя бы минимального идейного консенсуса, способного стать фундаментом гражданской нации. Между тем в России продолжается, выражаясь термином из социальной лингвистики, «война дискурсов» – не просто разных, а непримиримых идейно-речевых конструкций, нацеленных не на диалог и постепенную конвергенцию, а на взаимное уничтожение по принципу «победитель получает все».

Известный голландский социальный лингвист Т. ван Дейк показал, что именно в дискурсивных практиках происходит идеологическая социализация людей, формируется их идентичность. В идеале в ходе взаимодействия и взаимопроникновения частных дискурсов и основанных на них идентичностей кристаллизуется общегражданский язык, который и конституирует нацию с особой общегражданской национальной идентичностью.

Россия на протяжении многих десятков лет являет собой пример принципиально иного рода. Здесь сосуществование различных дискурсов не порождает общегражданский язык, а, напротив, ведет ко все большей идеологической сегментации, оукливаннию и герметизации различных «картин мира», их острой конфронтации и в итоге – к их общей деградации и взаимной аннигиляции. Периоды идейной смуты (Юрген Хабермас назвал их «гласностью без слышимости») сменяются периодами репрессивной регламентации и нивелировки как политического языка, так и социальности в целом: высказывать свои собствен-

ные мысли становится опасным, «своим» признается тот, кто правильно заучивает и повторяет слова власти.

История показывает, что идеологическая «монолитность» в новейшую эпоху не может держаться сколько-нибудь долго: языковой официоз деградирует и разваливается, а в скором времени разваливается и весь социум. Процесс социальной деградации идет именно в такой последовательности: все начинается с идейных сомнений, дискурсивной иронии (вспомним великую роль в нашей истории политических анекдотов), с создания альтернативного языка – а в скором времени рушится все идеократическое здание. При этом старые речевые практики и после краха старого режима остаются, продолжают функционировать, пророчат о реванше и т.д. Как результат, мы имеем то, что имеем: отсутствие общегражданского языка ведет к тому, что на развалинах старой советской идентичности у нас и не проросла новая «национальная идея», и не сформировалась общегражданская нация.

Вся история показывает, что поначалу именно в речи и на письме происходит столкновение сторонников порядка и сторонников изменений. В иных обстоятельствах это постепенно ведет к созданию динамичного либерально-консервативного соотношения и разумного компромисса «партии порядка» и «партии реформ». В России же подобная межпартийная борьба пока всегда приводила к иному результату: консервативный лагерь у нас вырождается в охранителей, а сторонники изменений – в радикалов. Вспоминаются точные слова Петра Бернгардовича Струве, сказанные о ситуации в России начала прошлого века: «Реакция и революция у нас стоят друг друга. Они равно непримиримы в своем тупом упоре». (Характерно, что 140-летний юбилей либерал-консерватора и русского «примирителя» Петра Струве прошел практически не замеченным как в стане сегодняшних охранителей, так и радикалов. Между тем аналогичный юбилей Владимира Ульянова-Ленина будет, несомненно, широко отмечен: на головы граждан в очередной раз выльются солидные порции как безмерной апологетики, так и проклятий.)

Возникают закономерные вопросы: почему так происходит в России и почему у некоторых других получилось принципиально иначе? Сошлось в этой связи на хорошо знакомый мне пример Франции, взяв в качестве объекта лишь одну линию напряжения во французской политической культуре, а именно: столкновение двух эмансипаторских дискурсов – демократического и либерального, то, что принято называть «линией Руссо» и «линией Вольтера».

Напомню: при жизни демократ Руссо и либерал Вольтер очень не любили друг друга – сейчас их саркофаги рядышком стоят в Пантеоне. Либерал Вольтер называл демократа Руссо «вором-вольнодумцем с большой дороги». Младший по возрасту Руссо старался отвечать тем же, и понять его можно. Ну как он мог отнестись, например, к такому известному либерально-элитистскому утверждению Вольтера: «Мы – легион доблестных рыцарей, защитников правды, которые допускают в свою среду только хорошо воспитанных людей». В частной переписке либерал Вольтер был еще более откровенным: «Что касается черни (canaille), то мне нет до нее дела: она всегда останется чернью. Я возделываю свой сад, но нельзя же в нем обойтись без жаб. Что ж! Они не мешают мне слушать пение соловья» (письмо Даламберу 1757 года). Или такая сентенция: «Чернь никогда не руководствуется рассудком, и на нее надо надевать намордник, как на медведей» (письмо Екатерине II 1771 года).

Пережив в эпоху якобинства свой апогей, руссоистская идея «коллективной воли народа» (концепция раннедемократическая, но лишенная либеральной со-

ставляющей) постепенно окультурилась, все более наполняясь просвещенческим и правовым содержанием. (Попутно добавлю, что, в отличие от Франции, Англия пришла к искомому либерально-демократическому синтезу иным путем: не за счет либерализации демократизма, а, наоборот, за счет все большей демократизации аристократического либерализма.)

Поэтому в развитых демократиях мы сегодня имеем принципиально иную картину: особые, «партийные» языки и соответственно разные частные идентичности не «слились в экстазе», но сравнительно мирно сосуществуют. В той же Франции за иронической маской либерал-консерваторов Ширака или Саркози с их элитарным снобизмом проглядывает знаменитый вольтеровский прищур, хотя и явно стилизованный. А в жесткой социальной риторике левых типа Жоспена или Сеголен Руаяль слышатся отголоски неистового Жан-Жака Руссо. Однако сегодня оба «языка» (условно «правый» и «левый») сместились к центру, маргинализовав как ультралевую, так и ультраправую риторику.

Но как это получилось, что называется, технически? Как произошел переход от эпохи взаимной ненависти Вольтера и Руссо к эпохе, когда острая политико-идеологическая конфронтация разрешается на конкурентных выборах внутри уважающей единую Конституцию французской нации? Выход был найден, где-то спонтанно, где-то сознательно, в «перекоммутации» частичных (отсюда и слово – «партийных») дискурсов, от нацеленности на конфронтацию к поиску относительного согласия.

Я не стану в стиле Мишеля Фуко рассказывать сейчас про дисциплинирующие («надзирать и наказывать») практики государства, про Кодекс Наполеона, про несколько революций, про пять французских республик. Это важно, но я сосредоточусь на более близком мне сюжете – роли социальных мыслителей, интеллектуалов вообще. Именно они (об этом написаны сотни и тысячи умных текстов) провели сначала интеллектуальную деконструкцию партийных дискурсов (если угодно, их «разминирование»), а затем предъявили эти уже «разминированные» частные «языки» к участию в общенациональном диалоге. Результатом стало ни много ни мало рождение общегражданской нации, не лишенной серьезных идентификационных напряжений, но вполне жизнеспособной.

Вот короткий пример такой интеллектуальной цепочки: деконструкция–разминирование–новое конструирование. Кто был главным врагом для Вольтера в строительстве искомой им идеальной Франции? (Замечу, Вольтер хотел реформировать Францию по английским образцам, был французским «западником», прямым учеником Локка и Болинброка, и тоже шли разговоры о том, что он якобы «агент влияния», чуть ли не шпион. Правда, разговоры эти давно стихли.) Главный враг для Вольтера, либерала и просветителя, – «фанатизм», а идеал – «веротерпимость». А кто главный враг для демократа Руссо? Это – «праздность», а идеал – «общество равных в труде». Соответственно, либерал-элитист Вольтер причислял Руссо именно к «фанатикам», считая его вожаком непросвещенной толпы. Руссо, в свою очередь, считал Вольтера человеком «праздным», а его умствования – занятием праздным (барской причудой), в то время как историю, по его мнению, должен делать народ.

Но постепенно выяснилось, что при всей персональной взаимной неприязни фатального идейного расхождения между ранним либерализмом и ранним демократизмом нет. Если хорошенько подумать (а это и было сделано несколькими поколениями французских интеллектуалов), идеал труда не противоречит идеалу веротерпимости, а праздность и фанатизм – это действительно две проблемы,

равно требующие преодоления силами как либералов, так и демократов. И сегодня французские правые и французские левые обладают хотя и разными, но равно способными к синтезу «языками» (условно говоря, либерал-консервативным и социал-либеральным) и борются за мозги и голоса хорошо образованного среднего класса, у которого есть реальный выбор.

России в этом плане еще предстоит проделать большой путь. У нас условные либералы и демократы, западники и самобытники, правые и левые так и не смогли хотя бы относительно договориться – замечу, на потеху монополюльной власти, поднаторевшей в осуществлении любимого кредо «разделять и властвовать».

Однако вселяет некоторый оптимизм то, что и в нашей истории есть хорошие примеры идейной диалогичности и частичной конвергенции различных частных «языков». В середине XIX века, при отсутствии формальной многопартийности, в русской интеллектуальной среде четко выделялись две «партии» со своим особым языком и картиной мира – западники и славянофилы. Но заметил же Александр Герцен внутреннее душевное сродство этих «друзей-недрузей»: «Мы были, как Янус или двуглавый орел: головы смотрели в разные стороны, но сердце билось одно».

Примером такого сердечного единения могли бы стать взаимоотношения лидеров двух «партий» – либерала-западника Бориса Николаевича Чичерина и либерала-славянофила Ивана Сергеевича Аксакова: много полемизируя в печати, они в трудные моменты выступали единым фронтом против обскурантизма и тупости петербургской бюрократии. Добавлю: Чичерин и Аксаков были не просто «москвичами», но еще и соседями, многие годы квартировавшими в особняке князя Голицына на Волхонке. Сегодня на фасаде находящегося в этом доме Института философии РАН мемориальные доски Чичерину и Аксакову висят рядом – как символ возможного интеллектуального примирения внутри Русского мира.

Не менее знаменательным является поведение двух других гигантов русской культуры – Ивана Сергеевича Тургенева и Федора Михайловича Достоевского, которых многие современники небезосновательно считали идейными вдохновителями соответственно западников и славянофилов.

Зимой 1857/58 года Тургенев жил в Риме: там он закончил повесть «Ася» и начал «Первую любовь» и «Дворянское гнездо». Вместе с этим он был постоянным участником политического кружка, группировавшегося в салоне великой княгини Елены Павловны и сыгравшего большую роль в идейной и кадровой подготовке «великих реформ». Как и его товарищи, Тургенев в Риме жадно следил за событиями в России: его радовали первые шаги нового императора, Александра II, но настораживали некоторые моменты общественной жизни. В частности, он заметил попытки отдельных чиновных карьеристов второго ряда, приодевшихся во входящие в моду одежды «либералов», устроить погром русского славянофильства под лозунгами: «Хватит! Натерпелись при Николае! Теперь наша взяла!» Что сделал тогда либерал и западник Иван Тургенев? Он разослал в несколько европейских газет статью в защиту русских славянофилов, подчеркнув их бесспорные гражданские достоинства, их роль в деле освобождения России. Западник Тургенев не ошибся в своих друзьях: такие лидеры славянофилов, как Ю. Самарин или князь В. Черкасский, сыграли большую роль в подготовке и осуществлении «александровских реформ».

А вот другой пример. Возвратившись в конце 1859 года в Петербург, ранее опальный Федор Михайлович Достоевский решает поддержать реформаторские начинания Александра II с... почвеннических позиций. В разгар «великих реформ» в основанном им совместно с братом журнале «Время» Федор Михай-

лович, в противовес государственному официозу о том, что реформы Александра якобы есть «продолжение дела Петра Великого в сближении России с Западом», выдвигает прямо противоположный тезис: идущие реформы кладут конец Петровской эпохе. «Реформа Петра Великого нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом... Но теперь разъединение заканчивается. Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла наконец до последних своих пределов... Мы говорим о примирении цивилизации с народным началом». Современники отмечали, что почвенническая позиция Достоевского способствовала укоренению и, как сейчас бы выразились, «легитимации» александровских реформ, несомненно имевших либеральный вектор.

В сегодняшней России стало считаться хорошим тоном по любому поводу хулить либералов и либерализм. Увы, но в том, что в русской игре в «Кто виноват?» виноватыми сегодня оказались либералы, есть изрядная доля их собственной вины. Многие из нас не слишком затрудняли себя изучением лучших образцов мирового и русского либерального наследия и почему-то решили, что Россия дастся им легко. Следует признать, что «праздность» и «нетерпимость», о которых так ярко, но порознь говорили когда-то Руссо и Вольтер как о главных пороках человечества, сегодня стали общей болезнью, охватившей многих и многих, независимо от их политической самоидентификации. Думаю, и спасти нас сможет только универсальное средство, спасшее уже не один социум: труд плюс веротерпимость.

Сегодня Россия остро нуждается в реабилитации «либерального проекта» – не только как эмансипаторского, но и как глубоко конструктивного. В русском просвещенном либерализме, который давно уже стал элементом русской «национальной почвы», накоплен большой интеллектуальный запас, готовый для предъявления в разумном общенациональном диалоге. Без этого диалога и без учета либерального видения мира Русский мир вряд ли состоится.

АЛЕКСЕЙ ГРОМЫКО

РУССКИЙ МИР: ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ, ЦЕННОСТИ, СТРУКТУРА

Понятие «Мир» ассоциируется прежде всего с масштабностью и многогранностью, это большие пространства, многочисленность населения. «Мир» можно определить как людскую общность, покоящуюся на четырех принципах: территориально-временном (хронотопическом), культурном (в значении «великой культуры»), онтологическом (смысловом) и аксиологическом (ценностном).

Русский мир, конечно, не единственный на земле. Помимо него существуют Американский мир, Британский мир (или в целом Англосаксонский мир), Французский, Испанский, Китайский, Индийский, Африканский и др. Во второй половине XX века претендовать на формирование стал Европейский мир на базе Евросоюза.

Мир не существует вне больших территориальных и временных пространств, человеческих и иных ресурсов. С точки зрения человеческих ресурсов Мир – это обязательно крупная общность. Мир не может быть исключительно виртуальным, то есть существовать лишь в головах людей, он должен быть привязан к определенной территории и к определенной линейке времени. Но верно и то, что Мир невозможен вне ментальности, география для него – лишь заливочная форма.

Каждый Мир является носителем великой культуры, в отличие от локальной, и не состоялся бы без нее, потому что только великая культура может обеспечить духовную основу Мира. Великая же культура – это не просто высококачественные произведения материальной и духовной культуры, это такая культура, которая общепризнана в мировом масштабе, не является имитационной, которая вышла далеко за национальные рамки, оказала влияние на развитие других культур.

О смысловых и ценностных принципах. У каждого Мира свое философское восприятие бытия, то есть своя система мировоззрения. Отсюда представления, например об америкоцентричном мире, евроцентричном и т.д. У каждого Мира также своя система ценностей, среди которых есть основополагающие, фундаментальные и ценности «второго эшелона». Остановлюсь на первых. Для развития Французского мира большую роль сыграла триада «свобода, равенство, братство». Для Русского мира XIX века таковой была формула «самодержавие, православие, народность». Британский мир длительное время покоился на ценностях империи, монархии и англиканства. Американский мир в XX столетии развивался под флагом американской мечты, базировавшейся на своей триаде ценностей: «свобода, индивидуализм, сила». Для Европейского мира, если согласиться с фактом его идущего формирования, подводится система ценностей, называемая «европейской мечтой». Ее триада – это «пул суверенитетов», социальный рынок и «мягкое влияние».

Говорить о ценностях абстрактно невозможно. Есть функциональные ценности, ценности культуры, ценности политической системы, общественной системы, духовные ценности. Среди функциональных ценностей Русского мира: многонациональность и полиэтничность с русской доминантой, многоязычие с русской доминантой, поликонфессиональность с доминантой православия, многокультурье. Среди политических ценностей Русского мира: сакральность власти, патернализм, суверенность. Среди духовных ценностей: духовность (в смысле доминирования духовного над материальным), мессианство (Москва – Третий Рим), идеализм, смиренность (или стратотерпие). Среди мировоззренческих ценностей: созерцательность, справедливость, провиденциализм (или даже фатализм), жертвенность. Среди поведенческих (бихевиористских) ценностей: доброжелательность, общительность, открытость, терпимость (в смысле толерантности), щедрость, гостеприимство.

Какова триада основополагающих ценностей Русского мира? Вопрос, безусловно, спорный и дискуссионный. Патриарх Кирилл на III Ассамблее Русского мира в ноябре 2009 года предложил: «Православие, русская культура и язык, общая историческая память и русская традиция». Я предложил бы иной ряд: «справедливость, духовность, солидарность».

Мир не тождествен пространствам бывших империй (вряд ли применимы термины «Турецкий мир» или «Австрийский мир»), хотя ряд Миров в своем прошлом были империями, точнее, вышли из империй, например Британская империя, Российская империя, Испанская империя. Мир не обязательно совпадает или пересекается и с понятием «великая держава» (например, не существует Немецкого мира или Японского мира, хотя Германия и Япония – признанные великие державы), но в отдельных случаях это справедливо, например ядро Русского мира, Англосаксонского мира, Китайского мира составляют именно великие державы.

Наконец, Мир не одно и то же, что цивилизация, хотя эти понятия имеют много общего. Цивилизацию можно определить как спрессованный исторический опыт больших человеческих сообществ, воплощенный в образе жизни, культуре быта и общения, менталитете и мироощущении, ценностных предпочтениях и приоритетах. Но далеко не каждый Мир равен цивилизации. Мир может быть больше цивилизации, например Африканский мир, часть которого – Магриб – входит в арабскую цивилизацию, а часть – субтропическая Африка – представляет собой собственно африканскую цивилизацию. Мир может быть меньше ци-

визации, например Французский или Испанский мир, которые оба входят в европейскую цивилизацию. Наконец, некоторые Миры находятся на стыке цивилизаций, например Англосаксонский мир – на стыке американской и европейской цивилизаций, потому что Британия относится к европейской цивилизации, а США, согласно распространенному мнению, представляют собой самостоятельную цивилизацию, хотя и вышедшую из европейской. В свою очередь, далеко не все цивилизации входят или совпадают с тем или иным Миром, например признанной является японская цивилизация, но Японского мира не существует.

Отличие Русского мира почти от всех других Миров (отличие, которое можно было бы назвать уникальным, если бы еще не существование Китайского мира) в том, что Русский мир сопрягается и с понятием «империя», и с понятием «великая держава», и с понятием «цивилизация». Действительно, Русский мир вышел из Российской империи. Во-вторых, ядро Русского мира – Россия – великая держава. В-третьих, Русский мир тождествен понятию «русская, или российская, цивилизация». Насчет последнего тезиса много споров. Многие, включая российского президента и премьер-министра, считают Россию частью европейской цивилизации. Другие утверждают, что Россия – это пересечение западной и восточной цивилизаций, то есть считают, что цивилизационное лицо России – полихромное. Спорят друг с другом и те, кто признает за Россией цивилизационную самостоятельность, а таких большинство. Среди них одна из самых популярных точек зрения: что русская цивилизация – евразийская по своей сути, то есть уникальный и самоценный сплав западных и восточных цивилизационных ценностей.

Кто принадлежит к Русскому миру? Каждый Мир имеет структуру, состоящую из ядра и окружающих его сфер. Причем последние – не одно и то же, что зоны влияния. В развитии Русского мира в XX веке необходимо учитывать то крайне важное обстоятельство, что Русский мир стал диаспоральным. Ядро Русского мира – это Россия и другие постсоветские славянские страны – Украина и Белоруссия. Внутреннюю сферу Русского мира составляют страны и регионы ближнего зарубежья, то есть постсоветского пространства. Внешнюю сферу Русского мира составляют различные категории государств дальнего зарубежья. Во-первых, это страны, где имеются наиболее крупные русскоязычные меньшинства (например, Германия, Израиль, США, Британия), главенствует православная церковь (Сербия, Кипр, Румыния, Черногория) или и то, и другое (к примеру, Болгария). Во-вторых, это те государства, где имеются или формируются русскоязычные диаспоры, проявляется большой интерес к русской культуре. К третьей группе относятся те государства дальнего зарубежья, в которых при отсутствии главенства православной церкви и малом распространении русского языка присутствует значительный интерес и симпатии к русской культуре или бизнесу (Италия, Финляндия).

Бесспорно, что скрепляющим раствором Русского мира, основным носителем его исторических кодов и смыслов, базой его культуры является русский язык. В последние годы интерес к русскому языку почти повсеместно в Европе вырос. Однако число вновь изучающих русский меньше, чем убыль тех, кто выучил язык еще в советское время. Потеря русскоговорящих происходит и в результате ассимиляционной модели поведения значительной части выехавших в Европу с постсоветского пространства. Ясно, что в целом число знающих в той или иной степени русский язык в Старом Свете будет в ближайшие годы сокращаться по мере убыли старших поколений в странах Восточной Европы, вопрос в том –

на каком уровне удастся стабилизировать число носителей русского языка. Для этого необходимо содействовать тому, чтобы русскоязычные сообщества следовали модели мультикультурализма, а не ассимиляции, чтобы на государственном уровне был решен вопрос о создании в Европе сети начальных и средних школ полного образования на русском языке, чтобы на уровне европейских вузов наращивалась поддержка российских программ, от которой во многих случаях зависит сохранение кафедр русского языка, российских исследований как таковых.

АЛЕКСАНДР НАУМОВ

ВДОХНУТЬ НОВУЮ ЖИЗНЬ

Недавно российскими и немецкими учеными был сделан важнейший шаг в изучении происхождения народов Европы. На основе новейшей технологии им удалось расшифровать генетический код одного из древнейших жителей Европы – обнаруженного в 1954 году под Воронежем, на берегу Дона, в захоронении Маркина гора 20-летнего мужчины, жившего около 30 тысяч лет назад. Проведенные исследования позволили ученым сделать вывод, что именно современная территория России являлась колыбелью европейской цивилизации.

Слово «цивилизация» появилось во французской историографии в середине XVIII века; в 1757 году это слово впервые отмечено в академическом словаре. Через 20 лет понятие «цивилизация» появилось и в Англии, в контексте противопоставления варварству. В России оно появилось в 20-е годы XIX века и тоже как антитеза варварству. У Пушкина в 1830-е годы это слово появляется несколько раз: сначала в дневнике в 1833 году (только в другой транскрипции – сивилизация), а затем в известной статье «Джон Теннер». В этой рецензии, напечатанной в журнале «Современник», Пушкин уже употребляет словосочетание «христианская цивилизация».

Именно русским ученым досталась историческая миссия определить, что такое русская цивилизация и мировые цивилизации, хотя наиболее активны в этом плане были британские ученые, особенно в XX веке. Но началось все с нашего соотечественника – Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885). В своих работах один из основателей цивилизационного подхода к истории выделяет несколько цивилизаций – «культурно-исторических типов». По мнению Данилевского, на протяжении 6 тысячелетий сложилось несколько культурно-исторических типов – они рождались, развивались и погибали. Так родилась

идея циклического развития культурно-исторических типов. Данилевский насчитывал 10 крупных цивилизаций, однако в XX веке, после того как появились новые археологические данные, пришло новое осмысление накопленных знаний, и количество цивилизаций заметно увеличилось. Пальма первенства в цивилизационных исследованиях перешла к западным ученым, наиболее известный из которых – британец Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975), создавший много томную работу «Постижение истории».

На основе работ Данилевского, Тойнби, а также Шпенглера, Ясперса, Бердяева и других ученых можно выделить несколько ключевых признаков цивилизации. В первую очередь это наличие городов, монументальных зданий общественного назначения (храмы, дворцы) и письменности. Можно добавить и еще ряд признаков. Это появление ремесел, начало промышленности, развитие искусства, науки. А также интенсивная сельскохозяйственная экономика, государственность, элита (государственная, религиозная, интеллектуальная).

Самюэль Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» установил, что есть мертвые и живые цивилизации. К последним он отнес китайскую, японскую, индуистскую, исламскую, западную, латиноамериканскую и африканскую цивилизации. Наконец, живет православная цивилизация, цивилизация Русь–Россия, которую, наверное, сегодня уже можно назвать цивилизацией Русский мир. Каковы же ее основы, истоки?

Не вызывает сомнения, что цивилизация Русский мир не только является живой, но и относится к так называемым осевым народам – то есть народам, которые создали великие цивилизации. В широком историческом контексте Русский мир заимствовал черты многих древних цивилизаций. Крито-микенская цивилизация (2100–1200 годы до н.э.) важна в том смысле, что она – корень великой греческой цивилизации, а значит, и нашей в каком-то смысле. Точно так же через византийскую цивилизацию мы связаны с сирийской цивилизацией (1201 год до н.э. – II век н.э.). Хеттская цивилизация (1700–1200 годы до н.э.) имеет к нам прямое отношение, потому что именно у хеттов символом государства был двуглавый орел, пришедший на Русь через Византию. В антропологическом, расовом отношении мы тесно связаны с индийской цивилизацией (2500–1500 годы до н.э.).

Если на цивилизацию Русь–Россия, Русский мир посмотреть более скрупулезно, то легко заметить, что она отчетливо состоит из нескольких культурно-исторических слоев. Первый слой – славянский. Основой Русского мира явилась восточнославянская общность. Субстратом нашей цивилизации является сообщество народностей – русские, белорусы, украинцы и связавшие с ними судьбу другие народы, скажем, мордва. У всех славян ядром социальной жизни являлись община, вервь, мир. Кроме того, прародина славян связана с реками, с умением жить на реках – это древнейшая славянская традиция. Славянская цивилизация – речная. Славянская основа Русского мира – это прежде всего природное начало, расовый признак, то, что дано по родовому расовому происхождению. Это народная культура, природный характер, внешний облик, темперамент, язык, дохристианские верования, мировоззрения по отношению к природе и человека к человеку.

Когда мы говорим об азиатском влиянии на Русский мир, то речь идет о тех народах, с которыми русские были в контактах в историческом прошлом и контактируют сейчас. Это тюркоязычные племена и народы, монголы в прошлом, другие большие этнические группы (например, угрофинская, живущая на Волге и Урале), кавказские народы. Азиатский след остался и сейчас присутствует у русских в крови, во внешнем облике, но не очень заметен в культуре.

Основной результат русско-азиатских контактов – физиологическое смешение этносов. Например, у Александра Невского мать была половчанкой. Свыше 300 фамилий в русской традиции – татарские или монгольские: Аксаковы, Аракчевы, Баскаковы, Карамзины, Каратаевы, Кутузовы, Тимирязевы, Тютчевы, Чадаевы и другие. Особое значение в контактах с азиатскими народами имеет период монгольского завоевания, так как в результате этого взаимодействия в определенной степени произошло внедрение монгольской психики в русский национальный характер. В результате догмат веры стал рассматриваться как данное, как основной фон душевной жизни и быта, а не как предмет философской спекуляции.

С религией, однако, в первую очередь связан другой пласт цивилизации Русский мир – византийский. Византийская основа Русского мира – это принятая в 988 году новая религия – православное христианство, письменность, это новые формы культуры, государственность, новые формы образования, обучения. С этого момента и начался цивилизационный процесс, то есть мы вступили в цивилизационный поток и стали жить по принципу новой цивилизации. Началось формирование духовного мира Руси и затем России, Русского мира. Православная вера стала ядром, вокруг которого последовательно расположены сферы русского языка, русской культуры, государственности и технологии. Характерно, что от византийцев мы взяли основной принцип: не менять религиозных взглядов, не менять религиозных догматов. Благодаря византийскому влиянию были сформированы основные специфические черты русского народа: абсолютизм в религии с его шатаниями от святости до полного атеизма; приоритет духовной свободы над социальной; двойственное отношение к государству, предполагающее одновременно и скептическое отношение к нему, и готовность служить ему верой и правдой; особое почитание царя; восприятие семьи как патриархального института; примат милости над законностью; пренебрежение формой и любовь к содержанию.

Византия – это наша духовная основа, и византийское влияние на нас наиболее плодотворно. Все византийское нами осваивалось легче, чем Западом. Византийское для нас было источником творчества и развития, а Запад всегда был как источник подражания, копирования и тиражирования западных мыслей в российской культуре. Конечно, для нас это самая близкая по духу цивилизация, несмотря на то, что российскую цивилизацию коренным образом переработали в XVII–XIX веках. Византийское влияние – не только христианство, это влияние на язык, на мышление, на всю средневековую русскую культуру. Москва, таким образом, не только Третий Рим, но и Вторые Афины. Даже такой придиричивый к России политолог, как С. Хантингтон, говорит о том, что Россия не очень похожа на Запад – у нее есть прямое влияние античности на ее культуру и на ее духовный строй.

Если же рассматривать влияние Запада на цивилизацию Русский мир, то мы можем говорить как об общем влиянии Запада в целом, так и о конкретном влиянии каждого из миров западной цивилизации. Еще до Петра I были активные культурные контакты с Западом; огромное влияние на Русь оказали скандинавы, итальянцы, немцы. Таким образом, можно говорить как об общем влиянии западной цивилизации, как бы духе западной цивилизации, так и о конкретном влиянии – о контактах: русско-итальянских, русско-немецких, русско-французских, русско-британских. Огромное значение для развития Русского мира имело и заимствование западной идеи коммунизма, вылившееся в грандиозный эксперимент на российском пространстве.

Таким образом, цивилизация Русский мир состоит из четырех разновеликих культурно-исторических слоев: славянского, азиатского, византийского и собственно европейского. Поэтому можно утверждать, что цивилизация Русский мир – уникальна. Однако в статичном положении уникальность не является бонусом и скоро исчезает. Уникальность Русского мира – прометеевой цивилизации – может быть конкурентным преимуществом только в развитии.

Временное измерение цивилизации Русский мир очевидно. Это IX век – современность. В пространстве наша цивилизация развилась от небольшой территории в предгорьях Карпатских гор и среднего течения Днепра до огромных пространств Европы, Азии, даже Америки. В структурно-институциональном плане цивилизация Русский мир представляла собой как единое целое под скипетром Киева, Москвы, Санкт-Петербурга, вновь Москвы, так и различные варианты административно-политического дробления. К последним относится, например, период феодальной раздробленности Руси (XII–XVI века), когда в Русском мире образовалось сразу несколько центров: Владимир, Новгород, Литва, Тверь, Москва. Развал Российской империи в начале XX века вновь вызвал фрагментацию единого пространства Русского мира, то же произошло и в 1991 году.

До начала потрясений XX века цивилизация Русский мир была обширна и влиятельна. Ее частью были Балканские страны, не отделяли себя от русских белорусы и украинцы, ранее жившие в Речи Посполитой. В Австро-Венгрии причисляли себя к Русскому миру русины, словаки и словенцы. Не были препятствием и религиозные различия – русское цивилизаторское влияние было важным для чехов, поляков, мусульманской интеллигенции Крыма и Поволжья. Для Русского мира не стали препятствием и этнические границы – влияние русской культуры было определяющим на Кавказе, в Средней Азии, в Прибалтике. Еще сто лет назад Русский мир был не диаспорой соотечественников, а геополитическим явлением, основанным на доминировании культурных, мировоззренческих и духовных ценностей, созданных русским народом и обогащенных традициями народов, которые признавали Русский мир своей цивилизацией. После двух геополитических катастроф XX века ситуация, конечно, поменялась. За пределами России в результате нескольких волн эмиграции сформировались новые сообщества русских людей, а русский народ превратился в диаспоральную нацию. Соответственно изменился и характер всего культурно-исторического сообщества – цивилизации Русский мир.

На протяжении тысячелетия менялись и основные идеи, концепты Русского мира. Можно назвать это модернизациями: гуманитарными и антигуманитарными, насильственными. К первым условно можно отнести, например, принятие христианства, реформы 60-х годов XIX века, ко вторым – петровские и сталинские преобразования, революцию 1917 года, распад СССР. Эти модернизации значительно корректировали вектор цивилизационного развития Русского мира, однако не меняли его в корне.

Для того чтобы Русский мир оставался живой цивилизацией, его необходимо поддерживать активной деятельностью, как внутри, так и вовне. В этом плане сегодня у нас реально есть потенциал для развития – это великая культура и солидный лингвистический ресурс, по самым скромным подсчетам насчитывающий до 300 миллионов человек.

Россия как сегодняшний центр цивилизации Русский мир занимает уникальное положение: ведь государства, в которых распространен и востребован русский язык, никогда не являлись ее колониями в классическом понимании, но в то же

время глубоко и на добровольных началах впитали в себя великую русскую культуру. За последние сто лет Россия накопила и определенный опыт в распространении своей культуры за рубежом. После революции многие представители русского дворянства, интеллигенции, творческой элиты нашли убежище в Европе, и русская эмиграция познакомила Запад с понятием «Русский дом». В советское время существовала система домов культуры, которая была развита в странах социалистического лагеря и в дружественных государствах. Работали Всероссийское общество культурных связей, Союз советских обществ дружбы, «Росзарубежцентр». Сейчас есть Россотрудничество и, конечно, фонд «Русский мир».

Ситуация, таким образом, двойственная. С одной стороны, имеется солидный потенциал, но с другой – инструментарий пока крайне ограничен. Это видно даже по деятельности фонда «Русский мир» – по сути, единственного сегодня элемента мягкой силы России. Вектором развития в этом направлении может прежде всего стать «мягкое» объединение Русского мира под эгидой России. Сделать это, конечно, будет не просто. Наша деятельность может быть сконцентрирована на участии в решении следующих задач.

Первое – поддержка русского языка. Именно использование русского как языка науки, обучения, культуры делает его мировым, а специалисты, получившие образование на русском языке, традиционно вносят значительный вклад в общественные и экономические отношения России с зарубежными странами. Второе – участие в социокультурной интеграции на пространстве Русского мира. Речь в первую очередь идет о создании единого медийного пространства. Третье – взаимодействие с РПЦ, которая, начав процесс объединения Московского патриархата и Русской православной церкви за рубежом, первая осознала не только возможность, но и явную необходимость восстановления цивилизации Русский мир. Наконец, четвертое – лоббирование создания соответствующей межгосударственной структуры (ее можно было бы назвать «Русофонией», «Международной русофонной организацией» или «Содружеством Русского мира»), оказывающей поддержку начинаниям гражданского общества.

У России есть огромный интеллектуальный, культурный, духовный, научный потенциал, способный при грамотно выстроенной политике взаимодействия принести и власти, и обществу огромную пользу. Осколки русской цивилизации оказались на удивление жизнеспособны и обладают огромным потенциалом для созидания. Москва в очередной раз может стать центром притяжения, воссоздания единой культурной общности неотъемлемых частей Русского мира, восстановить свое влияние на международной арене и возвратиться к ценностям, свойственным Русскому миру, обрести самостоятельность и целостность. Другими словами – необходимо вдохнуть новую жизнь в нашу бессмертную цивилизацию.

ПАТРИАРХ КИРИЛЛ РУССКИЙ МИР И НАШИ ЦЕННОСТИ

Глобализация, как теперь принято говорить, бросает вызовы прежде всего концепциям культурно-национальной идентичности. Представители различных культур поставлены перед выбором: примкнуть к этим мощным глобальным проектам и раствориться в них или же самим быть самостоятельными субъектами в формировании мироустройства. Может ли Русский мир обеспечить для себя роль значимого игрока на мировой арене – сегодня и в будущем? Уверен, что может. Пример того, что надо делать для этого, дают наши предки.

В далеком 1612 году после нескольких лет государственного нестроения и смуты наши предки сумели объединить силы и отстоять независимость Отечества, свою самобытность, если хотите, свою цивилизацию. Именно таким путем они сохранили высокие жизненные идеалы. И сегодня перед нами стоит не менее судьбоносная задача – всем сообща необходимо сохранить Русский мир, рассеянный по разным уголкам планеты, чтобы не потерять ценностей и образа жизни, которыми дорожили наши предки и ориентируясь на которые они создавали в том числе и великую Россию.

В связи с этим необходимо ясно понимать, что представляет собой сегодня Русский мир. Мне кажется, если мы будем считать его единственным центром только Российскую Федерацию в современных границах, то тем самым погрешим против исторической правды и искусственно отсечем от себя многие миллионы людей, которые осознают свою ответственность за судьбы Русского мира, считая его созидание главным делом своей жизни.

Ядром Русского мира сегодня являются Россия, Украина, Белоруссия, и святой преподобный Лаврентий Черниговский выразил эту идею известной фразой: «Россия, Украина, Беларусь – это и есть святая Русь». Именно это понимание Русского мира заложено в современном самоназвании нашей Церкви. Она назы-

вается Русской не по этническому признаку – это наименование указывает на то, что Русская Православная Церковь исполняет пастырскую миссию среди народов, принимающих русскую духовную и культурную традицию как основу своей национальной идентичности или, по крайней мере, как ее существенную часть. Вот почему в этом смысле мы и Молдавию считаем частью Русского мира. В то же самое время Русская Церковь является самой многонациональной православной общиной в мире и стремится развивать свой многонациональный характер.

На прошедшем Поместном соборе нашей Церкви было отрадно слышать, как его деятели и участники общались между собой на японском, немецком, английском, французском, украинском, молдавском языках. В качестве Предстоятеля Церкви помимо некоторых епархий России мне уже довелось посетить страны, которые являются становым хребтом исторической Руси, – я был на Украине и в Белоруссии и хотел бы кратко поделиться своими впечатлениями от визита, особенно на Украину. Многие пугали и меня, и общественность тем, что эта поездка будет сопровождаться провокациями, массовыми выступлениями националистических сил, противодействием некоторых представителей властных кругов. Однако это событие еще раз показало, что, несмотря на государственные разделения, на определенные нестыковки в политике, мы духовно, еще раз хочу подчеркнуть – духовно, продолжаем оставаться одним народом, и в большинстве – чадами Русской Православной Церкви.

Мои слова не означают, что Русская Церковь ставит под сомнение ныне существующие государственные границы. Конечно, нельзя не признать, что эти границы, по крайней мере на сей день, при нынешнем характере всех этих пограничных ситуаций, создают лишние препятствия между народами Русского мира. Нередко телевидение доносит до нас печальные картины того, что происходит, в том числе на русско-украинской границе, а иногда даже на российско-белорусской границе, несмотря на то, что формально границы как бы не существуют. Я убежден, эти препятствия, которые существуют или которые возникают, ослабляют роль каждого из государств и их роль в международной жизни. В то же самое время наличие суверенитета может помочь нам более ответственно подходить к сохранению собственной самобытности и строить новые формы общежития на основе равноправия и взаимного уважения.

Современным европейским странам суверенитет не мешает строить самые тесные отношения между собой, будучи членами Европейского союза. У стран же исторической Руси есть более веские основания для развития интеграционных процессов: они принадлежат к одному уникальному цивилизационному пространству, в рамках которого накопились ценности, знания и опыт, помогавшие нашим народам всегда занимать достойное место в человеческой семье.

Как можно определить это общее цивилизационное пространство Русского мира, несмотря на то, что у него отсутствуют сегодня общие политические институты? В основе Русского мира лежит православная вера, которую мы обрели в общей Киевской купели крещения. Благодаря историческому выбору святого князя Владимира наши предки присоединились к семье христианских народов и стали созидать мощную, единую Русь. Многочисленные святые – иерархи, князья, бояре, священники, монахи, простолюдины – учили наш народ любить Бога и ближнего, страшиться греха и порока, жаждать добра, святости и правды. То есть речь идет о формировании глубинных, базисных духовных ценностей, которые стали реальностью в исторической жизни нашего народа. Несмотря на различные перипетии, эти ценности были неизменными ориентирами для наци-

ональной жизни на все времена, поэтому народ наш и стал называться народом-богоносцем. Не потому, что весь народ был святым – грешников у нас было не меньше, чем в других странах, – а именно из-за этой ценностной ориентации нашей истории. Именно потому и земля наша стала называться Святой Русью.

Для русского человека немыслимо противопоставлять «украинского» равноапостольного князя Владимира «русскому» преподобному Сергию Радонежскому, «русского» благоверного князя Александра Невского «белорусской» преподобной Евфросинии Полоцкой, «молдавского» преподобного Паисия Величковского «российскому» святителю Игнатию (Брянчанинову). Это выглядит просто как анекдот, как шутка. Все это святые Русской земли, поэтому мы должны сохранить единство Русской Церкви, почитать общих святых, посещать святые места Русского мира. Могу лично свидетельствовать о том, насколько сильно скрепляет русское единство паломничество по святым местам Руси. Во время поездок в Белоруссию и на Украину меня поразило огромное число приходивших на богослужения – десятки тысяч людей желали помолиться вместе со своим Патриархом.

Важно и далее развивать паломничество верующих из разных концов Русского мира к общим святыням. Для этого надо открывать паломнические центры и службы, составлять маршруты, делать хорошее информационное обеспечение, готовить специалистов в этой области.

Большую роль в поддержке веры играет православная община. Сегодня по всей Руси восстанавливаются и строятся новые храмы, открываются и основываются монастыри. Для своих чад, которые по разным причинам и в разное время оказались за границей, наша Церковь открывает приходы во многих странах мира. Сегодня количество таких приходов продолжает расти, их число приближается к шестистам. Развитие заграничных общин является мощным фактором, препятствующим ассимиляции русских людей. Религиозная жизнь есть точка сосредоточения духовных и культурных сил соотечественников. Примером такой верности русской православной традиции стала историческая судьба Русской Зарубежной Церкви. Сохранив духовные и культурные ценности Русского мира вдали от Родины, ее иерархи, священство и миряне сегодня вносят существенный вклад в сплочение всех русских людей, проживающих за рубежом. Воссоединение Поместной Русской Церкви в 2007 году имело огромное значение для сознания соотечественников, проживающих в странах исторической Руси. Все ощутили большой духовный подъем, надежду на обретение единства Русского мира.

Бережное отношение русских людей к своей вере и уважение к вере других привлекало в Россию представителей различных религий и наций. В Российском государстве соотечественники других вер и национальностей всегда имели возможность достичь высокого общественного положения. Достаточно назвать лишь некоторые имена: барон Петр Шафиров, генерал Михаил Барклай-де-Толли, Хан Гусейн Нахичеванский, принц Александр Ольденбургский, мореплаватель Иван Крузенштерн, архитектор Константин Тон, художник Исаак Левитан. Они не были русскими по крови, но считали Россию, Русь, своим Отечеством и верно и бескорыстно ей служили.

Ценность веры в личной и общественной жизни стала еще более важной для представителей Русского мира после десятилетий господства государственного атеизма. Твердо убежден, в России, как и в других странах исторической Руси, больше никогда не будут возможны агрессивный секуляризм, воинствующий антиклерикализм в качестве широкого общественного движения, а тем более в качестве государственной политики.

Другой опорой Русского мира являются русская культура и язык. К русской культуре может принадлежать и русский, и татарин, и украинец, и грузин, потому что она впитала традиции многих народов. Русская культура – это явление, которое не вмещается в границы одного государства и одного этноса и не связано с интересами одного государства, что очень важно сегодня понять; так и эта организация, фонд «Русский мир», не является инструментом политического влияния Российской Федерации. У него совершенно другие цели и другие задачи. Русская культура – это в последнюю очередь матрешки, платки и самовары. Прежде всего это самобытные способы и формы выражения ценностей, исторического опыта народа Руси, которые определяют личное и общественное бытие миллионов людей.

В некоторых государствах бывшей единой страны существует навязчивый страх, что поддержка русской культуры может разрушить местную национальную культуру. Это пустое опасение. Изначально русская культура формировалась как культура, имеющая стыковочные узлы для соединения с другими национальными традициями. Истинной русской культуре чужд дух ксенофобии и шовинизма, а также подавления других культур. Если бы это было не так, то никогда из множества племен Киевской Руси не возник бы единый народ и до сего дня не сохранились бы самые малочисленные языковые группы и народности.

Важным коммуникационным элементом Русского мира является русский язык. Чтобы понять роль русского языка, надо иметь ясное представление о его генезисе. Хотел бы напомнить, что русский язык тоже стал плодом совместных усилий людей разных национальностей. Он возник как средство общения между разными народами. Поэтому необходимо прилагать усилия по сохранению и распространению этого общего достояния. Прежде всего важно создавать условия для изучения многочисленными соотечественниками, проживающими в дальнем зарубежье, русского языка и их знакомства с русской культурой. Церковь, государство, общественные структуры могут совместно осуществлять комплектацию зарубежных библиотек, в том числе в приходах, создавать при них центры изучения русского языка, организовывать мероприятия, нацеленные на сохранение русских традиций. Следует помогать выпускать периодические издания, создавать интернет-сайты на русском языке, поддерживать деятельность научных и образовательных центров, способствовать поступлению молодых соотечественников в церковные и светские учебные заведения в России, Белоруссии, на Украине.

Однако, высоко ценя роль русского языка, мы не должны забывать и о различных коренных языках Русского мира: об украинском, белорусском, молдавском и о прочих. Они обогащали и продолжают обогащать многоликую культуру Русского мира. Кроме того, они не раз оказывали прямое влияние на развитие общерусского языка. Невозможно представить себе, как появился бы русский литературный язык без Николая Васильевича Гоголя и Владимира Ивановича Даля, малороссов по месту рождения, и многих других людей различных национальностей. Нам необходимо выстроить систему поддержки этого бесценного многоязыкового сокровища Русского мира. Считал бы вполне возможным поддерживать центры изучения украинского, белорусского, молдавского языков при наших зарубежных приходах – там, где есть такая потребность. Они могли бы существовать наряду с центрами русской культуры или быть их органической частью, но ни в коем случае одно не должно создаваться в противовес другому как некая конфронтационная площадка, потому что все эти культуры есть органические части единой культуры Русского мира.

Наконец, третьим основанием Русского мира является общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие. В результате совместного творчества народов Руси и тех, кто составлял с ними единое целое на протяжении веков, возник способ общественного жительствова, который во всем мире ассоциируется с русской традицией. У наших народов присутствует сильное сознание непрерывности и преемственности русской государственной общественной традиции, начиная со времени Киевской Руси и заканчивая нынешней Россией, Украиной, Белоруссией, Молдавией и другими странами исторического пространства Руси. Наши предки вместе строили и развивали Русь, обороняли ее от иноземных захватчиков. Так было на всем протяжении существования нашего единого Отечества вне зависимости от господствовавшей политической системы.

За столетия совместной жизни выработались общие подходы к строительству общества. Традиционно народы Русского мира созидали общество на основе таких ценностей, как преданность Богу, любовь к Родине, человеколюбие, справедливость, межнациональный и межрелигиозный мир, стремление к знаниям, трудолюбие, уважение к старшим. В 2000 году Русская Православная Церковь постаралась систематизировать весь накопленный опыт в области общественного строительства на основе православного мировоззрения, приняв Основы своей социальной концепции. В прошлом году был принят еще один документ – «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека». Эти два документа являются плодом трудов всей Русской Церкви. В их разработке приняли участие иерархи, священнослужители, миряне, богословы, ученые из всех стран канонической территории Московского Патриархата. Они важны не только для Церкви, но и для всего Русского мира. Самобытность русской цивилизации, сформированной на основе Православия, а также с участием других традиционных религий, обеспечивала нашим народам свободу и независимость в определении своей исторической судьбы. Нам необходимо и далее ясно сознавать уникальность русского способа жительствова и не только воспроизводить его в странах с доминирующей русской культурой, но и свидетельствовать о нем далеко за их пределами, особенно в условиях духовного, нравственного кризиса современной человеческой цивилизации. Но ни в коем случае мы не должны терять того самобытного, яркого, сильного, значительного, что присутствует в нашей традиции, что является ее сердцевинной, ее сокровищем. Вот если мы потеряем это, то не нужно будет говорить о Русском мире – тогда останутся только матрешки и самовары.

В прежние времена этот способ жительствова поддерживался общими государственными границами, единым географическим ареалом проживания наших народов. Сегодня это не так. Однако независимые государства, существующие на пространстве исторической Руси и осознающие свою общую цивилизационную принадлежность, могли бы продолжать вместе созидать Русский мир и рассматривать его как свой общий наднациональный проект. Можно было бы даже ввести в употребление такое понятие, как страна Русского мира. Если в стране используется русский язык как язык межнационального общения, развивается русская культура, а также хранится общеисторическая память и единые ценности общественного строительства, это означало бы, что страна относит себя к Русскому миру. В данном случае я не предлагаю чего-то нового, ведь примерно по такому принципу существуют Британское Содружество наций, содружества франкоязычных и португалоязычных стран, ибероамериканский мир.

Чтобы такой Русский мир был сплоченной реальностью, а не аморфным образованием, необходимо одновременно действовать на нескольких уровнях. Прежде всего мы должны опираться на взаимодействие между гражданскими обществами стран Русского мира. Но не менее важна позиция элит новых, независимых государств, созданных на пространстве исторической Руси. Именно элиты оказывают существенное воздействие на общество и направляют его в ту или иную сторону. И потому важно установление системы прочных отношений между элитами стран Русского мира. В связи с этим ключевое значение имеет этика межэлитных отношений. Нужно выработать такой тон отношений, с помощью которого проявлялось бы уважение друг к другу, исключался бы всякий патернализм, всякая попытка играть роль «старшего брата», подчеркивались бы национальные интересы каждой из стран и выражались соборные усилия в строительстве общественной жизни с опорой на общую духовно-культурную традицию. В одиночку даже самые крупные страны Русского мира не смогут отстаивать свои духовные, культурные, цивилизационные интересы в глобализирующемся мире.

Верю, что только сплоченный Русский мир может стать сильным субъектом глобальной международной политики, сильнее всяких политических альянсов. Кроме того, без координации усилий государства, Церкви и гражданского общества мы не достигнем этой цели.

КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ РУССКОГО МИРА

АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ:

Тема, которую сформулировал фонд «Русский мир», кажется едва ли не центральной для понимания того мира, в котором живет Россия. Это ключ к тому, как сохраняется русская традиция, проходя через эпохи, через сломы цивилизаций, через смену ментальных привычек, оставаясь при этом самой собой. Некоторые говорят, что существует не просто доминанта, а культурная матрица. Я немного побаиваюсь такого термина, хотя и матрица тоже вещь изменчивая, и предпочитаю говорить о колее – такой образ более понятен.

Но все это слова, метафоры – не более. Главное – то, что сохраняют из века в век русская культура, русское сознание. В чем здесь наши преимущества и в чем опасности? Ведь самое главное в мире в то же время и самое опасное. Самые существенные вещи несут в себе наибольшие риски, но мы не можем отвергнуть эти ключевые вещи, сказав: мы не хотим рисковать – потому что тогда мы можем лишиться главного.

Как социология смотрит на проблемы культурной доминанты? Что это такое? Какие институции, какие мифологемы сохраняют культурную традицию? Что в ней распадается, а что сохраняется? Есть ли здесь какие-то закономерности?

≡ **АЛЕКСАНДР ГОФМАН:**

≡ Существует взгляд на традицию как на своего рода социокультурные гены. Соответственно, тогда ставится задача этот генотип расшифровать, разгадать. Но такой фаталистский взгляд на традицию мне кажется ошибочным.

Согласно другому подходу, традиция – это результат изобретения и конструирования, целиком зависящий от того, чего хотят элиты – властвующие и интеллектуальные. Но и это преувеличение.

Если говорить о больших, сложных обществах, таких как Россия, то в них социокультурное наследие богато, разнообразно и дифференцировано. А поэтому каждое поколение застает определенный набор довольно разнородного культурного наследия и так или иначе просто вынуждено что-то выбирать из него. Во-первых, в таких обществах существует много самых разных групп, у каждой из которых имеются свои традиции, свое наследие. Во-вторых, и общее культурное наследие подвергается разным прочтениям и истолкованиям в зависимости от обстоятельств.

Например, принято считать – и не без основания, – что в России имеет место такая культурная традиция, как патернализм по отношению к государству. Можно видеть в нем некую сквозную черту ментальности, которая определяет характер самих институтов. Но можно посмотреть на патернализм и иначе: если угодно, как на адаптивную стратегию, результат приспособления к определенным институтам. В ситуации, когда государство, государственная власть берет на себя всё и вся, патернализм – это вполне рациональная стратегия населения. Зачем тогда напрягаться, суетиться, изобретать?

С другой стороны, параллельно существует и анархизм, согласно которому вообще все зло идет от государства. Родоначальниками соответствующей теории были еще Бакунин и Кропоткин.

Или такая черта, как правовой нигилизм, – будто бы традиционная черта для российской ментальности. Опять-таки, как посмотреть. В ситуации, когда право представляет собой известно что – «Закон что дышло...», – относиться к праву и к правовым институтам, мягко выражаясь, с почтением оснований действительно нет. Но и в этом случае мы имеем дело не с причиной, а со следствием: так люди приспособляются к ситуации, когда право находится в неважном состоянии, и к таким правовым институтам, которые есть.

Сегодня мы находимся в ситуации конкуренции и даже борьбы между различными интерпретациями культурного наследия – борьбы между воспоминаниями, за воспоминания, за социокультурную память. Бессознательная зависимость от тропы или от колеи, как сказал Александр Архангельский, существует. Но есть и ситуация сознательного выбора. В истории нет ничего фатального, и сегодня мы, как и всегда, выбираем. Выбираем не только свое настоящее, не только свое будущее, но и свое прошлое.

≡ **АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ:**

≡ Поскольку речь зашла о выборе своего прошлого, предоставлю слово Павлу Лунгину. Из его фильмов самый обсуждаемый сейчас – «Царь». Но если посмотреть, что делал режиссер Лунгин на протяжении последних лет, независимо от того, исторические там сюжеты или современные, в России происходит действие или за ее пределами, – он так или иначе бьется над одной проблемой: можно ли выйти за пределы русских мифов так, чтобы остаться при этом русскими, чтобы не потерять себя, – или же выйти за пределы и остаться русскими невозможно? Мне, во всяком случае, кажется, что это сквозная линия последних фильмов Лунгина.

≡ **ПАВЕЛ ЛУНГИН:**

≡ Не знаю. Так буквально я бы не формулировал. Но все эти фильмы действительно вьются вокруг еще одного главного русского мифа – понятия русской души. Той самой русской души, которую мы все и понимаем, и не понимаем, которая нас раздражает, но и жить без нее для нас невозможно. И в этом для меня

корень. Эта русская душа возникает – внерационально – в людях, в моих героях и заставляет их совершать поступки рационально бессмысленные, но необходимые для них внутренне.

Вообще, очень интересно, что сама тема русского мифа, видимо, действительно главная тема нашего общества, потому что оно упорно не хочет себя осознавать. Это просто удивительно, до какой степени общество подобно ребенку, который не хочет идти к врачу, – ну не хочет. И в этом отношении функционирует не за счет фактов, знаний, а за счет мифов о фактах, о знании.

Типичный пример. Прекрасные люди со слезами на глазах мне говорили: что вы все про сталинизм? Да во времена Ельцина умерло от голода больше людей, чем за все время Сталина погибло в лагерях. И они говорят это искренно. Хотя ведь знают, что это неправда, – ведь знают! Но мифологическое, символическое убийство государства они обращают в миф о том, что миллионы людей умерли от голода.

Нужно разграничить мифы, которые есть, которые сформировались, – и мифы, которые сейчас пытаются сформироваться или которые пытаются искусственно сформировать сейчас.

Мне кажется, один из главных наших мифов – что русская власть должна быть твердой рукой, жестокой рукой, что нет выхода для России, кроме как такая власть. Это миф об Иване Грозном, переходящий в миф о Сталине, Петре I и т.д. Ощущение, что надо с нами построже, что кнута надо, а иначе не получается и не получится, укоренилось очень глубоко. Оно поддерживается мифом о войне. Удивительным образом народ не хочет говорить, что это он выиграл войну. Несмотря на то, что это он гиб в окопах, – он упорно считает, что войну выиграла власть, лично Иосиф Виссарионович. А раз он выиграл, этим мы легитимизируем все, что было: выиграл, выстоял, значит – он хороший.

У меня нет ответов, я могу только поднимать вопросы, но удивительна сила, с которой люди отказываются взять на себя героизм и отдают его власти, – в этом есть что-то уникальное.

Возрождается старый миф о том, что Запад нас ненавидит, что Западу больше нечего делать, кроме как гадить, досажать и желать уничтожить Россию. Миф очень сильный, он живет сам по себе, то исчезая, то вновь возникая. В сущности, это главный миф о Западе. Он, конечно, тоже необыкновенно противоречив, как все мифы. С другой стороны, люди равняются на Запад, нет для них большего счастья, чем быть оцененными на Западе, получить там премию, приз и т.д., и тем не менее... Казалось бы, если Запад – враг, чего же радоваться, когда хвалят? Однако радуются, если хвалят, и при этом внутренне убеждены, будто нас ненавидят.

Я говорил о том, что сложилось, что работает. Но есть миф, который рождается у нас на глазах, – мы живем в эпоху рождения мифа о том, будто Горбачев и Ельцин развалили могучую, великую, крепкую, счастливую, а главное, богатую страну. Люди абсолютно не хотят видеть, насколько объективным было то, что произошло. Этот миф сейчас активно насаждается, и не удивлюсь, если через 50 лет и Горбачев, и Ельцин окажутся кем-то вроде сказочных злодеев. Я даже думал снять об этом фильм, но не знаю как... Это смешно, наивно – фильм, конечно, ничего не сможет сделать, кроме как обозначить миф. И тем самым попытаться его разрушить.

Русское мышление удивительно интересно. Все говорят о сильной руке, но никто не хочет испытать ее на себе. Видимо, действительно удобно жить в патерналистском обществе – в том смысле, что вообще никаких обязанностей нет. Если

тебя милиционер не поймал – все можно. Понятия стыда, совести, правил, нарушений вообще не важны. Не пойман – и не пойман. Это как черепаха, у которой скелет внутренней самоорганизации вынесен наружу, а внутри него она мягкая. Внутри она абсолютно анархична и делает что хочет, а наверху покрыта крепким патерналистским панцирем. Как бы в противодействие давлению государства.

Мифы нужно по возможности развенчивать. Общество должно очень активно и интенсивно работать с историей, ее переосмысливать и перечитывать, что-то из нее брать, а от чего-то отказываться. Должно быть нечто, что люди принимают в своей истории, и что-то, чего они в ней не принимают.

Представьте себе американцев, которые говорят: конечно, плохо, что было рабство, что негров линчевали, но ведь Америка в это же самое время проделала огромную работу, поднимала промышленность, выигрывала войны... На самом деле должны быть вещи, которые общество, поднимающееся вверх по спирали, отбрасывает абсолютно. Но мы как-то ничего не откидываем – все остается с нами, ничему не даны нравственные и идеологические оценки. И в этом смысле мы вновь и вновь оказываемся вне развития, мы плаваем в каком-то внеисторическом пространстве.

||| **ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ:**

||| Я хотел было отсидеться в этой дискуссии, но понял, что сделать этого мне не дадут.

Проблема мифов очень интересна, но, как историк по образованию, хочу сказать, что мне неизвестно ни одной сколько-нибудь значимой нации, чья история не была бы основана на мифах и чья идентичность не была бы построена на мифах. И проблема в том, что в отношении нашей страны мифов гораздо больше. Причем существуют они как внутри самой страны, так и вовне ее. 99 процентов людей на Западе никогда не слышали фамилию Павла Лунгина и едва ли знают о существовании российского кинематографа вообще, но уверены в том, что по улицам Москвы гуляют медведи. Я не сильно преувеличиваю. Мифотворчество – это нормально, оно в мире существует. С ним нужно бороться, но в данном отношении мы не представляем собой какого-то исключения.

Что отличает российскую цивилизацию? На этот вопрос пытались отвечать люди самых разных национальностей, профессий и убеждений. Не исключая десятков и сотен наших соотечественников. Бердяев выделял в русской ментальности такой компонент, как дуалистичность российского сознания. Мы – страна крайностей, и сознание у нас крайнее. У нас нет умеренного сознания. С одной стороны, русские – самые государственные люди на свете, Россия создала самое крупное государство и самое мощное государство, а так, как полагаются на власть у нас, не полагаются нигде. С другой стороны, русские ненавидят это государство, стремятся от него убежать и постоянно его критикуют. То есть абсолютный дуализм. Но я бы подчеркнул, что, как показывает весь опыт нашей истории, власти прощают абсолютно всё, кроме одного – власти не прощают слабости. И тогда уж наказывают за эту слабость по полной программе.

Если говорить о восприятии русской цивилизации в других странах, то мне кажутся интересными наблюдения профессора Токийского университета Аоямы Гакуин Сигеки Хакамады. Это брат нашей Ирины Хакамады. Он делит цивилизации на несколько условных типов. Западную он называет цивилизацией камня: камень – это нечто твердое, вместе с тем это отдельные блоки, из которых возводятся большие сооружения. Восточная цивилизация – цивилизация глины, то есть вязкого, пластичного материала, которому можно придавать форму внешними воздействи-

ями, но при этом он не будет терять своей природы. А российская цивилизация, по мнению Сигеки Хакамады, – цивилизация песка. То есть того, что рассыпается и что не едино. И это действительно проявляется у нас во всем.

В том числе в опыте жизни нашей эмиграции. Сейчас русские – самая большая диаспоральная нация в мире. По оценкам фонда «Русский мир», русскоязычная диаспора (включающая, например, немцев из Казахстана) уже больше, чем китайская. А число людей в мире, говорящих по-русски, сопоставимо с населением Российской Федерации. То есть фактически вторая Россия за пределами России. Но это песок. Это рассеянная, атомизированная цивилизация, которую наш фонд, как и многие другие, пытается объединить. Но песок еще и то, из чего делают цемент, делают бетон, что при серьезных внешних воздействиях может быть сплавлено в стекло или даже во что-то очень крепкое. Так с нами и происходит. Внешние воздействия действительно превращают нас в единое целое, в общество, а иначе мы, к сожалению, очень часто бываем атомизированными.

Поэтому все разговоры о русском коллективизме, на мой взгляд, не вполне оправданны. Конечно, коллективизм существует. В том числе как идеал, к которому, я уверен, нужно приближаться. И мы – и как фонд «Русский мир», и как представители Русского мира – стремимся к тому, чтобы стать более или менее единым целым. Но к этому еще идти и идти.

||| ОЛЬГА КУЛИКОВСКАЯ-РОМАНОВА:

||| По поводу песка: по-английски говорят *pobody* – буквально «ни тела», а по-русски – «ни души». Это к разнице между русскими и англичанами.

Я председатель Благотворительного фонда Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, зарегистрированного еще в 1991-м, и до 2000 года мы привозили сюда гуманитарную помощь. А затем включили в свою программу помимо благотворительности культуру и просвещение.

Теперь о роли Русской православной церкви в распространении и сохранении русского языка за рубежом. Сегодня знаменательный день – подписание договора между Русской православной церковью и фондом «Русский мир». Когда я предлагала для выступления эту тему, даже не думала, что буду присутствовать при таком важном событии. Значит, тема действительно актуальна.

Известна миссионерская деятельность Русской православной церкви. Одновременно с вероучением распространялся и русский язык. Один из величайших русских православных подвижников XIX – начала XX века, святой равноапостольный Николай (Касаткин), принес православие в Японию. Архиепископ Японский Николай в конце XIX века организовал в Токио духовную школу, которая стала инструментом катехизации и занималась богословскими исследованиями на русском языке. Самим архиепископом Николаем или под его прямым руководством создавались учебники русского языка, разговорники и словари. До сих пор обучение в Токийской православной семинарии, рассчитанное на семь лет, ведется на двух языках – русском и японском.

Известна и многогранная деятельность святого Иоанна Шанхайского (Максимовича) в Китае.

Протоиерей Ярослав Беликов из Сан-Франциско, анализируя жизнь русской эмиграции в XX веке, пришел к выводу, что русский человек, отходя от церкви, перестает интересоваться русским языком и русской культурой, быстро становится «гражданином мира», оставаясь русским только по названию.

Традицией первой волны русской эмиграции или беженцев, как мы себя называли, было сохранение русского языка и русского уклада жизни. Совершенно естественно, что при зарубежных приходах с самого их основания стали организовываться школы, которые обычно так и назывались – «русская школа», в отличие от местных – французских, сербских или американских. Приходские школы создавались буквально на пустом месте, благодаря энтузиазму пастырей, родителей и педагогов. Не было помещений, не было учебников, не было иногда и квалифицированных учителей. Занятия проводились на квартирах священников, в храмах или у кого-нибудь на дому. Учебные пособия печатались на пишущей машинке под копирку, иногда переписывались от руки. Учителями часто становились родители.

В основную программу входили Закон Божий и русский язык. Со временем к этим предметам прибавлялись история России, география России, русская культура, пение, церковные песнопения и народные песни, народные танцы, рукоделие и тому подобные предметы, способствующие развитию в ребенке русского духа. Так выросло и воспиталось несколько поколений русских в рассеянии.

Такова история и моей жизни. Я родилась в Югославии. В Россию приехала впервые в 1991 году, но, как видите, выступаю перед вами на родном русском языке.

Продолжаю свою тему. Финляндская православная церковь видит свою задачу в служении иммигрантам. При всех православных приходах действуют воскресные школы, разные детские художественные и музыкальные студии. Известность получил финско-русский хор «Надежда» из города Котка. В Свято-Троицком храме города Лахти проводятся «русские дни». В Риимяки работает русский православный кружок, куда приходят не только русские, но и финские дети со своими родителями.

Великая роль в сохранении русского языка в Северной Америке принадлежит Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле. Это единственная духовная школа вне России с пятилетним курсом образования на русском языке. В ней преподавали выдающиеся ученые и богословы: архимандрит Аверкий (Ташев), протоиерей Михаил Помазанский, архимандрит Константин (Зайцев), Николай Дмитриевич Тальберг, Евгений Евлампиевич Алферьев, другие выдающиеся деятели.

Из приходских школ в Соединенных Штатах наиболее известна школа при храме Покрова Пресвятой Богородицы в Наяке (штат Нью-Йорк), основанная в 1951 году Софьей Сергеевной Куломзиной. Много лет директором школы был протоиерей Серафим Слободской, автор учебника «Закон Божий». Занятия в школе проводились по субботам, и дети приезжали туда из разных районов штата Нью-Йорк и даже из других штатов. Программа обучения была рассчитана на 14 лет. Преподавательский состав наякской школы издал целый ряд учебников и пособий, которыми пользовались многие приходские школы за рубежом.

В Австралии существует епархиальная школа имени святого Александра Невского при Петропавловском соборе в Стратфилде, в ней два подготовительных класса, десять основных, а также специальные классы для желающих сдать экзамен по русскому языку на получение государственного сертификата.

В Кельне при православном храме помимо воскресной школы работают детско-юношеский центр, музыкальная школа, художественный кружок, курсы русского языка. Занятия ведут квалифицированные преподаватели из числа прихожан. Родители считают, что дети, живущие в Германии и говорящие в детском саду и в школе по-немецки, должны сохранить свой родной язык. И часто другой возможности для этого нет.

Во многих странах – Дании, Канаде, Франции, Австралии и др. – с помощью православной церкви организуются детские летние лагеря с русским языком общения.

Русский язык поддерживается также изданием православных газет и журналов (например, «Северный благовест»), а в последнее время большинство зарубежных приходов имеют официальные сайты на двух или более языках.

В России богословие изучают не только российские, но и иностранные граждане. В Воронежской духовной семинарии есть студенты из Украинской и Грузинской православных церквей. Православное образование на русском языке получили граждане Сербии, Боснии, Черногории, Хорватии, Греции, Германии, Швеции, Китая. Но, к сожалению, в России до сих пор нет специальных учебных пособий по русскому языку как иностранному для религиозных учебных заведений. Хотелось бы, чтобы преподаватели русского языка, сотрудники Министерства образования, другие ответственные лица обратили внимание на религиозную сферу как на равноправную коммуникативную учебную среду.

Фонд Великой Княгини Ольги Александровны уже профинансировал издание нескольких словарей и других изданий, будем продолжать эту работу и дальше. Наш фонд в лице своих сотрудников, среди которых опытные ученые-филологи и преподаватели русского языка как иностранного, также готов сотрудничать в совместных проектах с фондом «Русский мир».

||| ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ:

||| Как раз русский язык, в отличие от русской социальной жизни, показывает, что можно быть абсолютно открытым, восприимчивым к любым переменам и сохранять свое ядро независимо ни от чего.

||| АЛЕКСЕЙ ШМЕЛЕВ:

||| Коль скоро речь зашла о национальном мифе, начну с этого понятия. Я скептически отношусь к утверждениям о повсеместной распространенности мифов в русском, как и в любом другом, обществе. Точнее, не очень понимаю, какими исследованиями можно подтвердить такую повсеместность. Как правило, сами говорящие о ней этих мифов не разделяют, оставаясь при этом частью русского общества.

Более существенными для бытующих в русском обществе представлений о мире, об истории, о жизни вообще являются языковые данные, языковая картина мира.

В значении языковых единиц любого языка есть такие компоненты, которые говорящими, как правило, не замечаются, они сами собой понимаются, не оспариваются носителями языка и, соответственно, имеют повсеместное распространение. Человек думает, будто так и устроена жизнь, очень удивляясь, когда узнает, что у носителей других языков дело обстоит совсем иначе.

Скажем, для носителей русского языка очевидным кажется, что люди думают головой, – даже рука при слове «думать» тянется к голове. Русский человек, что-то вспоминая, бьет себя по лбу. А чувствует сердцем, и ум может быть с сердцем не в ладу. Похоже устроены и многие европейские картины мира.

Но носители русского языка удивляются тому, что есть языки, где все устроено совсем по-другому, представления совсем другие, и часто многое в них неправильно понимают. Например, в древнееврейской картине мира соотношение ума и сердца было совсем иным, и оно сохранилось в тексте Священного Писания. Так что, читая в Библии об «ожесточении сердец», носитель русского языка нередко решает, будто речь идет об эмоциональной черствости, неспособности чув-

ствовать. Тогда как на самом деле – о непонятливости, неспособности понимать притчи, понимать слово Господне.

Человек, конечно, может осмыслить, отрефлексировать такие представления, но в повседневном общении люди принимают их как сами собой разумеющиеся. Причем важно, что такие представления о жизни повторяются в значениях сразу многих языковых единиц. Их бы я и предложил считать культурными доминантами Русского мира.

Например, одно из подобных представлений – и очень важное – состоит в том, что, с точки зрения носителей русского языка, человеку нужно много пространства, чтобы чувствовать себя свободно и хорошо. В неявном виде это представление заложено в значении таких слов, как «даль», «ширь», «приволье», «раздолье», «простор». Все это трудно переводимые слова, им нет точных аналогов даже в относительно близких к русскому западноевропейских языках. Именно потому, что они окрашены специальным чувством. Человеку хорошо, и он чувствует себя свободно, потому что вокруг много пространства. Не случайно Даль в своем словаре толкует слово «свобода» через слово «простор», а отсутствие свободы по-русски называется «притеснениями», когда человеку тесно, когда пространства вокруг нет. «Разгуляться», «размах» – тоже все положительно окрашенные слова. Конечно, когда человек разгулялся или гуляет на свадьбе, он ощущает свободу. Когда он свободен от повседневных обязанностей по работе, это называют отгулом. Или сам себе устраивает прогул. Во всех подобных случаях он будто гуляет на просторе.

Отсюда такое важнейшее свойство русской души, как ее широта. Само словосочетание «широкая русская душа» стало почти клишированным.

И это подводит нас к другой теме. В русской языковой картине мира чрезвычайно низко оценивается мелочность, стремление к выгоде по любому поводу, пусть даже выгоде малой. И такая черта русской культуры и русского языка отличает нашу языковую картину мира от картин даже близкородственных языков. Очень характерно, что в большинстве славянских языков слово «корысть» и его аналоги имеют положительное значение и означают выгоду, пользу. И только в русском языке оно приобрело ярко отрицательную окраску и стало обозначать мелочную погоню за разного рода выгодами, которая, безусловно, не одобряется. Корыстный человек – это плохой человек.

Не одобряется в русской культуре и погоня за удовольствием или высокое мнение о себе самом. Многие иностранцы с удивлением узнают, что самомнение для носителей русского языка – это отрицательное качество, так как буквальный его перевод как будто означает склонность к самоанализу.

Все это очень часто проявляется в сдвигах в значении слов, заимствованных русским языком. В польской культуре *gonog* – очень важная ценность и культурная доминанта польского мира. Это представление о чести, связанное с самопожертвованием. Но русскими такая черта польской культуры воспринималась как некоторая гордость, спесь, кичливость, и в русском языке заимствованное слово «гонор» стало употребляться как обозначение ярко отрицательного качества. Одно из немногих исключений – сценарий Солженицына «Знают истину танки», где слову возвращается исходное значение. Поляк-заключенный продолжает стоять, когда всем приказывают лечь: «Вскинутая голова! Грудь, подставленная под расстрел! Гонор – это честь и долг!» Но это индивидуальное словоупотребление Солженицына, совершенно не характерное для большинства русских текстов.

Но в употреблении языковых единиц – а тем самым и в языковой картине мира – тоже происходят изменения. Многие из понятий, имевших отрицательную окраску в традиционной русской культуре, сейчас ее лишаются. Это видно по использованию в рекламе таких слов, как «амбициозный», «карьерист», «наслаждение» и многих других. Быть амбициозным в традиционной русской культуре – плохо. Это заимствованное слово приобрело отрицательную окраску, свидетельствуя о неумеренных притязаниях и желании жизненного успеха. А теперь в рекламных объявлениях постоянно «требуются амбициозные молодые люди». Появляются такие словосочетания, как «успешный человек», невозможные еще лет 20 назад. Тогда использовалось слово «преуспевающий», которое тоже имело негативный оттенок. Это человек, который добился успеха, но, возможно, не по заслугам, и даже, скорее всего, не по заслугам.

Мы переживаем некоторые сдвиги в русской языковой картине мира, но эти сдвиги, как правило, не принимаются людьми, ориентированными на традиционные культурные ценности.

||| АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ:

||| Как подсказывает мне Павел Лунгин, символично, что фамилия составителя главного словаря русского языка – Даль.

Над русскими культурными доминантами бьется не только русская культурная мысль, но и западная. Слово профессору Нива, который начал выпускать многотомный цикл – не знаю, исследования ли это или энциклопедические статьи, – под названием «Места русской памяти». О тех институтах, мифах, явлениях, фигурах, которые концентрируют в себе представления о русской национальной памяти и проносят эту память сквозь века.

||| ЖОРЖ НИВА:

||| Я участвовал в составлении одного словаря, который готовила французская исследовательница и философ Барбара Кассен, – словаря непереводаемых терминов европейской философии. Мне, например, было поручено написать о «сборности». И во всех языках есть такие термины, которые не переводятся одним словом – их надо объяснять.

Русскому мифу или России, увиденной глазами Европы и Запада, посвящены сотни, тысячи книг. Я их стараюсь собирать, но не систематически. У меня таких книг уже три сотни. Самая лучшая, подводящая итоги, это книга американского – увы, покойного уже – историка Мартина Малиа *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*, изданная в 1999 году.

В общем, с точки зрения Франции и всей Европы есть два основных вида русского мифа. Один восходит к XVIII столетию, а другой – к XIX веку.

XVIII век – это спор о личности Петра Великого, основателя нового государства, и миф о просвещенном деспотизме: «А там, в России, есть деспот, который посещает Европу и интересуется ремеслами». Знаменитая в Европе сцена: в 1717 году, когда Петр второй раз посещает Версаль и Париж, он берет в свои объятия мальчика Людовика XV, качает его, подбрасывает. И этот гигант с мальчиком как бы явление России Европе. О Петре шел спор между французскими философами, сначала высказался Монтескье, а потом главным образом Вольтер и Руссо. Для Вольтера это – Петр Великий, это доказательство того, что просвещенный человек с помощью философов, в особенности Лейбница, с которым Петр беседовал, может существенным образом изменить строй своей страны, своего общества. А Руссо, наоборот, считает Петра образцом деспотизма.

Упомянутый мною Лейбниц употребил применительно к России формулу *tabula rasa*. Неправильная формула. Россия ни в коем случае не была *tabula rasa*. Но она казалась таковой – чистой доской, на которой можно строить, и новый Солон, Петр Великий, пишет для нее новые законы.

Екатерина II была собеседницей Вольтера и, как ему казалось, могла построить идеальное государство.

А в XIX веке появляется другой миф – о России, которая несет нам некий духовный месседж. Знаменитая книга Вогюэ 1886 года так и называется – «Русский роман». Казалось, с ним в Европу возвращается духовность, та духовность, которую мы потеряли при воцарении позитивизма. И вдруг Достоевский и еще больше Толстой меняют нас, и в Европе появляется доминанта русского этического послания.

При возникновении первого мифа почти никто в Европе не знал русского, к моменту появления второго – русский язык начинают учить. Мериме учит русский, чтобы переводить Пушкина, а такие люди, как Анатолий Леруа-Больё или тот же Вогюэ, уже прекрасно знают русский, они читают русских романистов на их родном языке.

Можно сказать, что с этого момента Европа знает Россию намного лучше. Одновременно растет и миф о том, что Россия ближе к Богу, что Россия – богоискатель на земле.

Пруст, Андре Жид, Томас Манн ощущают это и пишут об этом. Как верно сформулировал Мартин Малиа, сама возможность конвергенции между Россией и Европой возникает в конце XIX века именно благодаря такому вкладу России.

Эти два мифа переходят и в XX век. Миф о просвещенном деспотизме трансформируется в миф о русском социализме, о большевизме, сливающимся и с мифом о вкладе России. «Идет свет с востока» – так называется тот том эпопеи Жюлья Ромэна «Люди доброй воли», где его герой обращается в коммунизм. Как и мой учитель Пьер Паскаль обратился в коммунизм как в русскую религию и стал большевиком-католиком.

Этот вариант второго мифа рухнет после разочарования, принесенного XX съездом. Но для некоторых и раньше. Скажем, для Пьера Паскаля – еще когда вводится нэп, вновь появляются деньги, когда пайки комиссара и домработницы уже не равны. Это уже конец, это уже не первохристианские времена, о которых он мечтал, когда все было общим, а нечто другое, что Паскаль ненавидел.

Но к временам застоя появляется новый свет с востока – это диссидентство, в основном Александр Солженицын. Так что вариации меняются, а миф остается, он просто воплощается в новые лица.

И последнее: когда такой влюбленный в Россию западный человек, как Райнер Мария Рильке, посещает ее вместе с Лу Саломе и пишет стихи о России, происходит большевистская революция. Но Рильке продолжает верить в Россию. Его друзья даже озабочены: что происходит? Той святой Руси, о которой ты мечтал, больше нет, там убивают священников и уничтожают религию.

Но, как писал Рильке, в России «есть горы и бездны. И вверху и внизу она ведь тоже с чем-то соприкасается... – Наверное, с Богом? – Конечно, с Богом. – А люди в России замечают это соседство?»

На последнем вопросе и расстанемся.

≡≡≡ **АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ:**

≡≡≡ Вы недавно подготовили еще одну книгу, о которой я не сказал...

ЖОРЖ НИВА:

В Женеве прошла выставка, я организовал ее с помощью Пушкинского дома и частных коллекционеров – «Сокровища русского «золотого века»: от Пушкина до Толстого». Ее идея состояла в том, чтобы показать, как в России в XIX веке сосуществуют, соседствуют две культуры: аристократическая, про которую все знают, – от Пушкина до Толстого, и культура подпольная, народная. Культура старообрядцев с их рукописными книгами, которые они продолжали переписывать тайно вплоть до появления указа о свободе вероисповеданий в 1905 году. Их потрясающие иллюстрации – главным образом к Апокалипсису и его толкованиям – произвели довольно сильное впечатление на посетителей, потому что никто не подозревал, что есть и эта вторая культура.

АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ:

Теперь прошу включиться в разговор человека, который занимается той самой современной литературой, которая, с одной стороны, вроде бы борется с любыми константами, выворачивая наизнанку все, что подлежит и даже не подлежит выворачиванию, – но, с другой стороны, каким-то странным образом продолжает традицию.

СЕРГЕЙ ЧУПРИНИН:

Ключевая доминанта у словесности всего одна – это язык. Именно язык дает имя национальной литературе, именно язык, как величайшую ценность, берут с собой в чужие страны, в иную культурную и языковую среду. Во всяком случае, так было в 1920-х, в пору, как сейчас принято говорить, первой эмиграции. В Союзе, в Советском Союзе торжествовала – и в языке улицы, и в языке канцелярии, и в языке художественной литературы – стремительная перестройка. Язык менялся или, если угодно, грязнился. Тогда как именно на Западе и на Востоке, там, где жили эмигранты, язык сохранялся в своей родниковой чистоте и озерной невозмутимости.

С одной стороны, здесь, в России, – шум, гам, стройка-перестройка, с другой стороны, ощущение автономии и сохранение языка таким, каким он нам был дан Богом. И одновременно же – оукливание этого языка, стремление построить и удержать для себя культурную и языковую автономию, никак не соприкасающуюся со средой проживания и пребывания.

Так длилось много десятилетий, и не было у просвещенных читателей большей мечты, чем мечта о слиянии этих двух потоков, этих двух альтернатив, противостоящих друг другу, в единое литературное пространство.

Это произошло. Или, во всяком случае, нам показалось, что произошло, на рубеже 1980–1990-х, когда на книжные прилавки и журнальные страницы вернулись тексты, вернулись авторы, ранее в России недоступные. И одновременно же, с падением железного занавеса, из России хлынул огромный поток, лавина людей, по разным причинам хотевших добровольно переменить свою судьбу, – кто-то уезжал на постоянное местожительство, кто-то – в командировку, кто-то – по любым другим причинам.

Как я сострил в одной своей статье, то, на что евреям потребовалось два тысячелетия, русские и русскоговорящие люди совершили за 20 лет – заселили буквально всю планету. Нет сейчас, видимо, ни одной страны на белом свете, где не было бы русских людей, и нет ни одной страны, где не было бы русских писателей.

Как составитель справочника «Русская литература сегодня: зарубежье» могу сказать, что русские писатели есть всюду – в Японии, в Австралии, в Новой Зеландии. Особенно меня тронуло, что есть литературная студия в государстве Зимбабве. Там живут русские летчики и их жены. Они выпускают свой альманах, пишут стихи по-русски.

Это новая, абсолютная непредсказуемая раньше реальность. И возникла важная развилка того сюжета, о котором я говорю.

Подавляющее большинство стихов, прозы, статей, эссе, которые пишутся на русском языке во всем мире, пишутся так, будто это делается в Москве, в Рязани или в Иркутске. Но это подавляющее большинство. А если есть подавляющее большинство, то есть и отдельные случаи – может быть, пока еще точечные или нащупывающие для себя новую дорогу.

Наиболее очевидным это для меня стало в прошлом литературном сезоне, когда я был председателем жюри «Русской премии» (2008) и, соответственно, прочел несколько десятков прозаических и поэтических произведений людей, живущих за пределами Российской Федерации.

И вот вам пример: первую премию в номинации «Крупная проза» получил давний мюнхенский житель Борис Хазанов с романом «Вчерашняя вечность» – романом, написанным, я бы сказал, на языке первой эмиграции, хотя Геннадий Моисеевич Файбусович (Борис Хазанов – это псевдоним) отнюдь не принадлежит к первой эмиграции. Это старомосковский язык, старомосковская речь, реалии и вся ментальность.

Вторую премию – «серебро» – получил роман «Линтенька, или Воспарившие» Сергея Юрьенена, который жил сначала в Париже, потом в Мюнхене, в Праге, а сейчас осел в Штатах, в Нью-Йорке. И это роман, который не мог быть написан в России. Это роман, который написан человеком уже с другим, космополитическим опытом, человеком, привыкшим жить в постоянном диалоге не только с российскими, но и с западными читателями, с западными интеллектуалами. Роман очень интересный и очень непохожий на роман Хазанова или романы других претендентов на «Русскую премию».

И те же примеры показывает литература Израиля, особенно стихи, написанные там на русском языке, а еще более – стихи и проза русских писателей, живущих там, что сейчас называется странами Балтии.

Недавно мы приняли к печати цикл рассказов русской эстонки Елены Скульской. Приняли с некоторыми боями и трудностями: мне пришлось спорить с коллегами, которые говорили, что рассказы, в общем, неплохие, но какие-то совершенно нерусские – словно перевод с некоего средневропейского языка. И это правда, они действительно написаны так, как пишется средневропейская проза, но от этого не перестают быть явлением русской литературы и русского языка.

Мне кажется, здесь проявляется некая новейшая тенденция, которая пока еще плохо отрефлексирована. Уже очевидно, что наряду с собственно русской литературой в ряде стран, особенно там, где много переселенцев из России, из Советского Союза, складывается какая-то новая, другая литература. Она тоже написана на русском языке, но чуть на другом русском языке или чуть на других русских языках. Вне зависимости от того, Израиль это, Украина или, предположим, Канада.

Об этом заговорили сравнительно недавно. И вначале, разумеется, в Израиле, где больше всего людей, читающих и пишущих по-русски. Там уже в 1998 году была проведена конференция «Геополитика литературы и наш литературный быт», где впервые было сказано о складывании нового феномена – зарубеж-

ной или, можно сказать, международной русской литературы, схожей с нашей, состоящей с нашей в доминантном единстве, тем не менее от нашей радикально отличающейся. Так же, как состоят в литературном единстве, но радикально отличаются друг от друга литературы Германии, Австрии и Швейцарии или десятки литератур, созданных на английском, французском или испанском.

Чем дело кончится и обретут ли автономию русская литература Канады, русская литература Украины, русская литература Узбекистана – не знаю. Посмотрим. Во всяком случае, необходимо думать об этом и рефлексировать первые проявления. Именно потому я обратился в фонд «Русский мир» с просьбой оказать поддержку и провести по гранту фонда в разных местах цикл дискуссий о феномене международной русской литературы или международных русских литератур.

Две дискуссии под общим грифом «На пути к международной русской литературе» уже состоялись. Одна – в апреле–мае 2009 года в Тель-Авиве, другая – буквально на прошлой неделе в Мюнхене, и оба раза разговор был очень содержательным. И Израиль, и Германия, разумеется, были выбраны совершенно сознательно – как места, где особенно кучно сосредоточены русские писатели.

Сознательно были выбраны и участники этих разговоров. С российской стороны – Олег Чухонцев, Олеся Николаева, Александр Кушнер, критики Дмитрий Бак, Самуил Лурье, Андрей Немзер и другие, а со стороны принимавших – израильской и германской – лучшие, на мой взгляд, интеллектуальные силы и Германии, и Израиля – от профессора Дмитрия Сегала и блистательной Майи Туровской до писателей, читателей и редакторов литературных журналов на русском языке.

В дискуссиях участвовали журнал «Зеркало» из Тель-Авива, «Иерусалимский журнал», «Зарубежные записки» из Кельна и Мюнхена, журнал «Интерпоэзия» из Нью-Йорка. И, разумеется, московский журнал «Знамя». Естественно, ни к какому мнению мы не пришли. Впрочем, это и не предполагалось.

Русская литература за пределами Российской Федерации пока очень спорная, неясная, зыбкая территория. На ней обозначаются новые смыслы, новые реальности, новые потенции. И мне кажется, этот разговор нужно продолжить. Надеюсь, в сотрудничестве с фондом «Русский мир» мы подготовим сборник соответствующих материалов и эти дискуссии продолжим.

||| АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ:

||| Для одних из нас вопрос о русских константах – философский или творческий, другие же без этих констант просто свою деятельность осуществлять не могут.

||| МАЙЯ РОМЕНЕЦ:

||| Пока дискуссия действительно ведется в философском плане, с рассуждениями об эволюции русского языка и отражении в этой эволюции характера русского человека.

Но нельзя забывать и о такой теме, как восприятие человека, с учетом той реальности, в которой он живет. В разных странах, где расселились наши русские люди, по разным причинам за рубеж уехавшие, они попадают и в разные ситуации. Ситуации формируют мировоззрение, а мировоззрение в числе прочего выливается и в творческие произведения искусства, которые эти люди создают.

Изначально я собиралась рассказать о проблемах русской школы. Но как руководитель ассоциации соотечественников «С тобой, Россия» и как главный редактор газеты «Надежда» хочу теперь сказать о другом, поскольку дискуссия приняла неожиданный для меня и очень интересный поворот.

Консолидация – вопрос очень сложный. На всех наших конгрессах мы говорим о том, что главная задача – объединить Русский мир. Но многие забывают, что не так это просто. Ведь есть, сохранились еще, слава богу, представители даже первой волны, хоть и осталось их немного. И есть новые выходцы из России – совершенно другого плана люди, с другим характером, другим воспитанием, другим уровнем культуры, другим восприятием действительности, другими потребностями.

Мне приходится общаться с представителями и первой волны, и самых последних – например, с молодыми женщинами, вышедшими замуж за перуанцев. И вы знаете, я просто восхищена тем, старым поколением. Насколько прекрасен их русский язык! Как они этот русский язык сохранили! Насколько могуч характер этих людей! Мне рассказывали, как создавалась русская церковь. Они же приезжали не так, как сейчас, когда можно взять с собой все необходимое. Те люди – инженеры, воспитанницы Смольного института, с высоким уровнем и культуры, и образования – приезжали буквально ни с чем. Но находили в себе силы, находили слова, находили поддержку, объединялись, поддерживали друг друга – и создавали. Так ими в 1950-х и была построена православная церковь. Эти люди вызывают уважение.

Не хочу никого критиковать, но последняя волна – это абсолютно другой тип людей, совершенно другой мир. Это поколение более слабое, они на кого-то другого рассчитывают, на какую-то помощь извне.

1980-е, когда возникла идея создания русской школы в Перу, были сложным для этой страны временем – с террористическими актами, с ультрамаоистскими партиями. И когда мы сняли здание и начали преподавать в нем русский язык, столкнулись с негативным отношением и со стороны правительства, и со стороны тех людей, которые осуждали нас за то, что мы не избрали путь Мао Цзэдуна. В газетах писали, будто Майя Роменец хочет советизировать школу, хотя речь шла не о политике, а о том, чтобы более качественно преподавать.

И однажды я прихожу на работу, а все учебники и материалы, которые нам подарил Институт русского языка имени Пушкина, выброшены в окно на улицу. Такой жестокой оказалась хозяйка, у которой мы снимали помещение. Мы три ночи ночевали, окружив все материалы и парты, чтобы сохранить все это. А потом нашли небольшой участок земли в другом районе, мне помогли занять денег, чтобы его оплатить, и постепенно мы начали строить два каменных здания.

То есть было очень сложно, и спасибо тем людям, которые были рядом, тем родителям, которые нас поддержали. Школа вот уже 25 лет активно работает, у нас прекрасные контакты с Университетом дружбы народов, где многие из наших лучших выпускников смогли на бюджетной основе получить высшее образование.

Большая поддержка оказана в последние годы со стороны посольства России, в частности посла Михаила Григорьевича Троянского, Русского центра, консульства. Но когда мы начинали, посольство довольно скептически относилось к нашему энтузиазму.

В 2008 году нашу школу посетил министр Сергей Лавров. К тому времени оба здания у нас оставались в еще не законченном виде. И министр сказал: даю вам слово, что помогу. И буквально вчера мне сообщили, что одна из организаций России выделила деньги, чтобы поддержать школу, отремонтировать ее и купить технику. Хочу поблагодарить сейчас и Сергея Лаврова, и ту организацию – мне не сказали, кто это именно. Я ощущаю себя прямо на крыльях – возвращусь и приступлю к делу.

Вернусь к консолидации. Как я уже говорила, это сложный процесс. Встал вопрос, как воспитывать наших детей. Привозить бабушек, чтобы дети слышали прекрасную русскую речь, уже невозможно. Я избрала другой метод. Уже закончила и привезла в Москву фильм «Русский мир на родине инков», а сейчас работаю над книгой «Первые русские в Перу». Здесь в 1815 году побывал адмирал Лазарев с экипажем корабля «Суворов», а в 1817-м – известный мореплаватель Головнин, оставив очень интересные записки. Собственно, это были первые послы России, они в Перу не только передохнуть останавливались – с них начинались отношения между двумя странами.

И сейчас я занимаюсь источниками. Несколько летних недель провела в Санкт-Петербурге, поработала в архивах, в Военно-морском музее, меня встретили чудесно. Прекрасные люди! В том числе женщины, которые уже в возрасте – блокадницы. Знаете, когда я их слушала – это скромные труженицы, но насколько глубоко они знают историю, насколько любят свою профессию, свою родину! Как они мне помогли, когда водили меня по всем архивным подвалам! Это пример для всех нас. И вот сейчас первая часть моей книги готова: «По музеям и хранилищам тайн легендарного фрегата «Аврора». «Аврора» – это парусный фрегат, который в 1854 году побывал в Перу, простоял там 14 дней, и на его борту была группа ученых Петербургской Академии наук. Они успели собрать очень интересный материал, который передали в Санкт-Петербургский Музей археологии и этнографии.

Как я слышала, при фонде «Русский мир» будет организована библиотека, так что эта книга – наш взнос в нее...

||| **ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ:**

||| Спасибо большое, библиотека у нас уже давно организована, но это будет достойный вклад в нее.

||| **СВЕТЛАНА МЕЛЬНИКОВА:**

||| Я занимаюсь сохранением культурного, архитектурного наследия здесь, в России. И мне очень близко то, о чем говорила Майя Роменец: все нужно делать самим. Когда мы начинали в 1988-м, нас было всего пятеро. И еще хочу сказать, что мое общение с Конгрессом русских американцев в Сан-Франциско, с семьей Павла Хлебникова – и с ним самим, и с его вдовой, и с его дядей, президентом Международного общества спасения памятников русской культуры Аркадием Небольсиным, и с многими другими эмигрантами, – убедило меня, что русское зарубежье очень интересуется состоянием культурного наследия в России. Сейчас они сражаются с небоскребом в Петербурге – страстно и последовательно. Они не терпят мысли, что Петербург будет уничтожен.

То же самое касается сельских церквей, заброшенных и погибающих безвозвратно, которыми занимаемся мы. Культурные доминанты Русского мира включают и наше архитектурное наследие, а не только язык, архитектура – это каменная летопись нашей страны.

||| **ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ:**

||| Мы работали целый день, мы говорили обо всем – о деятельности фонда «Русский мир», о Русском мире, о тех центрах, которые в нем создаются, о школах и учебниках, о литературе. А в ходе этой дискуссии коснулись проблемы не менее важной – производства смыслов. Важной, поскольку нашу жизнь в конеч-

ном счете определяют смыслы. И я уверен, сам по себе Русский мир – это один из таких новых смыслов, во многом способствующий цементированию нашего сообщества, которое за последние десятилетия стало действительно глобальным.

XX век был для России весьма трагичным. Что представлял собой Русский мир в начале прошлого столетия? В его тогдашних пределах, в Российской империи, тогда жил каждый седьмой обитатель земли. Вдумайтесь в это – каждый седьмой! А сегодня на этой территории живет лишь каждый пятидесятый. Мы прошли через войны, революции, гражданские войны, репрессии, через распад страны. Население Российской империи в начале XX века составляло 170 миллионов человек, сегодня в Российской Федерации живет 142 миллиона, и сами размеры этой страны значительно меньше.

Но вместе с тем действительно появился, и стремительно, огромный внешний Русский мир. Как здесь сказали, на то, чтобы расселиться по всей планете, у евреев ушло две тысячи лет, а русским хватило двадцати. На самом деле русские, русскоязычные занимались этим весь XX век. И сегодня размер внешней части Русского мира не меньше, чем Русского мира Российской Федерации. Во всяком случае, они вполне сопоставимы. Это уже две России, если хотите. Два Русских мира, которые должны стать одним. Россия пережила войны, смуты, революции, репрессии и вошла в XXI век с осознанием того, что пора уже вновь собирать – а не разбрасывать. Собирать. Если не территории, то людей. Людей, которые думают по-русски, мыслят по-русски, относят себя к русским, даже и не говоря по-русски, – как четвертое поколение потомков первой волны, кое-где уже утратившее русский язык, но по-прежнему считающее себя русскими, – и стремятся быть русскими.

Русский мир сейчас – огромная общность, до трети миллиарда человек. Русский язык – пятый на планете по распространенности. И в наших силах сделать все, чтобы такое положение как минимум сохранялось и чтобы Русский мир становился глобальной общностью. Если угодно – общностью сетевой, постмодернистской, отвечающей уже не традициям XVIII–XIX веков, о которых здесь много говорили, а традициям XXI века, традициям постиндустриального общества с его возможностями создания колоссальных сетей общения.

РУССКИЙ МИР КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ВЛАДИМИР АННУШКИН:

Дорогие коллеги, все мы объединены в Русском мире, который пишется через «и десятеричное», объединены желанием мира как согласия, благоденствия, благоустройства жизни. А мы, филологи, должны объяснить обществу, что вся жизнь человека организована языком, организуется через слово.

Роль и значение языка в нашей жизни катастрофически недопонимается обществом. Между тем вначале было слово. Словом наделен каждый человек. Всякая интеллектуальная деятельность нормализуется, благоустраивается либо же наоборот – вследствие хорошего или дурного языка.

Поэтому на первом месте стоит вопрос культуры. Культура есть совокупность достижений, правил, прецедентов, в том числе касающихся области языка. То, как относится общество к языку, то, как относится к языку каждый человек, характеризует данное состояние данного общества.

Хотя текст конкурсного проекта написан мною лично, но ведь аз есмь плоть от плоти Института русского языка имени Пушкина, Московского государственного университета, Российской риторической ассоциации, которую я, грешный, возглавляю – так что мысли эти не только мои.

Каков язык, такова и жизнь – вот элементарный тезис, которого мы должны придерживаться в построении, в проектировании нашей жизни. Это значит, что мы не должны покоряться материальной действительности. Надо проверить, каковы ваши помыслы. Помыслы должны быть чисты. К помыслам надо прибавить идеи, которые должно научиться изобретать. А затем эти идеи должны обрести плоть в ходе нашей деятельности, которая, естественно, определяется теми или иными нормами и правилами.

Круглый стол был проведен фондом «Русский мир» в Общественной палате РФ 22 декабря 2009 года. Его участниками стали победители и члены жюри Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов «Держава».

Но что есть норма? Очень трудно провести в общество стандартную норму, хотя многие филологи этого не понимают. Потому что норма – вещь изменчивая. Тем не менее норма существует. Значит, норму нужно вводить.

Норма не может не опираться на культуру. Культура всегда предполагает систему запретов, а вседозволенность не есть культура. Но существует ли в обществе система оптимальных запретов, скажем в отношении средств массовой коммуникации?

Каков язык, такова и жизнь. А язык отражает помыслы, идеи и состояние общества, как интеллектуальное, так и нравственное, этическое состояние.

Каков язык, таков и человек. Всякая профессиональная карьера усыпана цветами красноречия, как выразился Чехов более ста лет назад, призывая возродить в Московском университете декламацию, риторiku и красноречие. Но найти хороших преподавателей риторики и красноречия и сейчас чрезвычайно сложно.

Каков стиль речи, таков и стиль жизни во всех сферах действительности. То, как мы говорим, характеризует уровень общественной культуры, характеризует волю, настроение, особенности нашей жизни. И риторика, и культура речи, и другие речевые дисциплины, которые должно преподавать, касаются всех областей нашей жизни.

В том числе семьи. Решить демографические проблемы можно не только экономическим путем, не только материальными дотациями. Нужно очень хорошо понимать, что всякая семья есть общение. Царица Александра Федоровна писала в своем дневнике о том, что взглядом, жестом, интонацией, словом создается стиль семейного общения. Выраженная через слово красота человеческих взаимоотношений сразу же падает на благодатную почву.

Далее – язык и дело. Сейчас мы активно преподаем культуру деловой речи для наших предпринимателей – в риторическом центре «Златоуст», в Международном фонде славянской письменности и культуры, в Институте русского языка имени Пушкина, в самых разных системах. Повсюду я вижу много хорошей, инициативной, инновационной молодежи, которая и живет честно, и стремится строить жизнь свою на нравственно-этических законах русской ментальности и поэтому понимает, как сильно может помочь им в построении своей жизни хороший русский язык. Потому что дурным языком жизнь не построишь.

Язык и образование. По уставам русских школ, например по уставу Императорского лицея имени цесаревича Николая – лучшего учебного заведения второй половины XIX века, – каждый учитель должен был хорошо владеть русским языком. Проблема педагогической риторики, мои коллеги подтвердят, одна из главных в подготовке хорошего педагога, который должен прежде всего уметь найти контакт со своими учениками.

В стенах Общественной палаты особо уместно напомнить и о том, что политика есть общение. Но возьмите наши учебники по политологии – там в лучшем случае лишь где-нибудь в семнадцатой главе впервые сообщается нечто о политической коммуникации. Иван Ильин писал: «Политика есть искусство объединять людей». Объединить людей можно только с помощью языка. И если вы хотите проверить, насколько эффективны наше политическое общение, пропаганда тех или иных политических идей, насколько оптимально они распространяются в обществе, – проанализируйте виды и жанры нашего политического общения. Нет лучше этой «лакмусовой бумажки».

Наконец, культура речи в современных средствах массовой информации. Нормативно-правовая регуляция культуры речи в современных СМИ – сложнейшая проблема. Не далее как позавчера я вел круглый стол в стенах Российской

государственной библиотеки под председательством митрополита Климента. Там был представлен весь наш лингвистический бомонд, и все сошлись на следующем: очень трудно отрегулировать такой коллегиальный вид речи, как речь СМИ. К сожалению, нас, филологов, почти не допускают на наши телеэкраны, нет ни одной телепередачи по культуре русской речи, недостаточно и радиопередач.

Еще Тредиаковский призывал заботиться о чистоте, красоте и совершенстве русского языка. Он был первым, кто об этом заявил. Я уверен, именно к этому надо стремиться. Если мы построим свою современную деятельность на основе этой исторической культуры, все у нас получится.

||| ОЛЬГА КРЮЧКОВА:

||| Владимир Аннушкин говорил о регулировании литературного языка, а мы в своем проекте коснулись другой стороны проблемы регулирования языковых процессов – взаимодействия между важнейшими вариантами русского языка, то есть между литературным языком и народными говорами. В нашей работе обосновывается необходимость осуществления культурно-языковой политики, толерантной по отношению к родной речи сельского населения, к русским народным говорам.

Иначе говоря, такой политики, которая основывалась бы на уважении к родной речи сельского населения, учитывала бы тот факт, что диалекты, народные говоры – это важнейшая часть русского языка, необходимая для сохранения и развития русской национальной культуры.

Чем вызвана необходимость такой новой культурно-языковой политики в России?

До сих пор сохраняется негативное отношение к русским народным говорам, что неоднократно отмечено многими исследователями-диалектологами. Согласно традиции, которая сложилась в конце 1920-х – начале 1930-х годов, литературный язык считается универсальным, единственно правильным и безусловно высшим вариантом русского языка. С последним спорить трудно, однако отсюда делается и неверный вывод: будто бы вследствие этого своего высшего положения литературный язык необходимо должен вытеснить, заменить собой народные говоры как некие низшие, ограниченные и неправильные формы существования русского языка.

В результате соответствующей языковой политики у сельских жителей в течение долгого времени формировалась несправедливая, заниженная самооценка, когда деревенские были вынуждены стыдиться своего воспитания, своего происхождения. У молодого поколения формировалось презрительное отношение к традициям и языку и культурным традициям старших. Тем самым рушились и языковые, и семейно-родственные, и даже хозяйственные связи в деревенском социуме, нарушалось единство этого социума, и создавался разрыв между литературным языком и народными говорами, между городской культурой и сельской культурой.

На самом же деле, как показывают многочисленные исследования, русский литературный язык как жестко нормированная форма языка требует постоянной подпитки живым, свободным материалом русской речи. И диалекты – совершенно необходимая часть русского языка, многообразного в своих формах и вариантах. Русские диалекты очень хорошо приспособлены к обслуживанию коммуникативных потребностей сельского населения и в некоторых отношениях богаче литературного языка. Они хранят такие знания, такие модели поведения, кото-

рые по каким-то причинам либо не получили выражения в литературном языке, либо утрачены литературным языком.

Например, в народных говорах бытует не имеющая эквивалента в литературном языке специальная группа слов, которая выражает, с одной стороны, непреложный долг детей ухаживать за своими родителями в старости, и с другой стороны, долг бабушек и дедушек помогать воспитанию внуков и правнуков. В вологодских говорах это глагол «допечаловать» – от слова «печа» (забота) – со значением «до конца осуществить уход за больными родителями перед их смертью». С этим же значением в костромских говорах употребляются глаголы «допокоить», «доспокоить». В вологодских говорах бытует слово «недопечальник», это резко отрицательное наименование того, кто не ухаживал за своими родителями вплоть до их смерти. Близко по значению и слово «полсына», которое отмечено в иркутских и костромских говорах. Так говорят о сыне, который не может кормить своих родителей.

А вологодское слово «пестовать», то есть ухаживать за малышами, вскармливать детей, выражает другую сторону долга в отношениях между старшим и младшим поколениями. В нашем университете очень богатая фонотека диалектной речи, и в ее записях есть такой рассказ, где немощная свекровь отказывается от помощи, от попечения своей невестки – как она говорит, от печи отказывается – только потому, что в свое время не могла ухаживать за детьми невестки, за своими внуками. И с горем и со слезами она говорит – «я твоих детей не пестовала», считая поэтому, что не имеет и права рассчитывать на уход со стороны невестки.

Подобных примеров языкового совершенства народных говоров и морально-го совершенства выражаемой в них культурной традиции можно привести много. Но, к сожалению, мы этими богатствами долго пренебрегали и многое уже утратили. Обществу же нужно осознать, что картина мира, воплощенная в диалектной речи, это очень важный компонент общенациональной культуры, общей русской картины мира; что, сужая языковое пространство до одного лишь литературного языка, а культурное пространство – до одной лишь городской культуры, мы несомненно обедняем и русский язык, и национальную культуру.

Наконец, нельзя забывать, что русские народные говоры служат средством общения значительной части населения страны. По данным последней переписи, 27 процентов населения России – сельские жители, и для большинства из них родной речью является диалектная. Родная речь – это речь, усвоенная в непосредственном общении в детстве. Безусловно, надо давать сельскому школьнику возможность хорошо овладеть литературным русским языком. Но важно и другое: не вместо его родной речи, а вместе с этим. Не замещая родную речь, а дополняя ее знанием литературного языка. Тем самым не обедняя, а обогащая коммуникативные возможности последнего.

Если мы продолжим игнорировать диалектную речь и выражаемую в ней культуру, то не сможем решить и такую важную задачу, как подъем сельского хозяйства. Поскольку для этого нужна высокая самооценка сельских жителей, а без нового отношения к диалектной культуре это невозможно. Мы не сможем построить демократическое общество, поскольку не достигнем единства населения России. На наш взгляд, необходима такая политика, которая обеспечила бы сбалансированность между двумя важнейшими формами существования русского языка – литературным языком и народными говорами.

И мы назвали ее политикой культурной и языковой толерантности. В основе этой политики лежит представление о том, что говоры, диалекты возникают и

функционируют не в результате некой порчи языка, не как ошибочное употребление, а в ответ на совершенно определенные коммуникативные потребности людей. И в своей сфере – а именно в непосредственном общении небольших традиционных коллективов с традиционной культурой – это очень эффективное средство общения, столь же эффективное, как литературный язык – в своих сферах общения.

Политика культурно-языковой толерантности видит в родном языке и родной речи основополагающие компоненты культурно-языковой идентичности и национального патриотизма. Не только родной язык, но и родная речь, местные разновидности языка – это культурное богатство России, яркое выражение национальной самобытности народа и живая основа национального развития. Именно так их нужно оценивать и рассматривать.

Для реализации такой политики, конечно, нужны конкретные меры. Например, стоит включить в школьные и вузовские программы темы о разновидностях местной речи. Необходимо привлекать общественное внимание к народным говорам через передачи на телевидении и радио о местных разновидностях речи, о талантливых носителях народной речевой культуры. В этом могут принимать участие и школьники, и учителя, и музеи.

Наконец, создание крупных электронных коллекций, баз данных, или корпусов русской народной речи, включая диалектный корпус. Таких, как создаваемый в нашем университете Саратовский диалектологический корпус.

Главными же проводниками такой политики культурно-языковой толерантности должны быть не столько государственные, сколько общественные организации, такие как МАПРЯЛ, как РОПРЯЛ, как фонд «Русский мир».

≡ ТАМАРА СКОК:

≡ Современный русский – это и язык, и человек, проживающий на территории РФ, который, может, даже и не относится по национальным корням к русскому народу, но считает себя русским. Наш проект социальный, помощь населению в его рамках оказывается бесплатно, на сегодня – по семи направлениям.

Первое направление – «Чисто по-русски!», с несколько провокационным на слух названием, но на самом деле, если обратиться к исконному смыслу фразы, это призыв говорить чисто по-русски. На мониторах в общественном транспорте, в автобусах и маршрутных такси мы демонстрируем образовательные ролики о русском языке, они меняются каждую неделю. Изготовление только одного ролика обходилось бы Педуниверситету в 21 тысячу рублей еженедельно. Но рекламные агентства, владельцы рекламных площадей и эфиров предложили нам свою помощь и вот уже два года демонстрируют ролики бесплатно. А готовят их наши студенты-пиарщики. 160 мониторов в автобусах, 60 – в маршрутных такси и видеоэкраны двух рекламных агентств еженедельно демонстрируют наши образовательные ролики. Для Омска это внушительные масштабы – примерно 170 тысяч пассажиров.

Темы – самые разные. Например, откуда произошли названия профессий, что означают ваши имена, как правильно поставить ударение и т.п. Мы опрашивали пассажиров в общественном транспорте – людям очень нравится такой ненавязчивый способ повышения собственной грамотности. 91 процент считают эту деятельность Педуниверситета важной и полезной, потому что очень многие люди ощущают беспокойство по поводу современного русского языка и видят в нас своих единомышленников.

Второе направление – «Экстренная лингвистическая помощь», с 10 до 16 часов по горячей линии телефона или ICQ. Основной сегмент этой аудитории – деловые

люди примерно с 22 до 55 лет. Но есть и очень активные пенсионеры, которые замечают опечатки в газетах или на рекламных щитах и об этом докладывают: «Мы получали свое образование в годы войны, писали на газетной бумаге, но до сих пор падежи помним. Почему же современные издатели, имея под рукой огромное количество справочной литературы, не обращают на это внимания?»

Так что это не только лингвистическая, но и психологическая помощь, и литературоведческая, и по иностранным языкам. Запросы аудитории очень широкие, умные и интересные. Причем за два года работы проекта мы не получили ни одного дурацкого звонка или вопроса. Один из интересных вопросов последнего времени: звонит полковник ФСБ, говорит, мы с коллегами недоуспеваем, почему Достоевский, пребывая в Омском остроге, был закован в кандалы – ведь политических не заковывали, он что, и по уголовным статьям был осужден, и если был, то по каким, будьте добры, подскажите?

Ясно, что вопрос не по лингвистике, но нам самим стало интересно. Мы позвонили в наш литературный музей, который занимается Достоевским, и нам там дали такую интересную справку, притом несколько сотрудников каждый о своем рассказали, и, когда мы перезвонили в ФСБ, те сказали, что подобных развернутых справок раньше не получали даже от историков, не то что от лингвистической помощи.

Или пожилой омич спросил, что означает надпись старинной вязью на иностранном языке на медной кружке с датой «1852». Продиктовал нам по буквам, и оказалось, что это надпись на старонемецком языке, который сейчас уже никем не используется, означает «трактирчик под липами». Видимо, кружка попала в Сибирь в качестве трофея.

Потому и интересно работать по этому направлению, что оно очень сильно расширяет и наш кругозор – каких только вопросов не задают! А одна из сотрудниц «Экстренной лингвистической помощи» общалась по ICQ с программистом из Екатеринбурга, который сначала задавал ей вопросы по лингвистике, а потом о смысле жизни вообще, так между ними завязалась живая переписка, в результате которой они поженились, чему мы очень рады.

Всего на сегодня мы ответили на восемь с лишним тысяч звонков и вопросов по ICQ, из 83 городов, от Калининграда до Благовещенска, от Мурманска до Краснодара. Если брать темы, то наибольшее количество обращений касается лексикологии. В основном людей интересует лексическое значение слов, особенно иноязычной лексики, которая в последнее время активно хлынула в русский язык. Далее следуют орфография, морфология, пунктуация (частый камень преткновения для тех, кто оформляет деловые бумаги), на последнем месте орфоэпия и фонетика.

Что касается иностранных языков – например, москвичка, которая пишет кандидатскую диссертацию по гепардам, поинтересовалась, почему французы говорят «жепарде», а португальцы – «гуэпардо». Нам пришлось формулировать для ее кандидатской диссертации целый научнообразно звучащий пассаж.

Третье направление проекта называется «Цитаты из жизни», это рекламные щиты на улицах Омска, во всех его пяти округах. Удалось подвигнуть на это дело мэрию, департамент рекламы и дизайна окружающей среды. Макеты тоже разработаны нашими студентами, это рекламные щиты с высказываниями Пушкина, Тургенева, Паустовского и других о русском языке, о любви к Отечеству, о пользе чтения. На появление этой социальной рекламы население реагирует с удивлением и воодушевлением: «наконец кто-то обращает внимание на то, что надо беречь

свой язык». Наши студенты-пиарщики провели под этими рекламными щитами опрос, который показал, что почти 83 процента омичей считают такую социальную рекламу важной и полезной. И мы, конечно, такой поддержкой воодушевлены.

«За словом в карман» – направление, ориентированное на деловое сообщество. Мы выпустили два варианта словаря, «За словом в карман» – в 2008-м и «Папка делового человека» – в 2009-м. Пользуются ими очень активно, а сама идея понравилась СМИ, начиная с канала «Россия» и заканчивая дюжиной местных каналов – все они запускали соответствующие анонсы.

Новое направление – «Палитра русского языка» – создано с целью привлечь тех детей, которые умеют рисовать и владеют навыками компьютерной анимации. Это создание мультфильмов для детей силами самих детей. Часто бывает, что учитель десять раз объясняет ребенку, но тот не понимает, тогда как сосед по парте в двух словах на пальцах каким-то невероятным образом объясняет самую сложную тему. Вот мы и решили привлечь детей к созданию таких анимационных фильмов, которые были бы понятны для детской аудитории. Сначала в работе на этом направлении участвовали ученики детских художественных школ и школ искусств, а теперь и всех общеобразовательных школ.

Направление «Филологический класс» – это мастер-классы для учителей-словесников, по их просьбе мы выезжаем в школы, в университеты, в научную библиотеку. Наш проект был представлен и получил одобрение на форуме приграничных вузов, ведь ближайший сосед Омской области – Казахстан. Для школьников с 5-го по 11-й класс мы проводим различные олимпиады по филологии, а другая часть наших преподавателей в это же время ведет мастер-классы, например по ЕГЭ, отвечая на вопросы, которые возникают у словесников по поводу единого госэкзамена. На сайте нашего проекта <http://bezoshibok.ucoz.ru> можно узнать обо всем этом подробнее.

||| ЕВГЕНИЙ АСТАХОВ:

||| В компании филологов, преподавателей, русистов, лингвистов я чувствую себя не совсем в своей тарелке. И все же осмелюсь привлечь ваше внимание к геополитике.

Русской нации генетически присуще стремление к расширению в пространстве, именно так шло становление и самого российского государства, и формирование мирового русскоязычного сообщества.

В последнее время в нашей стране наконец обозначился поворот к своей диаспоре. Это знаковое явление нашего времени, но пока все ограничивается разовыми мероприятиями, пусть даже громкими, получающими широкое освещение. Нам вообще это свойственно – блестяще что-то провести, пошуметь, а потом забыть, на долгое время, до следующего мероприятия.

Как известно, существует несколько волн нашей эмиграции. Первая, белая эмиграция – это блестящий срез нашей культуры, духовной энергии нашего государства. Это яркие, интереснейшие люди.

Русское зарубежье и рождено в основном трудами белой эмиграции. Но там все непросто, там, как и всегда свойственно нашему народу, раскол. Очень много тяжелых экономических проблем. Наша диаспора везде, в любой стране живет хуже всех диаспор.

А современная эмиграция? Большинство этих людей практически ничего не добились, тачки с кофе развозят по улицам.

Или 25 миллионов наших людей, которые в один день, не покидая своих домов, не по своей воле оказались на чужой территории, стали этническим мень-

шинством, людьми второго сорта. Они были выброшены Беловежьем из нашей страны, и до сих пор у нас сохраняется беловежский подход. В чем он заключается? Они находятся в другой стране, вот пусть руководство этих стран ими и занимается. А руководству тех стран только этого и нужно. Поэтому они и проводят то, что отвечает их стратегическим целям.

Каковы, скажем, стратегические цели «оранжевых» на Украине? Закрепление своей государственности, потому что современные границы Украины отнюдь не соответствуют тем, которые существовали до ее воссоединения с Москвой. Это бывшие административные границы, совершенно произвольно установленные. Вторая из главных задач – окончательно украинизировать все население, которое там живет. Хотя на две трети оно абсолютно русскоязычное, не только по языку, но и по ментальности. Третья – выгнать наш Черноморский флот. Четвертая – инкорпорировать Украину в Европейский союз и в НАТО. Это их государственные стратегические задачи.

Но каковы наши государственные стратегические задачи по отношению к той же Украине, Прибалтике, Молдавии, Средней Азии и т.д., совершенно непонятно. Пока мы все оставляем на усмотрение руководства этих стран. В лучшем случае увещеваем, но далее увещеваний дело не идет. И самое главное, в чем нам нужно определиться, – это что делать.

У меня впечатление, что мы действуем словно разрозненными пальцами. Скажем, фонд «Русский мир» проводит свою полезную работу по продвижению русского языка, это очень важно. Создано Россотрудничество, но его бюджет – 140 миллионов рублей, тогда как американцы тратят на аналогичную работу 28 миллиардов, немцы – 8 миллиардов, испанцы – 6 миллиардов. Это несопоставимые масштабы работы.

Да, можно провести съезд соотечественников. А что дальше? Бросим их опять, без денег, без помощи? Это база для нашего геополитического, экономического, культурного развития. Но о ней у нас лишь время от времени вспоминают.

Мне кажется, нужно реально менять подход. Действительно нужна национальная идея, без этого мы не достигнем ни геополитических, ни стратегических целей. Для чего мы вообще живем и что мы хотим делать? Только для того, чтобы добиться конкурентоспособности? Провести модернизацию? Все это важно, но не только это, далеко не только, особенно с учетом русского менталитета. Нужно говорить все-таки и о душе, о смысле нашей жизни. Без этого смысла, без национальной идеи работа с соотечественниками обречена на неудачу.

И конечно, нужен национальный орган, единый механизм координации всей этой работы. Россотрудничество, при всем моем уважении к нему, пока с этим не справляется. Такие механизмы есть в каждой западной стране, где продвижение образа страны, ее культуры, языка, если угодно, и ее политики поставлено на государственную основу. Нам просто надо у них поучиться.

МАРАТ БРЕДИХИН:

Тема моей работы – «Русские соотечественники Прибалтики в борьбе за сохранение своей духовной культуры», – посвященная проблемам и сложностям, с которыми сталкиваются сегодня русские люди в странах Балтии, была выбрана не случайно. Как уроженец Латвии, я знаю эту непростую ситуацию не понаслышке и считаю очень важным обсуждать проблемы, с которыми сталкиваются соотечественники, и искать практические решения, направленные на поддержку русскоязычной общины за рубежом.

Такие решения не лежат на поверхности. Они накапливались на протяжении 15 лет, и все это время Россия фактически не учитывала «русский вопрос» в своей политике по отношению к бывшим советским республикам. За это время русская диаспора в ближнем зарубежье подверглась крайне непростым испытаниям, в сущности, проверке на прочность. Это и приватизация по национальному признаку, и лишение гражданских прав и свобод, и языковые ограничения – можно долго перечислять. Все эти обстоятельства должны были бы положить конец интернационализму, который создан за время пребывания Балтийских стран в составе СССР, и окончательно ассимилировать русскоязычное население. Но вопреки рациональным прогнозам многих политиков и исследователей русскому человеку в странах Балтии суждено было остаться самим собой. Выросло молодое поколение детей из русских семей, которое, по расчетам национальных властей, должно было знать лишь один язык, считать родиной лишь одну страну и не испытывать по отношению к России ничего, кроме обиды, если не ненависти.

Но в реальной жизни все получилось по-другому. Государственная система ассимиляции в каждой из Балтийских стран давала – где одни, где другие – сбои. На улицах Риги, Таллина, Вильнюса и многих других городов Балтии по-прежнему звучала русская речь; на экранах телевизоров можно было видеть программы на русском языке, а на радиоволнах звучали русские песни. Неистребимость русского духа раздражала правящую элиту.

И тогда был взят курс на вытеснение русскоязычного населения из общественно-политической жизни. Причем в каждой из стран Балтии это делалось по-разному. В Латвии и Эстонии разделили все население на граждан и неграждан. Стать обладателем гражданства мог лишь тот, кто проживал на территории страны до 1940 года либо сам, либо имея прямых предков. С помощью такого несложного приема власти отказали в предоставлении гражданства практически всему русскоязычному населению. Вместо этого людям был присвоен статус негражданина с соответствующим штампом в паспорте. Неграждане не могли принимать участия в выборах, занимать государственные должности, работать юристами, нотариусами, врачами, полицейскими и т.д. Таких ограничений было около 60, и лишь часть из них была со временем снята.

Литва поступила совсем иначе, приняв так называемый нулевой вариант гражданства, дав одинаковые паспорта всем, кто жил на ее территории в момент обретения независимости. Но после этого власти стали требовать от русскоязычного населения беспрекословного исполнения всех требований натурализации. Натурализация – это официальный термин, на практике это самая настоящая ассимиляция. Для форсирования так называемых интеграционных процессов было ликвидировано высшее образование на русском языке. Как следствие, в последующие 10 лет была закрыта и большая часть русских школ.

Поведение, взгляды и стремления русскоязычных общин в каждой из Балтийских стран сильно разнятся в зависимости от местных условий, законов страны, менталитета титульной нации и не в последнюю очередь от уровня информационной поддержки со стороны России.

Литовские русские зачастую не признают себя русскими, определяют свою национальную принадлежность через литовское гражданство. Но и само число русскоязычных граждан в Литве меньше, чем в других странах Балтии, – около 5 процентов.

Кардинально иная ситуация в Эстонии, где русские составляют около 25 процентов населения. По сути, там выстраивается самая настоящая «берлинская стена», причем выстраивается со стороны как эстонского, так и русскоязычного насе-

ления. Эти общины, можно сказать, живут порознь, никакого соприкосновения не происходит. Часть русских людей в Эстонии вообще не знают эстонского языка.

Наиболее сложная ситуация в Латвии, стране с самой крупной в Балтии русскоязычной общиной – примерно 30 процентов. Здесь русский человек сегодня стоит на распутье: жить в своей культурно-духовной среде, черпать силы в собственных национально-религиозных традициях, либо пересилить свой русский дух и поддаться давлению ассимиляционной машины государства. И думаю, дальнейшая судьба таких людей полностью находится в руках России и будет зависеть именно от ее действий.

Сегодняшняя сдержанная и осторожная реакция России на происходящие в странах Балтии процессы оценивается местным русскоязычным населением как дипломатичная безучастность. Декларируя поддержку русскоязычного меньшинства, на практике Россия не принимает никаких существенных шагов по изменению ситуации.

Существует миф, будто Россия имеет мощные экономические рычаги в этих странах. К сожалению, это всего лишь миф, Россия не оказывает институционального влияния на формирование экономической политики в Латвии, Литве и Эстонии, куда больше и сильнее влияние Швеции, Финляндии, Германии, Европейского союза в целом. Постоянно усиливается влияние США.

Негативно сказывается на отношениях России и Прибалтики так называемый коммуникативный дефицит. Усиливается значение языкового барьера, уходит опыт былого общения и совместной жизни.

И в этих условиях ставка на наращивание политико-экономического взаимодействия между Россией и Прибалтикой – объективная необходимость. Первый шаг на этом пути должна сделать Россия как страна самодостаточная, чуждая исторических предрассудков и здраво преследующая свои собственные национальные интересы. И в этом Россия сможет рассчитывать не только на объективные факторы экономического сотрудничества, но и на уверенное подспорье в виде крупной русской диаспоры внутри самих Прибалтийских государств.

||| АЛЕКСЕЙ ГРОМЫКО:

||| Я хотел остановиться не столько на работах, которые попали в номинацию «Русский мир», сколько на тех проблемах, которые в них поднимались и выносились на первый план. Я сам историк и политолог и до того, как стал работать в фонде «Русский мир», имел весьма косвенное отношение к филологии, к лингвистике, вообще к языковой сфере. Но в последние три года стал задумываться над тем, что есть язык и каковы его функции, о которых, как правило, большинство людей в своей повседневной жизни не задумываются. Потому что функции эти очень ярко высвечиваются на примере истории нашей страны 20 последних лет. Здесь уже говорили, что язык – это не только средство коммуникации и передачи информации другому человеку, но и очень мощное средство влияния на то пространство, в котором распространен этот язык, и на пространство других культур и языков.

Есть выражение «сакральность власти», которое мне очень не нравится. Но о сакральности языка можно говорить с полным правом. Каждый язык формируется столетиями, а то и тысячелетиями, и в нем, как в геноме человека, упаковано все то, что происходило с этим народом в течение очень длительного времени.

Французской школой Броделя было введено такое понятие, как «медленная история» – представление об истории как об истории структур, которые разви-

ваются столетиями и тысячелетиями. И мне кажется, язык – это одно из проявлений такой «медленной истории», это носитель культуры, духовных ценностей народа, который этот язык употребляет.

Другой блок проблем, которые более всего интересуют и волнуют участников нашего конкурса, связан с диаспорой и соотечественниками. Это тема и очень злободневная, и новая для нашей страны. Если в начале XX века практически все русскоязычное население планеты жило в пределах Российской империи, то в начале XXI века ситуация стала кардинально иной. Считается, что за рубежом живет как минимум 30 миллионов тех, кого у нас называют соотечественниками, и намного больше просто носителей русского языка. То есть к началу XXI века Россия превратилась в диаспоральную нацию. Или, если следовать тем, кто считает Россию отдельной цивилизацией, а не частью мировой, стала диаспоральной цивилизацией.

Здесь кроются свои плюсы и минусы. Можно сказать, что у России за рубежом появились многочисленные сторонники и проводники ее культуры и даже политики. Но мы знаем из истории, что диаспора диаспоре рознь. Диаспора может быть и тем инструментом мягкой силы, с помощью которой государство способно проецировать, проводить свою политику очень далеко от своей территории. Но мы знаем и примеры, когда диаспора и страна исхода очень враждебны по отношению друг к другу. Конечно же, в этом плане еще очень много предстоит сделать для того, чтобы те миллионы русских и русскоязычных, которые живут за рубежом, в самом деле представляли часть мягкой силы, которую Россия может использовать.

Создавая фонд «Русский мир», мы не изобретали велосипед. Как здесь верно было сказано, многие другие страны озаботились аналогичной проблемой много раньше, чем Россия. Самый яркий пример – British House ELC, не только по масштабу своей деятельности, но и по бюджету. Это порядка 600–700 миллионов долларов в год, которые государство и крупный бизнес выделяют на популяризацию языка и культуры Британии. Это Институт Сервантеса, Институт Гете, Институт Данте, получивший уже в последние годы широкую известность Институт Конфуция. Мы стараемся брать все лучшее из их деятельности и надеемся, что продолжит расти внимание нашего государства и гражданского общества к проблемам русского языка не только в нашей стране, но и в других странах. Надеяться на это позволяют и результаты конкурса «Держава», в рамках которого мы в этом году получили практически столько же заявок, сколько за все предшествующие годы существования этого конкурса.

≡ ГЕОРГИЙ БОВТ:

≡ Я с огромным интересом читал работы, представленные в номинации «Русский мир». Все они будили мысль, каждая по-своему, некоторые даже по-хорошему раздражали, провоцируя на дальнейшие размышления. Так что всем участникам конкурса огромное спасибо.

Теперь по поводу диаспоры и наших сложных отношений с соотечественниками. Тут прозвучало довольно интересное суждение о том, что русские диаспоры во всем мире живут хуже, чем другие, – не согласен с этим. Почти все диаспоры живут в чужих странах хуже, чем окружающее их местное население. За исключением, быть может, китайцев и евреев с «алмазной», 47-й улицы Манхэттена. А все остальные живут хуже, потому что неинтеграция – всегда проблема. И это показано в докладе Марата Бредихина.

Но в целом... Если брать русскоязычных Брайтон-Бич, которые не интегрированы в общество, то они действительно живут хуже, чем, скажем, итальянская диаспора. Но русские в Силиконовой долине – это совсем другой случай.

Конечно, отношения между нашей страной и ее диаспорой очень сложные. С одной стороны, принят закон о соотечественниках, с другой стороны, его стали совершенно правомерно критиковать сразу же после того, как он был принят.

Исполнительный директор нашего фонда Вячеслав Никонов одним из первых поднял вопрос о том, что статус нашего соотечественника должен быть чем-то подкреплен, и не просто некой бумажкой, грамотой, но реальными правами. Почему эти люди, если они живут в странах, между которыми и Россией действует визовый режим, должны получать визы наравне с остальными? Почему должны проходить идиотские процедуры регистрации, придуманные для гастарбайтеров?

Есть и другая сторона проблемы – создание искусственных бюрократических структур типа Россотрудничества. Будет ли у них бюджет в 140 миллионов или в 240 миллионов – какая разница, если все это не подкреплено реальным общественным запросом на общение с соотечественниками. Да и наше Министерство иностранных дел славно такими инициативами, которые умирают сами по себе. Потому что за ними не стоит ничего из того, что называется гражданским обществом. Не стоит, к сожалению, солидарности. Солидарности трансграничной, культурной, гражданской – а не политической, конечно.

К сожалению, та разобщенность, та нарочитая внутренняя конкуренция на равном месте, которая часто наблюдается в русскоязычной диаспоре, присуща и трансграничному общению.

Конечно, в последнее десятилетие, когда происходит укрепление собственно российского общегосударственного самосознания и российская нация некоторым образом приподняла голову, начинают наблюдаться и элементы такой солидарности.

Это уже не 1990-е, когда иные русские, выезжавшие из страны, вообще не здоровались со своими соотечественниками. То время уже уходит, и слава богу. Но работу надо продолжать. Мне кажется, в этом плане ничем не заменимы именно низовые усилия. Такие, как совершенно уникальная акция Омского педагогического университета, о которой нам сегодня рассказывали. Я был просто потрясен подвижничеством этих людей. Если снизу поднимут, запустят, станут стимулировать дальнейшее общение – тогда что-то станет получаться. А уповать на бюрократические структуры – дело абсолютно пустое. И хорошо, что им только 140 миллионов рублей выделили, я бы вообще ничего не давал.

ИГОРЬ КРУГОВЫХ:

Я затрону самую неудобную, самую тяжелую тему. Это этнический аспект национального самосознания и общероссийской самоидентификации. Говоря о Русском мире, все мы прекрасно понимаем, что он сложносоставной: и ислам входит в Русский мир, и православие, и русские из Сан-Франциско, которые все армяне. Все это очень хорошо, все мы дружим. Но все-таки основа Русского мира – это русские как таковые.

Мосгордума три года назад запретила упоминать национальность в официальной статистике совершенных преступлений, ссылаясь на конституционную норму о том, что никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. Все верно. Но ведь в этой же статье Конституции сказано и другое: каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность.

Подобная практика, когда используется только та часть закона, которая нравится, очень печальное явление наших дней. И я бы хотел призвать – давайте соблюдать закон и выполнять все, что предписано Конституцией и международно-правовыми нормами, согласно которым право человека на национальную принадлежность столь же неотъемлемое право, как и его социально-экономические права.

Месяц назад здесь же, в Общественной палате, эксперты, в том числе из Великобритании и других стран Западной Европы, обсуждали перспективы ратификации Россией Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Мы, конечно, дали маху, когда при вступлении в Совет Европы обещали эту хартию ратифицировать для 160 языков. Германия в аналогичной ситуации указала три языка, другие страны – максимум двенадцать. Но мы же впереди планеты всей, хотя сейчас расчеты показывают, что ратификация будет обходиться нам примерно в 830 миллиардов рублей ежегодно.

Но дело в другом. Как грамотно эти суперпрофессионалы рассуждают на национальную тематику здесь, в этом здании, внутри России. Они действительно блестяще знают, что в каком субъекте Российской Федерации происходит. Но сводят все исключительно к этнической основе. Или вспомните президента Эстонии Ильвеса, который два года назад, выступая на съезде финно-угорских народов в Ханты-Мансийске, призвал финно-угорские народы следовать по пути, который уже прошли страны в Прибалтике со своими языками.

Одни мы сидим и молчим по вопросу о национальной принадлежности. Я считаю, что нужно снять излишнюю политизацию вокруг него. Я русский, и именно потому, что я русский, я понимаю и свою, и других народов историю и культуру. Именно потому, что мы русские, мы и создали свою державу.

Когда уважаемые коллеги из Европы обсуждали в этих стенах, что и как нам надо делать по другим народам, им был задан простой вопрос: а сколько англичане создали азбук для других народов, владея половиной мира? Ни одной не создали, им это просто в голову не приходило. Более того, дали угаснуть корнуэльскому языку, языкам шотландцев. Тогда как Россия создала для других народов 39 азбук.

Но мы недооцениваем то богатство, которое у нас накоплено именно в сфере межнациональных отношений и, не побоюсь сказать, – межэтнических отношений. А ведь это может и должно стать очень прочным фундаментом для всего Русского мира.

Еще один пример: когда Туркестан вошел в состав Российской империи, православному духовенству было дано негласное, но четкое указание – не заниматься прозелитизмом. За первые полвека нахождения Туркестана в составе Российской империи православие приняли 9 узбеков, 7 уйгуров, не более десятка таджиков, кайсаков, киргизов. И в результате на территории современного Узбекистана никогда не было православно-мусульманского противостояния. Тогда как в Ферганской долине резали турок-месхетинцев, своих же братьев-мусульман. Строительство Белой мечети в Ташкенте финансировал из своего кармана русский царь. И так жили рука об руку.

Вспоминаю об этом к тому, что мы не до конца еще проработали концепцию Русского мира, именно самих его оснований. И конечно, мы не должны бояться темы этнического начала во всех ее аспектах. У нас за всеми народами признается естественное право на культурную национальную самобытность. Но даже в законе об основах российской культуры и ни в одном законе вообще у нас нет словосочетания «русская культура». Сейчас, когда обсуждается новая концеп-

ция государственной национальной политики, все, что касается русского, тоже вычеркивается. Но я не понимаю, что страшного в стране произойдет, если мы запишем, что у русского народа и вообще в России есть русская культура?

≡ **ЕВГЕНИЙ АСТАХОВ:**

≡ Идеи Игоря Круговых мне столь же симпатичны, но они очень опасны, честно скажу. Не в том даже дело, что они вызовут мощнейшее отторжение со стороны, условно говоря, либерального сектора нашего общества. А действительный элемент опасности – в том, что объективно это будет способствовать расколу, а может быть, и новому расчленению страны, подобному тем, что произошли в 1917-м и в 1991-м. Идея правильная, но у нас больше 40 миллионов только исламского населения, очень здорово организованного, кстати говоря. На Кавказе уже есть тенденция к воссозданию исламского халифата.

Так что нужно продвигать эти вопросы очень осторожно, мягкой силой, не будоражить людей, чтобы не доломать окончательно бывшую Российскую империю.

Полностью согласен с коллегой-политологом Георгием Бовтом – нечего гордиться структуры, пока нет запроса со стороны гражданского общества. Но я говорил о другом – не о востребованности гражданским обществом, а о государственной политике. Если государство не будет такую политику проводить, никакое общество ее отсутствия не восполнит. А государственная политика требует государственной постановки дела, в том числе и создания действительно координирующего органа, какие есть во всех западных странах, есть и в Китае. Такие органы есть повсюду, они действуют, и очень эффективно.

Нужна, конечно, и государственная политика по созданию качественно новой системы внешнеполитической пропаганды. Во времена СССР такая система была налажена неплохо, но ужасно, катастрофически зажата в узкие рамки идеологического воздействия. Причем 90 процентов пропаганды адресовалось очень узкому срезу леворадикальной интеллигенции на Западе, а в целом все эти вещи не воспринимались и не срабатывали. Сам помню, как сжигали в нашем посольском саду невостребованные бестселлеры товарища Кунаева о развитии компартии в Казахстане.

Одно из удачных начинаний в этом направлении – это Russia Today. Я сам с ними сотрудничаю и вижу, что они совершенно правильно привлекают в качестве ведущих действительно носителей языка – со Sky news, с арабских телеканалов. Но это только начало, капля в море. Нужно продолжать такую работу на государственном уровне.

≡ **АЛЕКСЕЙ ДОЛИНСКИЙ:**

≡ Суммируя свои впечатления о работах, представленных на конкурс, историк и политолог Алексей Громыко выделил вопрос о политическом значении языка. Продолжая ту же мысль, сошлюсь на конструктивистские подходы к изучению мировой политики. Конструктивисты считают, что наше мышление и наши действия во многом структурированы языком, и тем самым язык – это главное средство получения и структурирования новых знаний.

Разные языки по-разному определяют одни и те же понятия. И часто мы, просто описав одно и то же явление на разных языках, даем ему совершенно разную оценку. Soft power – на самом деле не обязательно сила. В английском power – и сила, и власть; и автор этой концепции Джозеф Най как раз настаивает, что силы в значении force здесь очень мало, это именно возможность влиять, возможность

действовать. No soft power – это не влияние, это именно власть, способность сделать так, чтобы другой человек поступил так, как тебе хочется.

В первую очередь обеспечивает ценностное единство, единство мысли людей – язык. Люди, которые владеют одним и тем же языком, даже неродным для них, по крайней мере, способны друг друга понять. Но когда люди общаются через переводчика, они могут не услышать другого значения слова, как с той же soft power, где power можно перевести на русский очень по-разному.

Теперь о диаспорах. Очень важно видеть разницу между интеграцией и ассимиляцией русских диаспор за рубежом. Собственно нация, этнос – это «воображаемое сообщество», те же конструктивисты говорят о том, что этнос существует только в нашем сознании. И Русский мир – такое же воображаемое сообщество. Как постоянно напоминает Вячеслав Никонов, единственный критерий принадлежности к Русскому миру – это самоидентификация. Те, кто чувствует себя принадлежащим к нему, те к нему и принадлежат. Соответственно, не важно, интегрировались эти люди в местное сообщество или не интегрировались. Важно, чтобы они не ассимилировались, не утратили своей культурной идентичности.

Георгий Бовт совершенно справедливо говорил о таких диаспорах, которые успешно интегрировались и при этом сохранили свою идентичность. Разве утратили ее армянские или еврейские диаспоры? Более того, их интегрированность в те общества, в которых они живут, позволила им стать более успешными, помогать своей стране, из которой они исторически произошли. И в этом смысле нет противоречия в том, что русскоязычные, принадлежащие к Русскому миру, и добивались бы успеха в западном обществе, и интегрировались в него. Я не уверен в том, что Сергей Брин в меньшей степени принадлежит к Русскому миру, чем обитатели Брайтон-Бич, живущие только на наличные деньги, получаемые в русскоязычных компаниях.

Нам не нужно, чтобы одно противопоставлялось другому, нам нужно, чтобы люди чувствовали это единство, и тогда оно само работает.

||| ВИТАЛИЙ КОСТОМАРОВ:

||| Все это очень конструктивно и очень интересно, здесь есть над чем подумать. Но я филолог, лингвист, поэтому воспринимаю все явления в лингвистических терминах. И, по-моему, самое главное – это просто продолжать работать и любить язык и страну, к которой принадлежишь.

Самоидентификация очень связана с родным языком. И даже в нередких случаях забвения родного языка он все равно остается мыслительной подосновой. От него никуда не денешься.

||| ВЛАДИМИР АННУШКИН:

||| Поскольку мы оцениваем все явления через образ человека, который выражен в слове, надо думать и о том, какой образ страны и образ человека создается через то, что мы говорим и пишем. Один только пример: приехав в Китай, я стал искать там передачи на русском языке, которые можно было бы порекомендовать китайским студентам. Только в одном городе из пяти, кажется в Нанкине, я нашел русский телеканал «РТР-Планета». Но с чем из «Планеты» можно пойти к китайскому студенту? С криминальным сериалом? Это к вопросу о пропаганде, о том, каков образ русского человека в глазах мира.

Я солидарен с Игорем Круговых – конечно, нам нужно и самим поднимать образ русского человека и вводить его в сознание иностранцев. А образ рус-

ского человека я, как филолог, воспринимаю через совокупный образ риторика, образ пишущего, образ говорящего.

Однако какой именно образ создается таким коллективным ритором, как российское телевидение, можно не пояснять. Можно ли законодательно сломить, изменить этот вкус, изменить стиль, образ речи наших телеведущих? Что для этого требуется? Только политическая воля. Надеюсь, и наше сегодняшнее обсуждение станет одной из капель, которые подточат этот камень.

≡ **ТАМАРА СКОК:**

≡ Помню, как удивленно вздернулась бровь нашего мэра, когда мы презентовали свой проект «Современный русский». Мэр даже переспросил: быть может, вы хотели сказать «современный россиянин»? И везде ощущается эта наша внутригосударственная русофобия. Как только мы стараемся защитить русский язык, русскую культуру, то сразу сами пугаемся – не наступили ли мы на чью-нибудь мозоль?

В нашем многонациональном регионе живет очень много казахов, татар, украинцев, прибалтов, немцев. И никто из них не возражает против того, что мы назвали свой проект «Современный русский» и популяризируем русскую речь. Но как только дело доходит до русских по паспорту чиновников, те моментально пугаются: уж не насаждаем ли мы какие-то национальные настроения, которые вдруг ущемят чье-то национальное самосознание.

Мы начинали проект, движимые мыслью, что с русским языком происходит катастрофа и нужно что-то делать с современными носителями русского языка, как-то обучать их. Ведь современная молодежь уже не понимает значения многих фразеологических оборотов, они выталкиваются сейчас из обихода обилием сленговой речи, засильем иностранной лексики. Это уже невкусный, не наш, не родной, а какой-то отчужденный язык.

Мы просили детей делать мультики на исконном языковом материале, используя русские фразеологизмы, пословицы, поговорки. Но от нескольких детей слышали «она довела меня до белого колена», то есть они даже не понимают смысла подобных выражений.

Но когда наш проект развернулся, мы увидели, что не все так страшно, как мы себе представляли, и что у нас огромное число единомышленников, интересных, вдумчивых людей, часто настоящих подвижников. Вообще, русский народ очень развит интеллектуально, творчески. И пусть он не боится самовыражаться, а мы через свой проект тоже будем помогать людям это делать.

Русскоязычные соотечественники и те иностранцы, кто изучает русский язык, живя за рубежом, тоже нам благодарны. И те, что звонят в «Экстренную лингвистическую помощь», нередко спрашивают: «А вас не закроют? Вы еще будете? Нам так нравится, что вы есть, спасибо, что вы появились!» То есть у людей есть мотив развивать свою грамотность, не выпускать русское начало из речи, хранить его, развивать его. Люди этого сами хотят, поэтому им надо помогать. Надо поднимать русское национальное самосознание, чтобы мы не боялись говорить, что мы россияне, русские, а, наоборот, гордились этим. Нам есть чем гордиться.

≡ **ВИТАЛИЙ КОСТОМАРОВ:**

≡ Я не знаю представительной статистики, но в нашем обществе есть много людей, которые по непонятным мне причинам склонны радоваться тому,

что русскому языку плохо. Два с половиной года назад вышел номер русского Time, треть которого была посвящена тому, что русский язык перестали изучать, что он нигде не востребован, абсолютно изувечен, что говорят уже давно на жаргоне, никто не знает русской грамматики, не умеет писать по-русски грамотно и т.д. И все это сопровождалось очень интересными рисунками. Например, стоит Лев Толстой на четвереньках, перед ним – пустая водочная бутылка, и спрашивает: «А кто тут еще читает?» Ну просто безобразие. Но красиво выполнено, и на кого-то воздействует.

Мне очень близка мысль о национальной стороне культуры. Но вообще культура – это не очень понятная вещь, здесь и о цивилизации нужно говорить, о морали, о привычных взглядах на мир, мировоззрении и т.д. И действительно, нужно текущую политику от всего этого отстранить. Надеюсь, Вячеслав Никонов не будет возмущен таким тезисом.

Политика есть политика, у нее своя ниша. А в нашей работе нужно больше заниматься вопросами морали, религии, этики, эстетики и т.п.

Язык – очень сложная вещь, он развивается по своим сокровенным законам. Они далеко не всегда – может быть, и никогда – не совпадают с юридическими законами. Это мы должны понимать.

Великий Пушкин сказал – русский язык «переимчив и общежителен». Это удивительная фраза, поскольку в ней подчеркнуты какие-то внутренние законы развития именно русского языка. В других языках может быть и иначе. Сказать «общежителен и переимчив» можно было бы еще об английском, но не о французском, испанском или немецком, и тем более не о таких замкнутых языках, как финский или китайский.

И если посмотреть с такой точки зрения на нормы русского языка... Вообще, «норма» не совсем подходящее к языку слово. Сейчас оно очень принято, но старые русские лингвисты никакой «нормы» не знали, они говорили – «правильно», «не правильно». В последнее время стало популярным слово «ненормативный». Ненормативный язык – подразумевается, что матерный, что ли? Но при чем тут норма? Кстати, все эти выражения вполне грамматичны и по фонетике русские.

Поэтому, устанавливая норму, нужно опираться не на законодательство, а на эстетику, красоту, традицию. Тот же Пушкин говорил: дело не в отвержении того или иного слова или оборота, а в чувстве соразмерности и сообразности.

И это чувство соразмерности и сообразности – величайшая вещь, которая, между прочим, позволяет иногда и отходить от нормы. Это высшее достижение речевой культуры.

Как, скажем, ставить ударение – твóрог или творóг? Я москвич, у нас в семье всегда говорили творóг, и на улице тоже говорили творóг, и ведь нормы мы берем прежде всего из своего окружения. Как говорил Щерба, все лингвистические дисциплины выводятся из текстов. Потом я стал лингвистом и узнал, что действительно творóг, поскольку вся парадигма такого рода слов имеет подобное ударение: пирог, сапог, творóг.

Но вот я захожу в «Перекресток» и прошу: «Девушка, дайте творóг». Она не понимает. Тогда я показываю пальцем, хоть с детства мне велели этого не делать, – вот же творóг лежит. Она смотрит на меня и говорит – так вам твóрог нужен...

Одни произносят щáвель, другие – щавéль, по парадигме – кисель, шинель. Что в таких случаях делать? Как воспитывать? Недавно министр Фур-

сенко подписал приказ об утверждении рекомендательного списка словарей и справочников, и всех почему-то возмутило «черное кофе». А евро у нас стал мужского рода, никто не говорит – «одно евро».

Школа приучила нас заглядывать в словари, если не уверен, чтобы узнать, как правильно. Но не научила другому – тому, что словари бывают разные. Словарь Даля – великолепное достижение русской культуры. Но можно ли отсюда узнать, как правильно? Нет, потому что это словарь диалектологический.

Наша школа должна в числе прочего объяснять, что есть словари, которые школьникам знать не надо.

Вообще, не покупайте все подряд на развалах – смотрите, в каком издательстве этот словарь вышел.

||| **ТАМАРА СКОК:**

||| Мы советуем отдавать предпочтение издательству «Русский язык».

||| **ВИТАЛИЙ КОСТОМАРОВ:**

||| Но оно, между прочим, выпустило и несколько словарей московского жаргона. Или словарь «Поле русской брани» – как правильно ругаться.

При всем моем уважении к Дитмару Эльяшевичу Розенталю его словарь «Прописная или строчная?» устарел, и рекомендованный Фурсенко словарь Букчиной и других в этом отношении лучше.

Но в целом я за идею вариативности, за то, что в данный момент может быть правильным и одно, и другое.

||| **УЛДАНАЙ БАХТИКИРЕЕВА:**

||| Можно отметить продуктивность таких встреч филологов, историков, дипломатов, политологов, что состоялась сегодня. Из выступлений коллег я еще раз убедилась в том, что языковые факторы, наравне с географическими и другими, это часть государственной системы. Но в этом смысле национальная идея солидарной заботы о будущем русского языка в России, мне кажется, еще не прописана.

Этническая казашка, я родилась в России, живу в России, но даже если приобретенным языком ты владеешь лучше, чем своим родным, – тот, забытый язык навсегда остается в твоей душе. Как сказал Ауэзхан Кодар, «иноязычие не может перебить голоса крови». Или, словами Мераба Мамардашвили, «мы все время будем внутри этой субстанции».

Но неинтегрирование – это плохо. Если живущие в России казахи не интегрируются в российское культурное пространство, то они и Казахстану не особо нужны. Но когда такой человек, не забывая своих корней, становится не только гражданином России, но и действительно россиянином, – он будет востребован не только в России, но и в Казахстане. И так повсюду: в Прибалтике, например, были выдающиеся носители русской культуры, и Россия их никогда не забудет.

Еще в 1836 году Пушкин, публикуя в своем журнале «Современник» рассказ Султана Казы Гирея, сделал к нему примечание: «Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке». Так началась в России русскоязычная ветвь национальных литератур.

В XX веке русской языковой культуре удалось больше, чем латинскому языку во времена великой Римской империи, – стать проводником более чем для 75 русскоязычных национальных литератур, одним из средств выражения иных культур.

Как не раз отмечал основатель системной типологии языков и мой учитель Геннадий Прокофьевич Мельников, русскому языку удастся отображать через свои синтаксические средства не только индоевропейские художественные образы, но и тюркскую агглютинативную систему, а тем самым и тюркское мироощущение.

Наиболее яркие примеры – это Чингиз Айтматов и Фазиль Искандер, но в целом эта особая функция русского языка в XX веке до сих пор остается нераскрученным брендом.

РУССКИЙ МИР: СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ

В ЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ:

Для меня большое удовольствие выступать в стенах столь прославленного научного учреждения – Института философии Российской академии наук. Бывать здесь доводилось и раньше. Но обсуждать, что же представляет собой Русский мир, – причем не организация, которую мне поручено возглавлять, но Русский мир как феномен, – приходится здесь впервые.

Что мы подразумеваем, произнося это словосочетание – «Русский мир»? Я задумался об этом весной 2007 года, сидя в зале, где президент Российской Федерации произносил свое Послание Федеральному Собранию. Президент Путин тогда произнес: «В этом году, объявленном Годом русского языка, есть повод еще раз вспомнить, что русский – это язык исторического братства народов, язык действительно международного общения. Он является не просто хранителем целого пласта поистине мировых достижений, но живым пространством многомиллионного Русского мира, который, конечно, значительно шире, чем сама Россия». Тогда словосочетание «Русский мир» впервые прозвучало из уст главы российского государства. Рядом со мной в тот момент, как и сейчас, сидел Валерий Тишков. И он предложил: «О, это очень важно. Об этом надо подумать». И уже через две-три недели после этого события мы с Валерием Тишковым провели круглый стол по теме «Русский мир: что это такое, что с ним нужно делать?». А еще через месяц после этого обсуждения президент Российской Федерации подписал указ о создании фонда под названием «Русский мир», который мне же и было поручено возглавить. Откровенно говоря, когда мы слушали Послание или проводили тот круглый стол, я и предположить этого не мог.

Итак, с того момента стремительно развернулись разного рода обсуждения. Конечно, само словосочетание «Русский мир» встречалось в русской обществен-

ной мысли как минимум на протяжении уже последних двух веков. Тем более что русские традиционно жили миром, общиной. Но сейчас настало время для научного объяснения этого феномена. Уже есть несколько концепций и теорий того, что представляет собой Русский мир. Одна из них была сформулирована таким видным сотрудником Института философии, к сожалению, безвременно от нас ушедшим, как Вадим Цымбурский, который разрабатывал концепцию «Острова Россия». Представленная Петром Шедровицким геоэкономическая школа рассматривает Русский мир как некую сетевую структуру диаспоральных организаций, причем представляющих разного рода экономические интересы, способных служить и модернизации России. Весьма интересную концепцию предложил на последней ассамблее Русского мира Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: Русский мир как мир русской православной традиции. «Россия, Украина, Беларусь – это и есть святая Русь», – как он сказал в прошлом году на Крещатике. Естественно, в своей работе фонд «Русский мир» во многом и руководствуется подобными концепциями, и пытается предложить свои.

Первый и самый главный вопрос: что такое русскость и чем она отличается от российскости? Кстати, на первом этапе нас очень часто спрашивали, почему фонд назван «Русским миром», а не «российским». И что является определяющим для русскости?

Быть может, этнос? Об этом действительно постоянно говорят многие ревнители национальной идеи, это было заложено и в ленинско-сталинской концепции национальной политики, которая была воплощена в советское время и во многом продолжает определять настроение умов в современной России. Но русскость, конечно же, не только этническое, но и суперэтническое понятие. И в Российской империи, и в Советском Союзе русские по крови составляли меньшинство населения, и только сейчас стало наоборот. Но о жителях и Российской империи, и СССР говорили, что они русские. На Конгрессе соотечественников в Германии можно было видеть представителей самых разных этносов, которых объединяет русская идентичность. Среди участников конгресса в Кельне преобладали немцы из Казахстана, второй по численности группой были евреи с Украины и т.д. То есть у них русскость проявилась уже там – за пределами нашей страны.

Можно ли считать, что Русский мир – это мир православия? И да, и нет, поскольку к русским относят себя представители самых разных конфессий. Значительная часть Русского мира исповедует ислам, большое число людей исповедуют иудаизм. Безусловно, в Израиле очень влиятельный Русский мир, но при этом он совершенно не православный. Существуют и русские буддисты. А в США русских протестантских приходов больше, чем русских православных приходов.

Быть может, это мир русского языка? Безусловно. Но русскость не сводится и к языку. На планете довольно много людей, которые считают себя русскими, ходят в православные церкви, в значительной степени идентифицируют себя с Россией, но при этом уже не говорят на русском языке. Например, достаточно влиятельные диаспоральные группы в той же Франции или в Парагвае, которые уже потеряли русский язык, но не утратили идентичности.

Поэтому однозначно определить, что же такое Русский мир, скорее всего, не получится.

Внутри страны «русский» чаще всего означает некую этнокультурную идентичность, тогда как «россиянин» означает гражданство. Но если брать Русский мир в целом, то «русский» здесь становится надэтническим, в определенном смысле цивилизационным понятием. Русский мир, скорее всего, цивилизация,

и как цивилизация он шире этносов, наций, территорий, религий, политических систем или идеологий.

И мы в своей работе исходим из того, что Русский мир – это Россия плюс русское зарубежье, все те, кто ментально осознает свою вовлеченность в Русский мир. И в этом смысле принадлежность к нему – это самоощущение. Русский мир – это люди, которые ощущают себя к нему принадлежащими.

С другой стороны, мы сталкиваемся с большим пластом людей, для которых Россия является либо профессией, либо призванием, либо предметом очень пристального интереса. Существует Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, существуют разного рода культурные общества, которые очень плотно занимаются нашей страной. Есть большая мировая культура русистики, и мы в какой-то степени тоже относим этих людей к Русскому миру, поскольку проявляемый ими интерес к нашей стране, их знание русского языка, русской культуры делают их, во всяком случае, объектом нашей работы. И в этом контексте мы говорим о Русском мире в том же смысле, в котором говорят о русском языке, о русской культуре, Русских сезонах Дягилева в Париже или, прости господи, о русской мафии.

О соотношении русского и российского я здесь говорить не буду, это хорошо проанализировал Валерий Тишков, который выступает, на мой взгляд, с очень правильной концепцией российской гражданской нации как нации многонациональной – в противовес концепциям создания отдельных специальных русских автономий и конструирования русской нации на этнической основе.

В начале XX века Русский мир определить было просто – это была Российская империя. В ее пределах накануне Первой мировой войны жило порядка 170 миллионов человек, а все население планеты тогда едва перевалило за миллиард. То есть в тогдашнем Русском мире проживал каждый седьмой житель Земли. Сейчас же в Российской Федерации как несомненной части Русского мира живет 142 миллиона человек, а численность населения планеты уже приближается к 7 миллиардам. Значит, все граждане Российской Федерации – этнически как русские, так и нерусские – это лишь пятидесятая часть населения планеты. С другой стороны, если учесть, что Русский мир – это более широкий феномен, чем Российская Федерация, то выяснится, что к нему принадлежит уже не каждый пятидесятый, а возможно, даже каждый двадцатый житель планеты.

Пик количественного расширения Русского мира, если брать число людей, которые используют русский язык или считают его родным, пришелся на конец 1980-х, когда порядка 350 миллионов жителей планеты говорили по-русски. Сегодня дать точную цифру невозможно. Пессимисты называют 270 миллионов, оптимисты – 310–320 миллионов человек.

В любом случае очевидно, что ареал Русского мира, по каким бы критериям его ни определяли, на протяжении последних 20 лет катастрофически сократился. Ни один язык на планете не переживал столь масштабных сокращений, когда буквально за два десятилетия ушло от 30 до 80 миллионов носителей русского языка. Уходят старшие поколения в странах СНГ и в странах Восточной Европы, которые по преимуществу хорошо говорили по-русски. Это очень серьезный вызов для нашей цивилизации, для нашей культуры, это и геополитический вызов.

Русский мир – это мир России плюс мир русской диаспоры. Русская диаспора сейчас едва ли не самая большая в мире, возможно даже не уступающая китайской.

И здесь встает вопрос о системе ценностей этого Русского мира, способных объединить нас и наших соотечественников. Ценностей, лежащих за пределами «зова

крови», верований и самоощущений. Нужна нетривиальная идея, содействующая цивилизационному сплочению того большого, глобального массива, который называется «Русский мир». Идея, которая могла бы помочь в выработке и нашей национальной идеи, российской, которая в настоящее время отсутствует.

Над такими вопросами мы сейчас и размышляем. Среди сотрудников фонда «Русский мир» практически нет никого с философским образованием, но, естественно, ответы на подобные вопросы должны искать представители самых разных профессий. В первую очередь, наверное, это философы, поскольку над «русскостью», «русской идеей» отечественные философы нашей страны размышляют уже не одно столетие.

Отсюда у нас с академиком Абдусаламом Гусейновым, с которым мы недавно гуляли по улицам Парижа, и родилась идея обсудить эти вопросы с философами. И это было не случайно – в иной среде, где тебя просят объяснить, кто ты, что ты, откуда ты, возникают и необходимость ответить спрашивающим, и наша внутренняя потребность понять себя.

▮▮▮ АБДУСАЛАМ ГУСЕЙНОВ:

▮▮▮ Словосочетание «Русский мир» вошло в нашу публичную лексику в связи с деятельностью одноименного фонда. И только потом выяснилось, что оно имеет более ранние корни. Ясно, что за ним стоит большая реальность, а именно: Россия больше самой себя. Она не уместается в свои государственные границы, если иметь в виду ее язык, культуру, ментальность и, быть может, прежде всего и более всего ментальность с ярко выраженными историческими и даже мессианскими амбициями.

Исторически границы России всегда рассматривались как неустойчивые, подвижные, расширяющиеся. Они и были таковыми. Эта особенность российской истории, которая имеет много причин – и духовных, связанных с православием, и географических, и прочих. И естественно, подобная разотождествленность России, если выражаться философски, всегда получала отражение на мировоззренческом уровне, всегда каким-то образом осмысливалась. Начиная с такого понятия, как «русская земля», и позднейших – панславизм и т.д., всегда возникали концепции, призванные не просто вписать Россию в более широкий мир, но обозначить всемирные амбиции России. Конечно, эта особенность русского существования резко обострилась после событий, которые произошли 20 лет назад, в связи с распадом Советского Союза.

Появилось понятие ближнего зарубежья, в отличие от дальнего зарубежья. Говорят и о российской цивилизации, и о «большой России», отличной от России в собственном смысле слова как государства. И в этот же ряд, хотим ли мы того или нет, вписывается и понятие Русского мира. И мне кажется, в определенном смысле оно более адекватно и более перспективно.

Расскажу одну маленькую историю, которая по аналогии позволит понять, о чем идет речь. Мы в институте пару лет назад решили выделить в отдельное научное подразделение тех, кто занимается философией, традиционно обозначавшейся как арабская или арабо-мусульманская. Но эту философию развивали не только арабы, и не только на арабском языке, но и на других языках. А самое главное, прежнее обозначение встречало возражения со стороны коллег из неарабских стран по тем же мотивам, что и английское название (Arabian gulf) залива, у нас известного как Персидский. И встал вопрос, как же это новое подразделение назвать. Мы предложили изначальное название – «мусульманской

философии». Но Ученый совет возразил на том основании, что здесь выдвигается конфессиональный признак, что не вписывается в привычное и принятое в нашем институте структурирование нашей области знания. По этой логике пришлось бы выделять «православную философию», «католическую» и т.д. Тогда предложили – «философия мусульманской цивилизации», но и это не было принято Ученым советом, поскольку само понятие исламской цивилизации было и остается не очень ясным, а привязка философии к цивилизации не имеет научной традиции. В итоге все сошлись на названии «сектор Философии исламского мира». «Исламский мир» – чисто конфессиональный момент в таком обозначении на первый план не выходит, и оно укладывается в традиционное региональное деление на философию русскую, западноевропейскую, китайскую и т.д.

Точно так же мне кажется, что понятие Русского мира точнее и лучше обозначает присутствие России за пределами самой России. Не говоря уже о том, что оно может быть объединяющим и внутри самой России. Чем оно предпочтительнее понятия «русская цивилизация»? Как очень точно подметил Александр Зиновьев, цивилизация – это всегда обобщенная характеристика ряда обществ, стран, государств. Этим понятием обозначаются некая общность исторической судьбы и некая общность духовного пространства, в рамках которого развивались определенные группы стран, народов, государств. И не бывает такого, чтобы цивилизация совпадала с одним государством, с одним народом. И в этом смысле о российской цивилизации можно говорить только применительно к современной ситуации, когда распалось большое российское государство, российская советская империя, и на месте 15 республик, составлявших единое государство под названием «СССР», образовалось 15 независимых государств. Россия оказалась одной из них.

И теперь перед Россией стоит вызов – сможет ли она удержать вновь образовавшиеся постсоветские государства в орбите своего интеллектуального, культурного влияния? Тогда и выяснится, обладает она цивилизационным потенциалом или нет. И в этом смысле понятие российской цивилизации – это не факт, а некий вызов, некая задача. Задача, которая многократно осложняется прежде всего такой тенденцией, как глобализация, – отнюдь не очевидно, что существование и развитие человечества и далее будет протекать в форме различных цивилизаций. Может быть, сама эта множественность цивилизаций уходит в историю. И в этом смысле понятие Русского мира лучше. Оно мягче, и это отсутствие жесткости является его преимуществом.

Что касается терминов «ближнее зарубежье», «большая Россия», они не подходят по той простой причине, что уязвляют чувство национальной независимости у тех стран и народов, которых мы хотели бы объединить вокруг этих понятий. Словосочетание же «Русский мир» вполне узнаваемо обозначает ту реальность, о которой идет речь, и не вызывает возражений психологического свойства. Это мир русской культуры, русского языка. Ведь помимо русских в мире очень много людей, для которых русский – это второй родной язык или такой иностранный язык, который открывает им дорогу в большой цивилизованный мир. Я сам по происхождению и по национальности нерусский. Я бы никогда не мог, так сложилась биография, считать, что я русский, называть себя так и так сознавать. И в анкетах всегда указывал как родной свой лезгинский язык, а вот считать себя принадлежащим к Русскому миру я вполне могу. У меня нет для этого никаких препятствий – ни психологических, ни этических, никаких. И когда я говорю так, я не чувствую, что хоть в чем-то изменяю своему родному языку, своей род-

ной культуре, своим предкам, своей биографии. Мне кажется, все-таки феномен широты России, широкой представленности русского языка, культуры, ценностей русских за пределами России – это факт. Как факт и то, что Россия, русские люди не отказались от своих исторических амбиций, они чувствуют себя большой силой на этой планете. Поэтому словосочетание «Русский мир» – лучшее среди всего этого ряда («ближнее зарубежье», «русская цивилизация», «большая Россия»). И, кстати, «Российский мир» звучало бы намного хуже, чем «Русский мир». Хуже и по политическим причинам, так как соотнесено с названием государства и может восприниматься как выражение его экспансии, и по эстетическим критериям: «Российский мир» – в этом есть что-то неопределенное, вялое, стыдливое. «Русский мир» – звучит ясно, вдохновляюще для русских и вполне приемлемо для нерусских, которые связаны с ними судьбой и историей.

||| ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ:

||| Действительно, тот момент, о котором упомянул Вячеслав Никонов, стал для меня вызовом как для специалиста – попробовать обдумать эту проблему. Я написал тогда текст, который назывался «Русский мир: смысл и стратегии». Потом он в разных вариантах републиковался, в том числе в США на английском языке, и с названием возникла та же коллизия, о которой сегодня уже говорили. Пришлось просто озаглавить *The Russian world*, а уже потом объяснять. Потому что есть понятия, которые адекватно с одного языка на другой не переводятся.

В принципе жесткость или одержимость дефинициями – это проявление слабости методологии. Мы должны быть более свободными в понимании, если мы чувствуем то, о чем идет речь, принимаем то, что за этим стоит, – многообразную реальность, и не только реальность, но в какой-то мере и идею-миф, которая тоже становится реальностью.

Понятие Русского мира действительно метафора. Еще в начале 1990-х над ним думали Г. Павловский, С. Никольский, П. Щедровицкий и другие. После распада СССР понадобился некий связующий мост, некий выход в мировое сообщество для нового государства, Российской Федерации, порой и для решения прикладных проблем внешней политики страны. Для поддержания связей, для достижения гуманитарных целей прежде всего.

Однако в Институте философии хотелось бы сказать о смыслах и ценностях. Три года назад я предложил довольно простую схему подхода к Русскому миру, считая, что это достаточно известный в мире в целом, в мировой цивилизации феномен. Он связан с диаспоральностью, с миграцией, с тем, что люди покидают свою страну, расселяются, но сохраняют приверженность к ней, связь с нею. Но не каждая страна, порождающая большую диаспору, создает свой мир. Безусловно, существует мир хуацяо, потому что в нем есть солидарность и есть демонстрируемое отношение к материковому Китаю, как правило, в позитивной форме – поддержки и т.д. Но вот еще одна диаспора, и тоже большая, – индийская. Однако никакого Индийского мира при этом нет, прежде всего в силу гетерогенности самого населения Индии в момент исхода, в силу гораздо большей интеграции мигрантов в тех странах, где они осели, а также по другим причинам, вдаваться в которые сейчас просто нет возможности. В ряде государств выходцы из Индии стали просто основным народом – Гаити, Фиджи, некоторые страны Африки.

Россия же создала и имеет свой мир, и связан он прежде всего с культурным производством, с одной из мировых культурных систем, основанной на русском языке и входящей в общемировой культурный багаж. То есть любому человеку

в мире, чтобы быть образованным и чувствовать себя действительно образованным, необходимо знать, кто такие Достоевский, Чехов, Чайковский или Кандинский. Причем где бы он ни жил – в Швейцарии, Италии, Египте, Аргентине или Канаде. Тем самым мы можем говорить о том, что производим такой культурный багаж, который является частью общечеловеческой цивилизации. И это принципиальная, центральная вещь.

Русский мир разделяется на старый и новый. Старый Русский мир – это прежде всего мир эмиграции, дореволюционной, периода революции и Гражданской войны, советского периода. Эмиграции, которая рассеяна в основном по странам Запада (в Западной Европе и Северной Америке) плюс Израиль. Новый Русский мир – это beached-диаспора, диаспора отлива, когда границы ушли от людей, а сами люди никуда не уезжали, они как жили на своем месте, так и остались, но оказались при этом в другом государстве. Новый Русский мир сложился в результате того, что историческое российское государство распалось, вернее, трансформировалось в Российскую Федерацию, гораздо меньшую и по площади, и по населению. Еще есть понятия зарубежья – ближнего и дальнего. При этом, говоря «дальнее», мы имеем в виду русских не только в Париже, в Канаде или в Аргентине, но и в Финляндии. Хотя географически она совсем рядом.

Думаю, эти классификации сохранятся, но при обсуждении прикладных задач и стратегий одними такими формулами не обойтись. Русский мир и носители русскости, русской идентичности не обязательно демонстрируют лояльность к России. Корректнее говорить о демонстрации ими своей связи с Россией. Невозможно, например, исключить из Русского мира Березовского – его связь с Россией более чем зрима, хотя и носит скорее разрушительный, чем конструктивный характер. И кстати, негативное отношение к нашей стране преобладало в русской эмиграции на протяжении почти всего советского периода, но мы не можем сказать, что старая эмиграция не была частью Русского мира. Напротив, сегодня мы как бы извиняющимся, комплиментарным тоном оцениваем этих людей и их потомков, которые сохранили связь с Россией и составляют очень важный и колоритный компонент Русского мира.

Но есть и динамика, за которой нужно следить. Новые поколения эмиграции не обязательно называют себя русскими, но общаются на русском языке, играют в КВН, читают русские книги, устраивают Russian parties – русские вечеринки, выстраивают свои сообщества от Силиконовой долины до Брайтон-Бич. Причем это могут быть образованные молодые грузины, или армяне, или узбеки, или киргизы, хотя у них теперь вроде бы есть собственные самостоятельные родные страны, новые, независимые государства.

Сжимается ли Русский мир или же его можно поддерживать и даже расширять? Действительно, статистика утрат, которую привел Вячеслав Никонов, велика. Мне казалось, что ассимиляции русских не будет, по крайней мере в ближнем зарубежье. Не может русский превратиться в латыша, слишком большой багаж он сохраняет своей принадлежностью к мировой культурной системе, связанной с русским языком. И терять его человек не захочет, он, скорее, станет двуязычным, он будет лояльным латвийским гражданином, но чтобы терять русскость в пользу латышскости – это мне как социально-культурному антропологу представлялось маловероятным. Все-таки исторически вся ассимиляция в нашей стране шла в пользу доминирующей общности – в пользу русских, в пользу русского языка и русской идентичности. Потомки от смешанных браков до сих пор, по крайней мере на постсоветской территории, предпочитали выбирать, почти в 9 из 10 случаев, русский вариант идентичности.

Но уже на Украине в аналогичных ситуациях украинскость стали выбирать даже чаще, чем в каждом втором случае, – потому что это оказывается престижнее, перспективнее по возможностям продвижения в украинском государстве. В Балтии русскость трансформируется в нечто «балто-славянское», в чем есть элемент дистанцирования от российскости, нежелание напрямую ассоциировать себя с Россией, не теряя русскости, прежде всего языковой.

Язык – мощнейший инструмент жизненного преуспевания. И люди, работающие в науке, скажем в Эстонии или в Латвии, предпочитают публиковать свои труды на русском, если не на английском, а не по-эстонски или по-латышски, поскольку хотят, чтобы их научные достижения стали достаточно широко известны в мире. Точно так же удобнее и успешнее вести бизнес на огромном рынке России и в других странах с массовым знанием русского языка, если пользоваться русским, а не только эстонским языком.

Поэтому русский язык не утрачивается, но и без утраты языка могут иметь место ассимиляция и дистанцирование от России. Россия остается основным форпостом, основой Русского мира и ведущим производителем культурного капитала для него, но она не является в этом эксклюзивным монополистом. Точно так же как Франкофонию поддерживает не только Франция – вторым, мощнейшим производителем по количеству фильмов, книг и т.д. для франкофонного мира является Канада, Квебек. И нормы французского языка сегодня уже не диктуются исключительно из Парижа. Был бы скандал, укажи квебекцам кто-нибудь из Парижа, что они говорят на неправильном, испорченном французском. Нет, это «французский язык в Канаде», есть такое понятие.

Поэтому и нам нельзя быть ригористами в отношении всего, что составляет содержание Русского мира. Если появляются украинские, молдавские, балтийские варианты русского языка, в истерику нам впадать не стоит, нужно быть готовым к этому. Потому что Русский мир очень динамичный, разнообразный и подверженный внешним влияниям. Люди выбирают инструменталистские стратегии, которые позволяют им преуспевать, не утрачивая своей связи с Россией, с ее культурой на основе русского языка.

При всем том язык остается в триаде фундаментальных ценностей, скрепляющих Русский мир, наряду с религией и культурным производством. Русский мир связан с христианством в его восточной форме, в форме русского православия. Мы говорим о поликонфессиональности в России, но в Русский мир входят и литовские татары, и православные гагаузы, почти полностью русскоязычные, хотя народ это тюркский. Все-таки православная церковь остается очень мощным институтом и в ближнем, и в дальнем зарубежье.

Если брать культурное производство, то и наша современная культура, и гуманитарные знания, которые мы производим, начиная с философии и кончая лингвистикой, по-прежнему ценятся в мире. Может быть, не так высоко, как ценились корифеи нашей общественной мысли век назад, но все-таки мы остаемся здесь на достаточно солидных позициях. То же касается естественно-научных знаний.

Мой коллега, канадский профессор, прислал мне письмо с открытия Олимпиады и пишет, что самым потрясающим там были Гергиев с хором Минина. То есть мы и поныне можем производить вещи, которые в культурном смысле волнуют мир.

Помимо языка, веры и культуры я бы назвал еще несколько притягательных моментов Русского мира. Это, конечно, наша уникальная география. Подчас она вызывает страх или как минимум противоречивые чувства. До сих пор в мире считают, что Россия оставила себе слишком много земли, чуть ли не 25 процен-

тов всей пресной воды мира в Байкале, четверть всех лесов, Арктику и т.д. Но все это можно и нужно преобразовать в ценность, которая представляет интерес для всего мира, включая такую тривиальную форму, как туризм, от экстремального до комфортного, и т.д. Эти моменты все более и более интересны людям в мире, которые становятся все мобильнее. Такое вполне возможно сделать, например с Олимпиадой в Сочи, несмотря на все сложности.

Те, кто принадлежит к Русскому миру, вполне могут гордиться, что страна, с которой они себя связывают, является обладательницей и хранительницей уникальных ресурсов. И не только природных, как та же пресная вода и все наши пространства, но и человеческих. Самый большой отряд программистов в Силиконовой долине составляют русские, китайцев и индусов там все же меньше. И наша интеллектуальная эмиграция этим очень гордится. Интеллектуальное превосходство носителей русской культуры, русского языка, русской науки, русской системы образования сохраняется. И это тоже одна из ценностей, которые нам нужно развивать и поддерживать.

||| АЛЕКСЕЙ КАРА-МУРЗА:

||| Словосочетание «Русский мир» мне сразу понравилось, поскольку оно проблемное, а значит – философски интересное. Ко многим определениям этого я бы добавил еще одно – это «мир среди самих русских». И в первую очередь – на территории коренной России. Мне кажется, окультуривание самой внутренней атмосферы в государстве «Российская Федерация» – важная часть деятельности по расширению Русского мира, развитию отношений с диаспорой, распространению российской культуры и русского языка.

Символом Русского мира в этом смысле для меня служат две мемориальные доски на фасаде здания Института философии, бывшей усадьбы Голицыных. Доска Борису Николаевичу Чичерину – западнику, правовому универсалисту, и рядом доска Ивану Сергеевичу Аксакову – русскому самобытнику, славянофилу и при этом тоже либералу, который пестовал русскую культуру и был идеологом еще и панславизма. Чичерин и Аксаков, оба квартировали в нашем здании. Эти два крыла русской мысли, когда они едины, – выполнение завета Герцена о «сердечном единении» между славянофилами и западниками – ранними, умными. Как он говорил, «голова их смотрят в разные стороны, а сердце бьется одно».

Раз уж наши уважаемые ведущие сами признались, что задумали этот круглый стол в Париже, сошлюсь и я на парижский опыт. При жизни, как известно, Вольтер и Руссо ненавидели друг друга. Один был ранний либерал (но антидемократ), другой – ранний демократ (но антилиберал). Две эти линии – либеральная и демократическая – сходились во Франции несколько сотен лет. Но сейчас саркофаги Вольтера и Руссо рядом в парижском Пантеоне.

Суть нашего обсуждения сегодня – вокруг чего центрируется Русский мир? Вокруг государственности на территории России или вокруг русской культуры? Это спор крайне конфликтный, хотя я уверен, что он разрешим. Ориентиром здесь для меня является Александр Сергеевич Пушкин, который был одновременно, в терминах Г.П. Федотова, «певцом Империи» и «певцом Свободы». И ни разу, по тем географическим рамкам, не выехав за границу, репрезентирует русскую культуру как «наше все». Пушкин до сих пор – знак русской культуры во всем мире. Пушкин до сих пор – знак русской культуры во всем мире. Будучи образцом такой русскости, которую предлагал Петр его предку Ганнибалу: «Если ты верно служишь России, то ты есть настоящий русский». В петровские годы

это был, конечно, идентификационный шок для многих, кто не понимал, как может быть эталоном русскости малолетний негритенок. А сейчас мы повторяем вслед за Аполлоном Григорьевым и Николаем Гоголем: «Пушкин – наше все».

Спор о том, вокруг чего центрируется Русский мир, вокруг государственности или вокруг культуры, периодически возникал в истории России и был достаточно конфликтным.

Например, Петр Бернгардович Струве говорил, что после большевистской революции Россия переехала вместе с русской культурой. (Или вспомните знаменитую книгу эмигранта Романа Гуля «Я унес Россию».) Россия там, где русская культура, и она переехала в Париж, в Белград, которые и были для Струве центрами Русского мира. Не Москва обольшевиченная, не Петроград оставленный, а именно Париж. Это, конечно, очень сильное заявление, частично партийное и в этом смысле далекое, наверное, от истины. Но истина вообще сложно достигается и едва ли достижима. Поэтому Русский мир создает возможность взаимного компромисса, приближения, внутринационального диалога.

И была другая концепция, согласно которой Русский мир центрируется там, где находится правительство, контролирующее территорию России. Петроград или Москва, Кремль. Заочным оппонентом Струве в эмиграции был другой пермяк, Михаил Андреевич Осоргин, который сказал, что если большевики нас выкинули, это еще не значит, что мы унесли с собой Россию. Потому что культура – это не только пусть даже 3 миллиона представителей культурного класса, сотни выдающихся интеллигентов и несколько «философских пароходов». Это еще и та культура, которая выживает там, под гнетом, которую продуцирует русская повседневность, продуцирует русский язык. И то, что Осоргин, будучи антикоммунистом и антибольшевиком, до самого конца не хотел сдавать советский паспорт, – это показатель другого подхода к России.

Струве верил в действенную роль русской эмиграции. А Осоргин верил в сопротивляющуюся Россию, которая тренирует национальное самосознание даже в исключительных условиях. Так что это некое схождение культуры и государственности, очень трудное.

Мы правильно обращаемся сегодня к русской диаспоре, к наследникам русской эмиграции, учитывая их точку зрения, их трагедию, не отказывая им в праве представлять Русский мир и даже генерировать его. Причем эта русская эмиграция пыталась, в свою очередь, создавать формы русской государственности – протогосударственности, естественно. Я написал небольшую книгу об Иване Павловиче Алексинском, депутате первых Дум, который был заместителем Врангеля в Русском совете. Свою идею о союзе русских автономий, этого конгломерата русских диаспор в Европе, ему практически удалось реализовать, в чем очень помогло Королевство Югославия, в первую очередь сербы, которые считали себя сопричастными России уже хотя бы по обстоятельствам начала Первой мировой войны. И идея Алексинского продвинулась очень далеко. Те 2 миллиона русских, которые осели в Европе, имели собственные элементы протогосударственности, у них были свои министры культуры, а главным у них был Василий Андреевич Маклаков, бывший посол в Париже. Это интереснейшая история, которую и сами французы, и французы русские уже начали забывать.

Конечно, разъединение государственности и культуры России было огромной трагедией. Здесь, под большевистской государственностью, часть русской культуры выжила, а некоторые ее важные элементы родились и окрепли, – это должны признать даже самые последовательные антикоммунисты. А то, что рус-

ская культура в иных местах порождает формы самоорганизации, которые, конечно, не претендуют на государственность, но служат удерживающими институтами русской повседневности, Русского мира, – это обязаны признать люди, которые отождествляют Русский мир в основном с разными имперскими конструкциями, жесткими вертикалями и т.д. Эти две линии, надеюсь, сойдутся и когда-нибудь в России вновь сойдутся. И быть может, мы еще сами это увидим.

||| **МАКСИМ ШЕВЧЕНКО:**

||| Важнейшая проблема Русского мира, на мой взгляд, не имеет однозначного решения, какой бы ни была наша рефлексия на эту тему, публичной или в закрытом пространстве Института философии, который всю мою жизнь вызывал у меня самое почтительное отношение. Русский мир не может быть втиснут, упрощен, изобрету такое слово, в рамки какого-либо понятия. Потому что, спокойно размышляя над Русским миром, мы видим в нем все. И интеллектуальные усилия эмиграции, и многое другое, без чего Русский мир, безусловно, не понимаем и не осознаваем.

Русские, надо отдавать себе в этом отчет, это нация войны. Вся история русских создавалась армией и создавалась войной. «Мы русские, какой восторг!» – сказал не философ и не священнослужитель, а российский военачальник в один из моментов высочайшей славы русского оружия, героической, мужественной славы.

Весь XIX век русская культура и литература питались памятью о великих войнах начала XIX века. Наполеон, Бородинское сражение. Из одних только «Писем русского офицера» выросло все остальное. Посмотрите на героев русской литературы – как правило, это офицеры или офицеры в отставке, даже Митя Карамазов, и тот офицер.

И поэтому сводить Русский мир только к культурному наследию эмиграции, к философии, литературе не совсем верно, хотя они являются важнейшей составляющей Русского мира. Но для меня могилы солдат российских или советских, памятники на местах героических сражений – это тоже формат распространения Русского мира. Итальянский поход Суворова, казалось бы, не отвечал никаким интересам русской нации и был плодом какой-то игры императора Павла с Наполеоном. Между тем он оставил незабываемую память о русских и о русском присутствии, в чем просто можно убедиться, побывав в Швейцарии на перевале Сен-Готард. Мне кажется, об этом не нужно забывать и этого не надо стесняться.

Хотя, конечно, русское имперское давление приносило многие страдания народам, которые окружали Российскую империю, становились ее частью, входили в Русский мир. Вспомните трагедии, пережитые народами Северного Кавказа, которые, сохраняя свою культурную идентичность на протяжении последних 200 лет, тем не менее стали прекрасной частью Русского мира, одним из его бриллиантов, на мой взгляд.

Народы Средней Азии уходят сейчас, к сожалению, из Русского мира, в частности потому, что уходит формат политических и военных связей. Россия перестала быть для Средней Азии тем фактором, который имеет самостоятельное значение. После гражданских войн начала 1990-х русский язык сохраняет там прикладное значение лишь для интеллигенции, для образованного слоя. Но можем ли мы считать такой язык, который имеет сугубо технологическую функцию, важнейшей частью Русского мира?

Вообще, вопросы языка для меня остаются совершенно непонятными. Любые ли носители языка или стремящиеся к его изучению могут считаться субъектами

того или иного языкового мира, культурного мира, цивилизационного мира – Русского мира в данном случае? И является ли частью Русского мира американский советолог, говорящий по-русски почти без акцента, но работавший на уничтожение Русского мира как такового? Я знаю таких американских советологов. Или являются ли люди, разрывавшие всякие связи, уничтожавшие свои паспорта, уезжавшие в Израиль или в Америку, частью Русского мира только потому, что они говорят на определенных диалектах в Хайфе или на Брайтон-Бич? Тоже вопрос.

Разные люди по-разному сохраняют свои отношения с Россией, у них разная память о России, разные высказывания о ней. Достаточно зайти на форум «Эхо Москвы», чтобы посмотреть, как высказываются носители русского языка из Израиля или Америки о Русском мире: «Омерзительная страна. Страна, которая должна быть уничтожена. Страна, не имеющая права на существование в том виде, как она существует» и т.д. Конечно, это политическая позиция.

Или правильно ли вычеркивать из истории Русского мира русский большевизм, вычеркивать сталинизм и все те эпохи, которым мы до сих пор не решаемся дать не политические, а просто внятные, спокойные научные оценки? Кстати, книга Вячеслава Никонова о своем деде – хороший пример такого нормального разговора о русском XX веке. Даже сегодняшняя политическая полемика о возможных портретах Сталина на улицах Москвы, полемика истерическая, тоже выявляет вопрос о том, о чем мы готовы говорить в понимании Русского мира. Готовы ли мы признать верховного главнокомандующего, под руководством которого была очевидно спасена Россия и был спасен Русский мир, при всех его политических ошибках и т.д., как значительного человека в истории Русского мира? Или мы упорно будем твердить, что не хотим видеть 9 Мая ни его портрет, ни портреты его маршалов, того же маршала Берии, фактического командующего тылом?

При всем моем лично негативном отношении к сталинизму, к «берианству» и прочему, что скрывается для многих за этими понятиями, нельзя говорить о Русском мире, не избавившись от этого психологического страха – давать собственной истории возможно более объективные оценки. Не противопоставляя Ивана Ильина, глубокого философа, одного из немногих, кто создал технологический проект восстановления Русского мира и его развития, его оппонентам в Советском Союзе и не рисуя последних какими-то дураками или негодяями. Иначе мы тоже ничего не поймем.

Можем ли мы сводить, как сказал академик Тишков, одну из составляющих Русского мира к русскому православию? Тем самым исключая из него сотни тысяч русских протестантов, которых в Канаде гораздо больше, чем православных в Канаде, – молокан, толстовцев, пятидесятников, штундистов? А все эти люди безусловно являются русскими. Так же как и молокане, проживающие на Кавказе, которых надо бы защитить, они там подвергались серьезному давлению, особенно в Армении.

Но для меня важнейшим делом кажется не столько попытка собирания осколков Русского мира, разбросанных по красному, по белому или по имперскому прошлому, сколько технологический разговор о том, насколько концепция Русского мира может стать прикладной для развития будущего.

Зачем нам концепция Русского мира, если это собирание культурных артефактов или культурных остатков типа забытого, но горячо любимого мною русского монастыря и кладбища в Мурмелон-ле-Гран под Реймсом, где стоял русский экспедиционный корпус? В начале 1990-х я попал туда, нашел там стариков, в том числе протоиерея Георгия Дробота, человека очень интересной судьбы, одного из

лучших иконописцев православной церкви митрополита Евлогия, хранителя библиотеки Дмитрия Варенова, которому было уже 90 лет. Их нет больше.

Все вы знаете о трагедии в Линце. Там есть русское казацье кладбище, которое австрийцы называют Kosaken-friedhof или Schwarzes Kreuz («Черный крест», по имени организации, которая о нем заботится). Это осколки и обломки, которые бесценны для русского сердца. И памятник советскому солдату посреди Вены, и этот мемориал антисоветски настроенных казаков Краснова в Линце в равной мере трогают мое сердце.

Но что мы в будущем хотим от Русского мира? Россия всегда была не этническим, а политическим проектом, и достаточно вспомнить имена русских генералов на Бородинском поле: герцог Евгений Вюртембергский, Беннигсен, Багговут, Барклай-де-Толли, Кутузов, – многообразие фамилий не только русских, но и тюркских, немецких, шотландских, самых разных. Говорили они между собой и приказы отдавали в основном на французском, а к солдатам обращались: «Ребята, братцы, потерпим» и т.д.

Русская суть, русская природа – это экспансия во всех формах, не только в военных. Слава богу, война уже никому не нужна. Но военная статья, военный принцип, военная честь оставались важнейшей составляющей русского самосознания на протяжении столетий. И недаром Петр об Ибрагиме Ганнибале сказал: «Вот он, русский». Служение, подчинение, свет Полтавской битвы, который и создал из московитов русских, сиял на протяжении столетий.

И если мы пойдем, каким мирным путем Россия сможет продолжать свою экспансию – технологическим, корпоративным, культурным, – тогда мы и увяжем с этим пониманием и русский язык, и бесценные для нас советские или антисоветские артефакты, и работы Троцкого и Струве. Мне Троцкий безумно интересен, не в меньшей степени, чем Бердяев. Его анализ сталинизма – это бесценное сокровище политической философии. Мало кто лучше написал о природе сталинизма, нежели Троцкий в своих эмигрантских работах.

Увязать это все, упихнуть это все в некий технологический концепт – одна из важнейших интеллектуальных и политических задач, в частности, и фонда «Русский мир». Я всегда воспринимал этот фонд не как культурный инструмент, а как культурно-политический, продолжающий, быть может, не осознанную, не сформулированную политику современной России как исторического субъекта.

Если этого не делать, мы исчезнем, мы продолжим сокращаться, мы еще уменьшимся – до Москвы, до Кремля, до Института философии, в конце концов, который будет последним оплотом хранения русских смыслов.

||| ГЕОРГИЙ БОВТ:

||| Продолжая логическую линию Максима Шевченко, начну с того же Бердяева, которого здесь упоминали. Он в числе других русских философов исходил из того, что совокупность ценностей Русского мира в основе своей глубоко противоречива. Это некая адская смесь: русскому народу присущи как деспотизм и преувеличенное отношение к государству, так и одновременно анархизм и вольность, жестокость и склонность к насилию; доброта и человечность, искание правды – и индивидуализм; обостренное осознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвалство, универсализм и всечеловечность и т.д. и т.п. Многие из этой совокупности продолжает жить в современности в виде неких мифов, и уже трудно подчас разобраться, где же подлинная основа мифа, а где придуманная. Например, миф о коллективизме и взаимопомощи, о горизон-

тальной организации русского народа – в современных условиях в большей степени миф, чем реальность, хотя и живет в русской литературе, которая остается неотъемлемой частью нашей культуры и Русского мира в более широком смысле.

Мы все время сталкиваемся с одним и тем же подходом к русской культуре: Толстой, Чехов, Достоевский, Чайковский и все такое прочее. А что с теми, кто дальше? Сорокин, Ерофеев, Пелевин – войдут ли они на тех же правах в то, что называется Русским миром? Это вопрос о преемственности и о том, насколько нынешнее поколение, как живущее в нашей стране, так и принадлежащее к русскоязычной диаспоре, эту преемственность сохраняет. Насколько сказывается сейчас кризис, безусловно поразивший Русский мир в результате распада Советского Союза и происшедших после этого драматических событий? Стоит ли сейчас перед нами вызов преодоления этого кризиса и насколько такой вызов серьезен?

Это уже вопросы, обращенные в будущее. Но проблема в том, что нынешняя элита, к сожалению, не очень озабочена вопросами формирования ценностей этого будущего. Напротив, налицо бесконечная апелляция к прошлому.

Способны ли мы и готовы ли мы сейчас определиться со значением так называемых общечеловеческих ценностей, общеевропейской цивилизации, которые у нас и фигурируют именно как «так называемые»? Означает ли это, что они не существуют или что мы не должны определяться по отношению к тому, что стало результатом совокупного общечеловеческого опыта и развития его культуры, к той же самой глобализации? Или же мы должны настаивать на некоей архаичной самоидентичности и т.д.

Должны ли мы по-новому подходить к развитию нового индивидуализма? Традиция русского индивидуализма безусловно присутствует в прошлом, но в настоящее время она уже требует какого-то развития, адаптации к условиям современности.

Нашей пропаганде приятно подчеркивать, что один из основателей и совладельцев Google, Сергей Брин, которого увезли из Москвы ребенком, будто бы является русским. Но какой он русский? На каком языке он говорит и думает? На самом деле к Русскому миру он, конечно, не принадлежит. Но из пропагандистских целей мы готовы максимально расширить численность людей, якобы принадлежащих к материковому Русскому миру. Не знаю, правильно ли это, – у меня нет готового ответа на такой вопрос. Но здесь я, скорее, соглашусь с Максимом Шевченко.

≡ ВЛАДИСЛАВ ЛЕКТОРСКИЙ:

≡ На самом деле обсуждать нашу тему можно бесконечно. И у всех окажутся разные точки зрения, и будем спорить очень долго. Помните, как 15–20 лет назад решили было сформулировать русскую национальную идею? Я в течение многих лет руководил журналом «Вопросы философии», мы тоже тогда такие статьи печатали, но дискуссия у нас не получилась. Ничего хорошего из этого не вышло, поскольку идеи у всех разные. Не договоримся мы никогда об этом.

Здесь высказывались разные точки зрения на понятие Русского мира. К нему подходили со стороны геополитических, экономических, этнологических, языковых проблем. Но все же, говоря о Русском мире, мы прежде всего имеем в виду русскую культуру, те смыслы и те ценности, которые она несет. И в этом смысле я присоединяюсь к Абдусаламу Гусейнову.

Конечно, тогда возникает и следующий вопрос: как такие ценности и смыслы определить? На эту тему писали очень многие, и все, начиная с Чаадаева, вклю-

чая Бердяева, Ильина, Федотова, отвечали по-разному. Не в том даже дело, чтобы дать точную дефиницию. Мы все более или менее ясно понимаем, что такое русская культура – великая русская литература, которую признают во всем мире, русский язык, русская музыка, русский балет и прочее. Я отнесу к этому ряду и великую русскую философию, которая мощно о себе сказала в начале XX столетия, но не прекратилась и после того, как был выслан на Запад «философский па-роход». Она жила в сложных условиях в Советском Союзе, продолжая ряд традиций русской философии и вместе с тем существенно их обновляя. И в то время было сделано многое, без чего Русский мир вряд ли бы существовал.

Но сначала о двух сегодняшних угрозах Русскому миру. Нам удалось каким-то чудом решить сложные экономические проблемы нашей страны. Россия не распалась, экономика развивается. Но люди говорят на плохом русском языке, и с каждым годом он становится еще хуже. А русской культуры в том смысле, как мы ее понимаем, просто не стало, и делается все, чтобы эту традицию не развивать, а прекратить. Я помню недавние высказывания в том смысле, что все плохое, сделанное в годы советской власти, – это не случайность, это наследие русской культуры, это ее продолжение. И поэтому, чтобы порвать с нашим недавним прошлым, которое нас не устраивает, давайте начнем новые культурные традиции. Это теоретические посылки, а что происходит на практике? Разве культура поддерживается, гуманитарная наука поддерживается? Ведь ясно, чем все кончится, если продолжится нынешняя коммерциализация, – будет та же территория, будет, допустим, то же государство, будут люди говорить на том же в принципе языке. Но уже не будет той русской культуры, которая столь мощно вошла в конце XIX – начале XX столетия в культуру мировую. А будет нечто иное. Это первая угроза.

Вторая угроза связана с тем, что Русский мир – это не только то, что здесь, внутри страны. Это и русская культура в смысле ее влияния на все остальные. У нас стала популярной идея диалога культур. Не так давно, в ноябре 2009 года, в нашем институте проходила международная конференция под названием «Философия в диалоге культур».

Но какое место Россия может сейчас занимать в диалоге культур? Есть ли у нее будущее в таком диалоге? Это большой вопрос. Диалог, весьма вероятно, будет происходить между культурами западной, американской и индийской, китайской. Еще лет 20 назад на Западе была масса людей, которые изучали русскую культуру, в том числе русскую философию. Сейчас же поддержка славистов сократилась там колоссально, исследования России потеряли для западных элит актуальность.

Я знаю массу людей на Западе, которые очень высоко ценят русскую культуру, включая то, что было сделано в ней после 1917 года. В Англии, в Манчестере, есть специальный международный центр, изучающий наследие Бахтина, фигуры с мировой славой. А он работал в 1920-х и в более поздние годы. Наш великий психолог Выготский – тоже признанный мировой классик. Во второй половине XX века в нашей стране было мощное движение философов, тогда молодых, которые выпустили массу интересных работ, и сейчас мы издаем целую серию под названием «Философия России второй половины XX века», вышло уже 18 книг, а будет еще больше.

Интерес к этому в мире есть. В Финляндии в сентябре будет специальный симпозиум, посвященный анализу проблемы деятельности в российской философии и психологии в XX веке.

Но наши, российские структуры не особенно поддерживают пропаганду русской философской культуры за рубежом. Тогда как Франция имеет специальную программу поддержки перевода французских книг на русский язык, сейчас в основном философских. Здесь присутствует Наталия Автономова, прекрасный знаток современной французской философии, которая недавно получила от правительства Франции орден за пропаганду французской культуры в России.

А у нас что-либо подобное возможно? Мне кажется, это тоже одна из задач фонда «Русский мир». Потому что сейчас мы зачастую не можем пригласить на конференцию в Институте философии западных или восточных коллег: фонды, которые такие конференции поддерживают, оговаривают, что их участниками могут быть только граждане России. А ноябрьская конференция, о которой я говорил, очень высоко оцененная нашими зарубежными коллегами, стала возможной во многом потому, что проводилась под эгидой ЮНЕСКО. Деньги добывали во многих местах, а ЮНЕСКО дала санкцию на это дело, что было очень важно.

Но пока реальная угроза будущему Русского мира и внутри России, и вовне ее сохраняется. Я часто езжу в Китай, у меня там много друзей. Сейчас все в Китае изучают английский язык. Зачем им русский? И там все меньше изучают русскую культуру. Хотя те, кто владеет русским, очень высоко ценят нашу культуру и пытаются делать все возможное, чтобы эта традиция не исчезла.

Русский мир сейчас есть, но его становится все меньше и меньше. Поэтому для меня это проблема и теоретическая, и практическая.

||| АЛЕКСЕЙ КОЗЫРЕВ:

||| Мне хотелось бы вначале провести аналогию. Есть французское понятие *chrétienté*, которое мы переводим как «христианский мир». Что такое христианский мир? Это христианская ойкумена. Это совокупность приходо-в, куда приходят верные.

Так и с Русским миром: в него входят, конечно, не только этнические русские или люди, происходящие от русских предков. В него входят все, кто приходит к русской культуре, к русской цивилизации, кто заинтересован в том, чтобы выучить русский язык; ради каких целей, для чего – это уже другой вопрос.

И я очень поддерживаю Максима Шевченко в том, что сущность русской культуры не только в военной или политической экспансии. Первостепенная задача Русского мира – это экспансия русской культуры, русского присутствия в различных странах, в различных языковых пространствах.

Мне приходилось бывать в Венгрии, в Италии, в Сербии на форуме «Россия и Сербия против террора». По своему опыту межкультурного общения могу сказать, что число студентов, которые сегодня поступают на славистические отделения, в частности на русский язык, резко и на порядок увеличивается. Если 5 лет назад приходило по четыре человека, то сегодня – по сорок. Это все слависты в один голос подтверждают.

Но для чего студенты приходят на русские отделения? Чтобы заниматься Достоевским или Андреем Платоновым? Нет, в основном для того, чтобы выучить русский язык, работать с русскими бизнесменами и получать хорошие деньги. Одна молодая итальянка мне так и сказала: «Я учу русский, потому что русские богатые, я хочу работать с русскими, потому что я хочу хорошо жить».

В ситуации Болонского процесса, когда образовательные стандарты упрощаются, обучение на этих отделениях сводится к четырем или даже трем годам, а поступление туда не требует первоначального знания русского языка. По сути,

университетские славистические кафедры превращаются в курсы ускоренного изучения русского языка. О том, что там станут учиться будущие Жоржи Нива, сегодня и мечтать не стоит. Потому что к третьему-четвертому году обучения студенты научатся разве что хорошо болтать по-русски и потом действительно будут обслуживать русских бизнесменов. А слависты плачут.

Хотя, с другой стороны, и радуются, что интерес к их профессии повышается. Но европейские слависты – это высококлассные ученые. В Венгрии работу Шпета «Герменевтика и ее проблемы» опубликовали раньше, чем ее текст стал доступен в Советском Союзе. У нас его публикация началась в 1989-м, и то неполная, а на венгерском «Герменевтика...» была издана еще в 1981 году. И Демичев лично подписывал разрешение на вывоз в Венгрию фотокопии рукописи, чтобы сделать с нее венгерский перевод.

Советологи, которые являются врагами России, на мой взгляд, не входят в Русский мир. Но не надо всех славистов записывать в разряд советологов, которые боролись с СССР, а теперь остались без работы. Среди славистов есть искренние фанатики, можно сказать, рыцари русской культуры и русского дела.

Однако сегодня они остались фактически без поддержки. Мне кажется, одна из государственных задач нашей страны – это поддержать те славистические центры, которые существуют в Европе. Сделать так, чтобы они имели возможность издавать свои труды и материалы конференций на русском языке. Из тех же Белграда и Будапешта я привез массу изданий по русской культуре, в том числе объемных и в твердой обложке, которые вышли на русском языке.

У нас в 1995 году вышел словарь «Русская философия» под редакцией М.А. Маслина, сейчас появилось и второе его издание, расширенное, в 90 печатных листов, теперь оно именуется энциклопедией. В 2009-м эта энциклопедия в переводе на сербский была издана в Белграде, а в 2010 году вышла и в переводе на французский в издательстве L'Age d'Homme, которым руководит серб Владимир Дмитриевич. Без малейшей поддержки со стороны России энциклопедия о наших философах выпускается уже на втором иностранном языке. То есть интерес к русской культуре, к русской философии в Европе, безусловно, есть. Будет, наверное, и китайский перевод, поскольку в Китае колоссальный интерес к нашей философии, там существует даже Институт русской философии.

Если бы здесь еще поднажать, если бы государство выделило деньги на соответствующую программу, мы могли бы многократно усилить эффект своего идейного, культурного и языкового влияния в мире.

Сегодня я буду встречаться с академиком Е.П. Чельшевым, который в начале 1990-х был инициатором и организатором Конгресса соотечественников. Быть может, теперь стоит подумать о проведении конгресса славистов, тех, кто сегодня преподает русский язык в мире, изучает русскую культуру, русскую философию.

Еще одна сторона проблемы Русского мира – это программа памяти, программа памятников. Мы сейчас готовим номер журнала «Сократ», посвященный исторической памяти в связи с юбилеем Победы. Сегодня наше государство в целом не задумывается о памятных местах, которые существуют в Европе и в других странах. Позитивным опытом восстановления памятника нашим солдатам в Галлиполи несколько лет назад мы обязаны российской общественности, поддержке В.И. Якунина, а государство имело к этому мало отношения. А то же воинское кладбище в Мурмелоне, о котором говорил Максим Шевченко? Мне тоже приходилось там бывать, и отец Георгий Дробот почти каждого русского, советского, кто оказывался в его орбите, сажал в свою машину и вез за 300 кило-

метров под Реймс, только чтобы русские посмотрели на это место, где сотни могил солдат Первой мировой и трогательнейший памятник с такой примерно надписью на французском языке: «Русские, вы спасли Францию. Спасибо вам, вы навсегда останетесь в нашей памяти». Это тоже наша память. Между тем кладбище заброшено, никто не выделяет денег на уход за могилами.

Конечно, фонд «Русский мир» не в состоянии охватить всего спектра подобных задач. Так что надо взывать к нашему государству, взывать к ответственным политикам, которые заинтересованы в том, чтобы русская культура через 50 лет присутствовала в мире хотя бы наравне с китайской, немецкой или французской.

Потому что идея русской культуры, та самая «русская идея», которую столь тщетно пытались сформулировать в 1990-х, это тот универсализм, о котором говорил Владимир Соловьев, это та «вселенская отзывчивость», о которой говорил Достоевский. Пусть даже это миф. Но ведь миф не противоположен реальности; миф – это в некотором смысле высшая реальность, которая в данном случае формирует культуру нации. Мне ближе всего лосевское понимание мифа, где миф – это чувственно-идеальная конкретная реальность, с которой нужно работать для того, чтобы миф воплощался. Чтобы те понятия, которые русские философы выделяли в качестве определяющих и структурирующих русскую культуру, облекались в плоть форумов, рабочих групп, изданий, переводов и прочих «малых дел», с помощью которых мы постепенно сможем вернуть русской культуре в Европе тот высокий статус, который ей некогда принадлежал.

И здесь не нужно особенно надеяться на русскую эмиграцию. Потому что потомки ее первой волны в третьем колене отчасти уже забыли русский язык. Тогда как другая часть эмиграции, новая, считает – сошлюсь хотя бы на журнал «Трибуна Русской мысли», – будто настоящие русские остались только в США, а в России деградировали. И что их миссия – прийти к нам и принести нам подлинную культуру, которую мы потеряли, хотя пишут это люди, которые выехали из России в 1991–1992 годах. Почему мы должны молиться на русскую эмиграцию? Нужно издавать ее труды и спасать ее архивы. Но не стоять с пиететом перед ней на коленях, взывая: придите к нам, спасите нас, научите нас.

Нужно воспринимать русскую эмиграцию как часть Русского мира. А надеяться прежде всего на самих себя, на свои силы и на свою работу.

||| НАТАЛИЯ АВТОНОМОВА:

||| Здесь уже прозвучало много разных трактовок того, что такое Русский мир. Кстати, само это словосочетание – «Русский мир» – существует также и во французском языке и культуре. Приведу такой пример. В течение последних 50 лет в Париже при поддержке Высшей школы социальных исследований издается трехязычный журнал (с текстами на французском, русском и английском языках) о Русском мире. Поначалу он назывался *Cahiers du Monde russe et soviétique*, а с 1994 года именуется *Cahiers du Monde russe* с расширенным подзаголовком: «Россия, Российская империя, Советский Союз, Независимые государства». Так что все это время идея Русского мира определенным образом организовывала изучение истории, политики, социальных и экономических процессов, культуры, литературы – в Российской империи с самых ее начал до 1917 года, в советском культурном и политическом пространстве, а теперь и в современной России, но также на Кавказе, в Средней Азии, в Татарстане и др. Поэтому у идеи Русского мира уже есть свои локальные традиции.

Как мы уже видели в ходе сегодняшнего обсуждения, в этой идее содержатся и основания для общих мнений, и основания для разногласий. Есть явно экспансионистские представления о Русском мире, а есть позиции, для которых важнее идея собирания, внутреннего упорядочивания. Есть ориентация на ценности культурной традиции, а есть – на актуальные и вполне прагматичные интересы. Эти вещи можно соотносить, но они не соотносятся так легко, как нам бы того хотелось. К тому же масса вопросов возникает по конкретным поводам. Жорж Нива у нас – хороший, его мы зачисляем в Русский мир, а по поводу многих других фигур мы будем долго спорить. Были разные мнения и по поводу, так сказать, состава Русского мира, правда, различия они не столько набором элементов (язык, культура, ментальность, вера так или иначе упоминались почти всеми выступавшими), сколько своими акцентами на том или ином.

В предварительной программе нашей встречи тема моего выступления обозначена как «Тенденции развития русского концептуального языка». Современная философия осмыслила себя не только как совокупность идей, но и как то, что существует, кристаллизуется, артикулируется в языке: эти проблемы я и пытаюсь изучать на стыке философии и филологии. Для меня заявленная тема – это, можно сказать, вопрос о фундаментальной опоре Русского мира. Иногда говорят, и я с этим полностью согласна, что если нация или общность теряет свой язык, то рано или поздно она теряет и свою культуру. Но речь здесь не только об обыденном языке, но и о смыслах слов и понятий науки, культуры, философии. Мы живем в языке как в некоей первичной парадигме отношения к миру. Однако, наследуя язык как определенный способ артикуляции мира, мы не остаемся навсегда в нем замкнутыми. Чтобы развивать этот мир, нужно открывать его вовне, а для этого необходима работа – в языке, с языком – как посредством и средством мысли и культуры. Важнейшим стимулом к развитию собственного языка является перевод: каждый, кто работал в этой области, знает, что именно на фоне опыта другого языка и другой культуры мы впервые ощущаем свой собственный язык, его специфику, его возможности.

У нас есть некоторая тенденция превозносить достоинства русского языка как такового. Однако тут возникает сразу несколько соображений. Во-первых, любовь к родному языку не должна ограничиваться сферой чувств, она должна подталкивать нас к каким-то трезвым вещам, к работе. Во-вторых, мне кажется, не стоит хвастать своими богатствами, среди которых есть и безусловные, – особенно перед теми, у кого языки менее давние, менее обработанные, не столь богатые эстетическими и концептуальными средствами. За примерами таких «развивающихся» языков – в частности, в пространстве бывшего Советского Союза – далеко ходить не придется, но приводить их я не буду, у меня сейчас другая цель. В целом же дискуссии о языке в нашем обществе традиционно носят несколько формальный характер: писать ли какое-то слово через «ы» или «и», можно ли сказать про кофе «оно» или только «он»? Ну что ж: человек живет внутри своего языка и обсуждает некоторые технологические частности его функционирования. Однако если посмотреть на язык в системе, в совокупности межъязыковых и межкультурных связей, возникают гораздо более серьезные вопросы – о том, как развивается язык, что с ним происходит.

На самом деле вопрос о развитии языка неотъемлем от его существования. Я не открываю здесь никаких Америк, хотя когда-то я выступила на конгрессе в Бостоне с докладом *On the (Re)creation of Russian Philosophical Language*, и со мной многие не согласились: нельзя так ставить вопрос, русский язык уже есть,

в нем нечего творить или там пересотворять. Но я здесь следую во многом человеку, на которого в этих стенах ссылались уже неоднократно, – Пушкину, который в 1825 году писал Вяземскому: «Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай Бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка прозы – то есть языка мыслей)». Эти люди общались и переписывались друг с другом в основном на французском и чувствовали, что на русском им не хватает слов. Конечно, отдельные примеры и отдельные высказывания, даже великих людей, вообще ничего не решают – ни в положительную, ни в отрицательную сторону: эти высказывания нужно анализировать конкретно (кто, что и почему сказал), однако уж, по крайней мере, в недостатке любви к родному языку Пушкина никто не заподозрит.

Так что же такое концептуальный язык? За этой формулой для меня лежат простые вещи – это абстрактный язык понятий (это и имеет в виду Пушкин под «метафизическим» языком), которые есть и в обыденном языке, но главным образом это в языках философии, науки, культуры. Нынешнюю потребность в выработке концептуального языка я воспринимаю как уже четвертый подобный этап в русской культуре. Первый этап был начат Петром I, который заказывал переводы из разных разделов тогдашней западной науки и техники и требовал, чтобы по-русски все это звучало нормально, перепроверял и карал тех, кто делал это плохо. Социальный организм дышит, он то открывается вовне, то вновь сосредотачивается на самом себе. При Петре была фаза открытия. А в конце XVIII века вышел первый в России «Словарь Российской Академии», первый и прекрасный словарь русского литературного языка. При его подготовке президент (тогда говорилось «председатель») Российской академии кн. Дашкова призывала составителей Словаря к тому, чтобы в нем – по возможности – использовались русские слова и понятия: это называлось «составить слова по корню российскому» (разумеется, никто не покушался на те иностранные слова, которые уже вошли в язык из-за соседства с азиатскими народами, или на те греческие слова из наук и Священного Писания, которые оказываются незаменимыми). Пусть бы ботаника у нас была «травоведением», а география – «землеписанием». Как пишут исследователи этого Словаря, например В.И. Сухомлинов, о будущих шишковских экспериментах прямого изобретения русских слов вместо иностранных никто тогда не помышлял, но обращение к общим славянским и русским основаниям языка полагалось правильным шагом. Кстати, если бы у нас вслед за Тредиаковским стали переводить слово «демократия» как «народодержавие», то понятие это и сегодня было бы для нас гораздо более прозрачным и осмысленным.

Второй этап – это те же Пушкин и Вяземский, первая треть XIX века.

Третий – перелом от XIX века к началу XX, когда делалось много переводов, а открытость к современным философским процессам в Европе была исключительно высока.

Условный рубеж четвертого этапа – 1989-й год, когда в издательстве «Правда» начала издаваться как приложение к журналу «Вопросы философии» серия «Из истории отечественной философской мысли» и одновременно – после почти шестидесятилетнего провала – на российской интеллектуальной сцене появились сразу два сборника работ Фрейда, знаменуя начало эпохи переводов. Насчет философии советского периода я согласна с Владиславом Лекторским – в это время было создано немало замечательных работ. Но современная западная философия тогда практически не переводилась, за исключением нескольких

книг по философии науки (классическая философия, напротив, переводилась, и подчас очень хорошо). Из области интересовавшей меня современной французской философии за все советские годы вышел практически один Фуко («Слова и вещи»), что воспринималось и в России, и за рубежом как чудесное исключение из правила. Существовали сборники, подготовленные в ИНИОН; в них публиковались пересказы (рефераты), иногда – переводы, качество их было самым разным, тиражи – малыми, к тому же сборники эти нередко были номерными и хранились в специальных шкафах, что еще более ограничивало доступ к ним, но главное – они не обсуждались в культуре. В результате образовался разрыв между горсткой людей, которые могли читать соответствующие работы в подлиннике, и подавляющим большинством, которое такой возможности не имело. А потому к началу 1990-х годов у людей в массе своей не было рефлексивной прививки, не было реального опыта столкновения с современной западной мыслью, а отсюда – и поныне не преодоленные парадоксы рецепции новых переводов, хлынувших на интеллектуальную сцену вне логики и хронологии, восполняя пробелы.

В функционировании языка, и русского литературного, и русского концептуального, сейчас много разных тенденций, которые заслуживали бы отдельного обсуждения. В русском языке по целому ряду причин, не все из которых мне понятны, велика склонность к непосредственной кальке иностранных терминов. Когда-то это отмечал П.А. Вяземский: «Русский язык похож на богача, у которого лежат золотые слитки в подвале, но часто нет двугривенного на извозчика... Поневоле займешь у первого встречного». Что это? Какая-то форма культурной лености (в противоположность активности в чем-то другом), следование моде, любовь к иностранному? Существуют языки, которые более интенсивно пекутся о собственно переводе, не ограничивающемся калькированием, яркий пример тут – немецкий, правда, уже после того, как он сложился как язык понятий – в результате предшествующего прилаживания и апробирования тех же калек. Но так же, говорят лингвисты, действует и чешский. Словом, в разных культурах принципы перевода различны, и в разные культурные эпохи они могут меняться, что для нас особенно интересно. Я ни в коей мере не призываю изобретать «мокроступы» вслед за Шишковым. Однако в процессе перевода я считаю необходимым попытаться – первым делом – отыскать слово с русскоязычным корнем (как наиболее осмысленное для носителей данного языка) и лишь затем, если сделать этого не удастся, брать слово иностранное: иначе говоря, не надо спешить с «ретенциями», «протенциями», «темпорализациями» или «спациализациями», но сначала примерить «удержание», «овременение» или какие-то другие варианты. Если же этого элементарного усилия не делать, переводные тексты окажутся, как это иногда бывает, больше похожи на иностранные, только записанные в русском алфавите. Подобные тексты побуждают читателя к играм или подражаниям – как мы это в изобилии видели на примере переводов из современной постмодернистской философии, – но не к работе мысли. Мне бы, конечно, хотелось разобрать здесь различные подходы к переводу и обсудить некоторые из предлагаемых мною решений – на материале переводов «Грамматологии» Деррида или «Словаря по психоанализу» Лапланша и Понталиса, но, боюсь, для этого у нас сейчас нет времени.

Со всем сказанным выше связаны и вопросы педагогики: как преподавать и как изучать русский язык? Этот вопрос касается прежде всего российских школьников, но также и преподавания русского языка за рубежом, в частности в диаспоре и в тех ранее входивших в советское пространство странах, где рус-

ский язык пока еще играет важную роль, имея или уже не имея статуса государственного языка. Доминанты подходов тут должны быть различными. Среди моих французских друзей есть философ, уже немолодой, который некогда стал самостоятельно учить русский, чтобы читать Достоевского, и в этом преуспел; есть и более молодые люди, интерес которых к русскому и сейчас не определяется надеждой много зарабатывать, и это, конечно, нужно учитывать, наряду с более прагматичными устремлениями. Что же касается изучения русского языка в современной России, то нам обязательно нужно продумать вопрос о том, чтобы использовать в этом процессе не только художественную литературу, что важно и нужно, но и тексты – возможно, адаптированные и снабженные хорошим комментарием – гуманитарных наук, так чтобы преподаватель имел возможность обсуждать не только приемы художественного изображения, но и используемые в текстах понятия, проследить реальное функционирование мысли, выраженной в русском языке.

Все, что мне удалось здесь сказать, лишь малая часть вопросов, которые в этой связи возникают, и все они непосредственно касаются существования и перспектив Русского мира. Так что Год русского языка, который прошел в 2007 году, не должен оставаться лишь воспоминанием. Можно, конечно, рассматривать наше существование в языке как прогулку по цветущему лугу, однако не стоит забывать при этом о языке как средстве концептуального творчества, как об орудии формирования разумного суждения. Эстетическое и фольклорное отношение к языку не должно подменять работу над ним как над феноменом мысли и культуры.

≡ ТАТЬЯНА БОКОВА:

≡ Хотела бы затронуть несколько аспектов проблемы формирования Русского мира через призму опыта общения с его представителями в рамках работы в фонде «Русский мир», исходя из моего личного опыта (большую часть юности я провела за пределами России), а также как русскоязычный детский писатель, становление которого во многом происходило за рубежом.

Прежде всего хотела бы еще раз подчеркнуть происшедшие в последние годы позитивные перемены в сфере духовной самоидентификации русскоязычных граждан, проживающих в зарубежных странах, – я имею в виду введение понятия «Русский мир» в официальное употребление, а также практически безболезненное его принятие как отдельными разобщенными эмигрантскими сообществами, так и в целом многомиллионной российской диаспорой, проживающей за рубежом.

Понятие «Русский мир», безусловно, помогает успешно преодолевать прежнюю путаницу с различением этнических русских и русскоговорящих, проживающих в разных странах. Однако пока русскоязычные граждане всех стран делают лишь первые шаги навстречу друг другу, осваиваясь в непривычном для себя статусе представителя Русского мира.

В понятии «Русский мир», безусловно, ощущается огромный, пока недооцененный и не реализованный потенциал, предпосылки эволюционного роста. Однако, существуя в полупрозрачных контурах владения русским языком и понятия «сопричастности», Русский мир, на мой взгляд, пока остается в пассиве, не несет в себе импульсы, призывы к каким-либо действиям по его эволюционному развитию.

Вопрос первый – во что мы хотели бы вырастить наш Русский мир?

Скорее всего, в многомиллионное сообщество русскоязычных, имеющих общие культурно-исторические корни и разделяющих единую систему духовных

ценностей, частью которой обязательно должна быть устремленность к сохранению и воспроизводству себе подобных в будущем.

Примечательно, что и сама Россия однозначно выиграет, активно взяв на себя роль ядра, концентрирующего вокруг себя разновеликие и разобщенные географически, конфессионально группы.

Причисление себя к Русскому миру не может не оказывать позитивного влияния на рост патриотических настроений, повышение уровня самосознания и внутри страны. Поддерживая и развивая Русский мир, Россия обретает новую идентичность, выходящую за рамки государственных границ и этнической принадлежности.

Каким же мы хотели бы видеть Русский мир?

В определенных условиях на волне сохранения культуры и языка могут формироваться пространственные сообщества, объединяющие различные уникальные этнические или исторические общественные образования.

Россия пережила в XX веке три волны русской эмиграции и имеет сегодня свое продолжение в многомиллионной активной зарубежной диаспоре. Так почему бы Русскому миру как самобытному уникальному явлению, выходящему далеко за пределы границ российского государства, не стать родоначальником становления нового исторического сообщества людей на основе эволюции духовного роста? Ведь культура является внутренним достоянием человека, раскрывая меру его развития и являясь символом его духовного богатства. Можно ли считать, что формируется определенного рода цивилизация, – вопрос к философам.

Сегодня, на этапе начального становления, Русский мир состоит в основном из взрослого русскоязычного населения, имеющего сложившуюся систему духовно-нравственных ценностей и приоритетов, основанных на собственном жизненном опыте времен Советского Союза или семейном воспитании на основе ценностей и приоритетов царской России. Скорее всего, надо воспринимать это как данность, не поддающуюся радикальным корректировкам.

Кого-то душит ностальгия по канувшему в небытие единому государству, кто-то возвращается на родину предков, чтобы отдать последний долг...

Можно лишь несколько систематизировать взрослую часть диаспор по условиям эмиграции, возрасту, религиозным воззрениям, но для старшего поколения Русский мир – это прежде всего ностальгия по общему прошлому и похожее историческое сознание.

Для среднего поколения Русский мир – это, скорее всего, расширенное пространство для творчества и коммуникаций, возможность дополнительной самореализации на основе понятной, заложенной в детстве системы ценностей.

Попадая в непривычную для себя культурную среду зарубежья и зачастую не находя в ней применения своим талантам и умениям, русскоязычные граждане не активно объединяются в организации и сообщества, кружки и группы единомышленников, отстаивая и продвигая собственные культурные и общественные смыслы. Учитывая, что все это происходит параллельно с активными процессами впитывания окружающей социокультурной среды, именно представители Русского мира получают по сравнению с местным населением весомые конкурентные преимущества, являя собой яркое олицетворение понятия «человек мира».

Это поколение способно с максимальным упорством отстаивать интересы русскоязычного населения в отдельно взятом иностранном государстве, ведь брезжит в умах дух исторической родины, не закончен процесс проникновения в новую среду, по-прежнему велика разница в менталитетах и неумно проявляются особенности национального характера.

Но чтобы Русский мир существовал и тогда, когда уйдут поколения людей, объединенных общим прошлым, система ценностей должна быть нацелена на подрастающее поколение, а наиболее активное по возрасту поколение русскоязычных за рубежом должно иметь со стороны России наибольшую поддержку как поколение матерей и отцов будущих наследников нашей культуры и языка.

Семья. Одной из причин кризиса в духовно-нравственной сфере современного общества, безусловно, является разрушение традиционных устоев семьи. С другой стороны, стоит семье попасть в неродную социокультурную среду с ограниченным кругом возможного общения вне стен дома, как происходит переоценка ценностей. Брак проходит проверку на прочность и либо распадается, либо приходит осознание важности семьи как основы существования.

Многokратно возрастает стремление к гармоничным отношениям, желание сосредоточиться на должном воспитании детей с акцентом на передачу подрастающему поколению разделяемой родителями системы духовно-нравственных ценностей. То, что на родине казалось обыденным и даже навязанным со стороны государства и общества, приобретает особый смысл сохранения собственной идентичности.

Так что будущее Русского мира, безусловно, будет формироваться в семье. А возможностей у семьи всего две: поддерживать хороший уровень владения русским языком и сохранять ментальную самобытность.

Зарубежной русскоязычной семье нужна помощь – не только в литературе и информации из России, но и в духовном плане. Детям нужны не только народные сказки и песни, фольклорные танцы и костюмы, им необходимы современные позитивные персонажи, герои нашего времени родом из России. А еще им нужны современные символы страны их семьи, чтобы гордиться своим происхождением, чтобы и на чужбине иметь свой собственный особый и очень любимый мир традиций и устремлений.

Большая часть детей зарубежного Русского мира рождается и живет в смешанных семьях, в основном это семьи, где отец – иностранец, а мать говорит по-русски. Именно мать закладывает основы духовного мира ребенка. Через призму ее воззрений, ее родного языка, желания или нежелания ассоциировать себя со страной, которую она покинула, формируется отношение ребенка к собственному Я.

Именно от матерей зависит, кем будут считать себя их дети – людьми мира, и в частности Русского мира, опирающимися на свои исторические корни, или «Иванами, родства не помнящими» и не способными без акцента произнести даже имя собственной матери. Давайте же постараемся поднять на щит мать, которая сохранит Русский мир в сердцах своих детей. Образ матери должен занять особое почетное место в системе ценностей Русского мира.

И если для взрослых ценность Русского мира – это врожденная данность, то детям ее будут прививать матери. И от того, каким уважением и авторитетом в сообществе будет пользоваться мать, зависит в целом наше будущее.

Думаю, нам на помощь семимильными шагами идет научно-технический прогресс, процессы глобализации. Но России надо позаботиться о том, чтобы насыщенные современным содержанием информационные потоки были доступны всем русскоязычным, желающим их потреблять за границами Российской Федерации.

Теперь о самих ценностях. В чем они? Например, для семьи как основы зарубежного Русского мира, в котором общество и школы не слишком помогают сохранять этническую и культурную идентичность.

Как у любого человеческого сообщества, у Русского мира должно быть свое прошлое, настоящее и будущее.

Прошлое – это преемственность поколений. Уважение к историческому наследию – как семьи, так и страны. Эти безусловные общечеловеческие ценности позволяют сохранять связь с родной землей, где остаются могилы ушедших родственников, где стоят памятники лучшим из лучших представителей этой важной исторической общности – Русского мира.

Настоящее России – в ее открытости к соотечественникам, осознание себя и как родины для более чем 160 национальностей, проживающих в ее границах, и одновременно как части Русского мира.

Поэтому ценностями настоящего дня, скорее всего, должны быть ценности современной России, вокруг которых консолидируются единомышленники.

Будущее – это всегда система ожиданий и стремление к идеалам.

Учитывая разрозненность и неоднородность Русского мира, а в некоторых случаях даже осторожность и подозрительность к происходящим интеграционным процессам, реальными ценностями могут стать лишь понятия, которые будет объединять абсолютное большинство.

Предлагается рассмотреть сущность следующих категорий.

Свобода – возможность осознанного выбора как идеал человеческих устремлений и как признание добровольности решения.

Служение – решимость внести личный вклад в процветание Русского мира как цивилизационной общности.

Самобытность – признание существования особых, объединяющих аспектов духовно-нравственного, а также историко-культурного плана.

Равенство – важнейший принцип сосуществования разнородных индивидуумов в объединяющем их пространстве Русского мира.

Для тех, кто родился и жил в СССР, – Свобода, Самобытность, Служение, Равенство могут нести в себе дополнительный смысл, слагаясь в аббревиатуру.

Стимулирование создания целостного исторического сообщества Русского мира должно, на мой взгляд, стать основной целью существования и деятельности организаций, занимающихся работой с соотечественниками за рубежом, в том числе фонда «Русский мир».

Формирование Русского мира, безусловно, положительно скажется и на продвижении позитивного и реального имиджа России с ее достижениями и победами, наследием и будущими свершениями. И не будет тогда возможности у иностранных граждан считать Россию страной снегов, медведей и балалаек и писать в русскоязычные газеты страшные по своей сути письма, подобные тем, которые в прошлом году, в канун Дня Победы, получала интернет-газета «Правда.ru». Вот лишь одно из них от Марка из США: «Я был в Петербурге в 1997 году и был шокирован холодными огромными зданиями. Сталинский стиль, не так ли вы это называете? Безобразно. Увидев на стенах следы разрушений от пуль и бомб, я спросил гида, откуда это. Она сказала: «Следы войны». Я удивился: какой войны? Я жил в Лондоне одно время, но там не было подобных следов разрушений. Что же такое происходило в Санкт-Петербурге? Может, я проспал урок истории? Я попросил уточнить. Она подтвердила, что речь идет о Второй мировой войне. Но это уже не выдерживает никакой критики – спустя 50 лет после того, как США спасли Россию от Гитлера, они даже не смогли очистить город...»

||| ДАГМАР МИРОНОВА:

Моя тема – «Русский мир глазами немки». Что такое Русский мир, чем он определяется, что туда входит, какова его структура, – об этом сегодня уже говорилось неоднократно. Но до четкого определения мы все равно не дойдем, так как всегда остается большой момент неопределенности. Поскольку часть теоретических соображений, которыми я хотела поделиться, уже высказана, ограничусь тем, что прокомментирую высказанные здесь мысли и попытаюсь с ними полемизировать.

Итак, Русский мир глазами немки. Мне недавно подарили книжку, которая называется «Русский мир Дрездена», из чего я сделала вывод, что Русский мир – это особый конструкт, который можно накладывать на различные явления и события, в частности характеризовать таким образом города – Русский мир Дрездена, Русский мир Парижа, Русский мир Москвы и т.д. Мне ближе Дрезден, и я могу сказать, что Русский мир Дрездена – это камень, на который ступала знаменитая русская нога, от Петра I и М. Ломоносова до Ф. Достоевского, Л. Толстого, М. Цветаевой и даже, как известно, В. Путина. Действительно, в Дрездене всегда жили русские, и не просто жили, а определяли культурную специфику этого центра Саксонии. А некоторые из них, например М. Бакунин, участвовали в революции и помогли спасти революционную армию Дрездена. До сих пор в Кёнигштайне существует музей, посвященный Бакунину, и мы можем увидеть его восковую фигуру на самой вершине этой крепости. Не многие знают, что даже само название этого города славянского происхождения (от слова «дрязги»). Не случайно рядом с Дрезденом, в городе Баутцене, до сих пор проживают славянские племена – сорбы. В наше время именно в Дрездене и Саксонии в целом оказалось много переселенцев из бывшего Советского Союза самых разных национальностей, которые для местных немцев все были русскими. Правда, часто критерием такого отнесения было не очень хорошее знание немецкого языка. Это новый мир – мир последней русской эмиграции, представляющий собой конгломерат различных национальностей, которые сближал общий язык общения.

В Восточной Германии, то есть в бывшей ГДР, Русский мир воспринимается несколько иначе – хуже, чем на западе страны, так как за этим следует целый пласт воспоминаний и обид. Хотя с момента воссоединения Германии прошло более 20 лет, психология людей меняется не так быстро. Официальная пропаганда ГДР была такова: «учиться у Советского Союза – это учиться побеждать». Равняться на великого учителя – это первое, что нам внушали о русском, тогда прежде всего советском, мире. Но мы знали и действительно великую русскую культуру, так как все учили русский язык и многие неплохо его знают до сих пор, например нынешний канцлер Германии, Ангела Меркель, которая даже была победителем олимпиады по русскому языку. Нынешней российской власти надо бы помнить об этом, так как это еще один недоиспользованный потенциал, который может содействовать выстраиванию отношений.

Но было и другое направление знакомства – это советские воинские части, которые у нас стояли. Впечатления от них у местного населения были самыми разными. Немцы понимали, что это политическая необходимость, но не могли понять стоптанных пьяной компанией роз в садах или разрушенных оград. Здесь также были не только негативные впечатления. Я помню культурные программы, которые устраивали в том числе и воинские части, выступления немцев с культурной программой опять же в воинских частях, совместные спортивные мероприятия. Я помню военных врачей, которые всегда были готовы помочь местному населению.

В Дрездене я жила в районе, где в нижней части улицы стояли немецкие виллы, а в верхней – жили советские офицеры. Любопытно, что там позже построили дома для сотрудников Штази, в одном из которых – наверное, по принципу профессиональной близости – проживал и Владимир Владимирович Путин. Как говорил Максим Шевченко, для Русского мира характерно некоторое стремление к экспансии, даже в самых мирных условиях. Могут это подтвердить – немцы очень часто так русских и воспринимают. Но и это надо уточнить, ибо это естественная экспансия, помогающая выжить в достаточно чужеродном окружении. Часто русскоязычный человек переселялся в Германию по двум мотивам – либо к родственникам, либо не от хорошей жизни на родине. Значительная часть иммигрантов старается вписаться в ту новую жизнь, которую они сами для себя выбрали. Понимая, что их никто сюда насильно не тянул, они старались следовать обычаям данной страны, которая часто становилась для них второй родиной. Для них было естественным учить и знать язык этой страны, что не означало утраты своего национального. В семье вполне возможно двуязычие, и ничего страшного с детьми не случается. Это я могут подтвердить как мать троих детей, которые свободно говорят на двух языках и хорошо знают обе культуры. Думаю, напротив, это лишь обогащает немецкую и русскую культуру. В то же время понятно, что сохранение своего национального языка, своей национальной культуры, будучи позитивным началом, содержит в себе и момент языковой и культурной экспансии, когда родители говорят ребенку: «Гордись, ты – русский, ты не такой, как большинство тебя окружающих». Это не очень верный подход, как, впрочем, и обратное подчеркивание национальной неполноценности.

Для Русского мира характерен момент зацикленности на своих собственных достижениях. Помню, когда я 18-летней студенткой приехала учиться в Московский университет и поселилась в общежитии, громкоговоритель, который там висел в каждой комнате, выдавал известия: «Первое место на чемпионате Европы по легкой атлетике занял Валерий Борзов, Советский Союз». И точка. Что кто-то еще занял второе, третье и прочие места, считалось не важным. А я, будучи спортсменкой, всегда интересовалась спортивными результатами, и уже тогда это раздражало. Кстати говоря, так осталось и до сих пор: если первый, второй или третий – не наш, не представитель Русского мира, то зачем о нем рассказывать, уж простите за этот маленький штрих.

Пушкин, конечно, ваше все, я понимаю. Но пропагандировать русскую культуру за рубежом с Пушкиным не так просто, и в немецкоязычном мире он не очень востребован. В глазах тех, кто за рубежом интересуется русской литературой, на первом месте стоит не Пушкин, а Достоевский, Тургенев, Толстой и Чехов. Любопытно, что многие из них создали свои гениальные произведения на русском языке, будучи в Германии, а уж Тургенев, этот король русского языка, большинство произведений написал в Германии. Пушкин как поэт для немецкого сознания вторичен. Это еще связано и с проблемой перевода. Я ничего против Пушкина не имею, я тоже его на русском языке читаю с удовольствием. Но его поэзию должен переводить очень хороший переводчик, знающий нюансы немецкого сознания.

Входят ли в Русский мир советологи, которые знают язык, но которые часто объективно, в силу своей специальности вынуждены работать против русской культуры, даже, может быть, будучи внутренне влюблены в Россию? Это очень сложная проблема. Я бы высказала такую парадоксальную мысль, что советологи, даже если они работают на разрушение Русского мира, вынуждены на практи-

ке, как Мефистофель у Гете, восклицать: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Советологи обращают внимание внутренних потребителей своей аналитической продукции на Русский мир и на процессы, которые в нем происходят. А насколько такой анализ воспринимается за чистую монету, зависит от степени наивности и образованности самого потребителя.

Кто входит, кто не входит в Русский мир, вхожу ли я в Русский мир или нет – это уже вопрос самоидентификации. Когда я рассказываю в Германии о России, то говорю: «У нас то-то и то-то». С другой стороны, если футбольные команды Германии и России играют друг с другом, я все равно болею за Германию...

||| СЕРГЕЙ НИКОЛЬСКИЙ:

По формату наше собрание складывается не только как проблемный семинар с рассуждением по поводу того, чем нам представляется Русский мир, но и как обсуждение того, чем занимается или должен заниматься одноименный фонд.

Но на меня одно из самых сильных впечатлений сегодня произвело выступление известного телеведущего с его идеей экспансии и того, что русская нация – это нация войны, победоносной войны. Это «классный бренд». И он на самом деле очень сильно определяет реальное восприятие России за рубежом. Один из самых мощных наших брендов за рубежом – это автомат Калашникова. Достоевский и Калашников.

К победоносному переходу Суворова через Альпы придется добавить победоносные походы наших генералов в 1863 году на Польшу, хотя она и была тогда частью России, с целью подавления восстания за независимость; в 1956-м – на Венгрию, с целью закрепления у власти нелегитимного, но выгодного СССР правительства; в 1968-м – на Чехословакию, для защиты социалистического лагеря, и т.д. Это все Россия, и это все экспансия.

На мой взгляд, экспансия – страшная вещь, потому что она наряду с прочим в принципе уничтожает понимание того, чем Россия должна быть, если хочет быть самой собой и чем-то значимым для мира. В этом, позитивном качестве Россия все-таки должна быть страной культуры, страной созидания, а не разрушения.

Я однажды был свидетелем выступления в узком кругу одного полковника, участника чеченской войны. Он сокрушался, что не заработал очередной ордена. Ему дали приказ перегнать танки из пункта А в пункт Б. Но в одном чеченском селении женщины легли на дорогу. Он спросил у командования, что делать. Командование сказало: «Езжай в обход». Он поехал, вовремя в пункт Б не прибыл и остался без ордена. По этому поводу очень сокрушался.

Этот пример хорошо подходит к рассуждениям господина Шевченко о России как нации победоносной войны. Пока мы не разберемся с нашим собственным захватническим сознанием, никакому миру мы не будем нужны. Миру экспансия не нужна.

Что мы должны для себя из прошлого выбирать, это вопрос сознательного выбора нашего будущего. О каком прошлом сегодня вспоминали? О генералиссимусе Сталине, о маршале Берии. Это часть нашей истории, ничего не поделаешь.

Но нам предлагают считать, чтобы это было ценностью в нашей истории. То есть чтобы оно, это прошлое, продолжалось, повторялось, оставалось бы значимым. Мы этого хотим? Или признаем, что была такая страшная вещь, была, никуда не денешься, но надо с этим что-то сделать и как-то это преодолеть?

Германия после своего разгрома провела мощную культурную кампанию по денацификации, притом что 70 процентов населения страны нацизм поддержи-

вало. Тем не менее такая кампания состоялась. И Германия покаялась. Это была публичная культурная акция. Страна отреклась от своего страшного прошлого, от того ущерба, который она нанесла человечеству. Мы же в этой ситуации по-прежнему делаем вид, что в советском прошлом ничего страшного не происходило, все было нормально.

То есть проблемы выбора, проблемы того, что нужно сделать акцент на чем-то позитивном, в конечном счете на культуре, – для нас, судя по выступлению Максима Шевченко, не стоит. А ведь далеко не он один так думает.

И главный тезис, который я бы хотел в этой связи сформулировать, – это то, что без мощнейшего акцента на собственной высокой культуре будущее России не состоится. Ни России внутри России, ни России вне России.

Сейчас наша русская культура нечто вроде Арктики, на которую никто особо и не претендует и которая столь же не освоена и столь же не известна. То, что знает о нашей культуре подрастающее поколение, просто ужас. А это значит, что наша культура постепенно уходит в небытие. Но свято место пусто не бывает. Идут процессы глобализации, идут процессы столкновения культур. Одни культуры становятся донорами, другие – реципиентами. В подобной ситуации вначале происходит некоторое забвение, некоторое перетолкование, а затем культура-реципиент вообще уходит в историю, и о ней уже никто не вспоминает.

При нынешних тенденциях, при таком незнании своей культуры и при таком неакцентировании ее базовых высоких ценностей и смыслов мы можем однажды просто проснуться в другой стране.

Очень серьезная проблема заключается и в том, что наша культура, в частности русская классическая литература, досталась нам в значительной степени в советской интерпретации. Советская система работала с русской культурой, используя ее в своих целях. Главной среди них было оправдание революционного насилия, в связи с чем произошло перетолкование многих акцентов внутри русской культуры. Так что первая большая задача – это возвращение адекватного смысла нашей культуре. В ней были и офицеры, и воинский дух, но это совсем не главные герои и не самые главные культурные проблемы. Глубинными в русской культуре были совершенно другие проблемы. Например, проблема позитивного дела. Ведь Россия – не только лишние люди, не только мертвые души. В России можно что-нибудь делать конструктивно? Кто это делает? Что это за люди? Что из этого получается?

Такие вопросы проходят через всю русскую классику. Обломов и Штольц Гончарова не антиподы, а взаимодополняющие фигуры. Вся романная проза Тургенева – постоянное размышление о том, что можно позитивно делать в России. И конечная точка – да, теория малых дел: «Новь», Соломин, предприниматели. Весь Лесков. Дальше Чехов. Это – русская культура, которая билась над вопросами позитивного.

Но ничего об этом мы из курса советской школы не узнавали. Нам говорили, что Базаров – почти революционер, а Онегин – лишний человек. То есть русской культуре необходимо возвращение ее аутентичных ценностей. Поэтому прежде всего мы в нашем собственном мире должны сделать все, чтобы у нас было понимание того, что такое русская культура. И тогда мы сможем содержательно отвечать на вопрос, что такое Русский мир.

||| **БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ:**

||| Все то, что происходит с Русским миром как культурным миром, действи-

тельно очень большая боль для всех нас. Но парадокс в том, что чувствуем мы эту боль по-разному, понимаем ее по-разному, по-разному собираемся лечить. И главное, даже по-разному понимаем, что у нас болит. То есть болит у всех, но болит у всех разное, иногда и совершенно противоположное.

Как сказал Сергей Никольский, мы русское воспринимаем через советское, и поэтому нужно вернуться к аутентичному русскому. Но что такое аутентичное русское? И что советское не аутентично? Советское в русском аутентично так же, как и досоветское, как и постсоветское. Любая политическая система работает с культурой и тем самым трансформирует культуру предшествующую. Посмотрите, как Французская революция трансформировала и, что называется, экспроприировала французскую культуру. Как эта культура из абсолютистской, аристократической культуры обратилась в демократическую, республиканскую. Это, естественно, был не безболезненный процесс. Во Франции такое переосмысление культуры началось уже с конца XVIII столетия, с просветителей, и было во многом сходно с теми процессами, которые веком позже наблюдались в России.

Несколько слов по поводу русской философской терминологии и того, что будто бы современная западная философия на русский язык примерно до 1989-го не переводилась. Простите, но здесь присутствуют люди, которые по возрасту не могли не застать сборников ИНИОН, а по роду занятий не могли их не читать. Да, эти замечательные сборники не были достоянием массовой культуры, доступ к ним имели лишь профессионалы. Но на уровне профессионального языка терминология отработывалась именно там. И очень многие из переводов, которые впоследствии были опубликованы открыто, впервые появились именно в изданиях ИНИОН – тот же Хайдеггер, например.

Еще один момент, который вызвал у меня некоторое недоумение. Если бы восторжествовала та линия, за которую выступали в XVIII веке Третьяковский и другие – переводить понятия русскими словами, – это был бы другой язык. Столь же великий и могучий, как финский или венгерский. То есть в этом случае русский язык не стал бы мировым языком. Он бы уткнулся в некий тупик, в котором можно развивать специфический, значимый для определенной этнической группы культурный тренд, если угодно, – национальную культурную традицию, но не более того.

Потрясающая особенность русского языка – это именно его открытость. В немецком языке тоже постоянно боролись с тенденцией к ассимиляции иностранных слов, но кальки с других языков – вроде *Lichtspiel* – не приживались, в итоге в немецком осталось *Kino*. Если же в другом языке, допустим в латыни или французском, термин как бы не состоялся, а в немецком возник параллельно или раньше, то он выживал. Более того, начинал экспансию в другие языки.

Одна из особенностей русского языка – и русской культуры в той мере, в какой язык отражает бытие культуры, – это поразительная способность к присвоению и освоению чужого. Такая открытость русского языка, которая позволяет нам не только принимать в русский язык иностранные слова, но и превращать их в русские слова, иногда с удивительными метаморфозами. Нет во французском языке ни «шаромыжника», ни «шантрапы» – а в русском есть, это русские слова. Так мы освоили французскую лексику и превратили ее в свою. Или известная шутка Суворова: «Пудра – не порох». Потому что по-французски *rouge* – это как раз и пудра, и порох. А в русском есть пудра и есть порох.

Способность к освоению, присвоению, то есть открытость языка, открытость культуры, – это, на мой взгляд, самое замечательное, самое интересное, самое,

кстати, демократичное, что мы имеем в нашей культурной традиции. Столь глубоко демократизму и космополитизму очень многие западные культуры и языки могут сильно позавидовать.

И в этом смысле уровень освоения мировой культуры в культуре русской очень высок. Пушкина в мире не знают, потому что не могут получить адекватный перевод. А мы Байрона имеем в адекватном переводе, достаточно адекватном, чтобы почувствовать его значение. Или «Фауст» Гете – у нас есть переводы Пастернака, Холодковского, Фета. И эта открытость русского языка делает его значимым не просто как феномен русской культуры.

Русский язык – это больше, чем язык русских. Вот это принципиальный тезис, к которому я веду. Русский язык – один из языков функционирования мировой культуры. Мировая культура не существует абстрактно, где-то отдельно от конкретных национальных культур. Проект эсперанто провалился, латыни как нейтрального функционирующего мирового языка давно нет. И мировая культура функционирует только через и в ряде конкретных национальных культур, которые в силу этого перестают быть чисто национальными, выходят за пределы своего национального ареала.

У нас все время говорят, что надо пропагандировать за рубежом русскую литературу. Но не меньшую значимость имеет продвижение, в том числе там, где много русскоязычных – в Прибалтике, в Казахстане и др., – русских переводов. С английского, с французского, с немецкого, с итальянского, с экзотических языков, от санскрита до суахили. Потому что через это происходит экспансия русского языка и русской культуры, даже более мощная, чем через чисто русские тексты.

Какие еще языки работают именно как мировые, вненационально? По большому счету только три – английский, французский, испанский. Даже немецкий, на котором написаны величайшие произведения мировой культуры, перестал быть функционирующим мировым языком.

И обратите внимание, кто сейчас лучше всего пишет на французском? Есть разные, конечно, авторы, но сегодня лучшие франкоязычные писатели – это алжирцы и марокканцы. Какие лучшие англоязычные писатели? Нигерийцы и индийцы, как Салман Рушди, который сейчас на переднем крае английской культуры. Тексты, создаваемые на русском языке в Киеве, зачастую написаны на гораздо лучшем русском языке, чем тот, на котором пишут в Москве. Среди авторов нашего интернет-журнала gabko.ru на самом лучшем русском языке пишет Андрей Манчук. А он – не русский человек, живущий на Украине, он двуязычный украинец с абсолютно украинской идентичностью, который пишет на русском, потому что это культурный язык, на котором ему хорошо, легко, удобно выражать свои мысли.

Отсюда вывод. Если в развитии Русского мира станет доминировать стратегия самоизоляции, противопоставления себя окружающему миру, это будет катастрофой для него. Даже не уходом в тупик, а ликвидацией мощнейшего потенциала, который существует в русской культуре, в русской традиции.

Русский язык должен развиваться, должен расширять ареал своего применения в мировом масштабе. Парадоксальным образом как раз после распада СССР русский получил шанс стать именно не национальным, а мировым языком. Но для этого он должен быть по-иному осознан, не только в качестве языка русских как этнических русских или русских как россиян. Он должен быть широким, открытым мировым языком, которым мы гордимся все вместе, который мы делим с другими народами.

И в этом смысле жесткая связь русского и России может оказаться препятствием для сохранения, воспроизводства, экспансии русского языка. Никким образом не призываю эту связь рвать. Но она не может быть такой жесткой, простой и примитивной, когда русское равно российскому. Эта связь должна стать гораздо более гибкой, гораздо более сложной, что особенно важно для становления русского языка за пределами Российской Федерации – как, все-таки в перспективе, государственного языка других стран и народов. Но для этого русский язык должен стать больше, чем просто русским языком. Русское должно стать шире российского.

||| ВЛАДИМИР МАЛАХОВ:

||| Я бы хотел сначала прокомментировать услышанное. Тезис о том, что русский язык не является собственностью этнических русских, – это очень важная мысль. Русский язык в столь же малой степени наша собственность, как английский язык – собственность англичан или американцев. Это именно всемирное явление. И если что-то препятствует его экспансии, то это, безусловно, такая идеологическая и методологическая установка, как государствоцентризм, этатизм. Отзвуки этой установки слышны в прозвучавшем здесь выступлении Максима Шевченко, о чем ниже.

Предварю свои тезисы двумя иллюстрациями.

Эпизод первый: 2006 год, Иссык-Куль, летняя школа. Ко мне после лекции подходят два местных студента-киргиза и спрашивают: «Что же вы от нас уходите? Ведь китайцы придут». 20-летние мальчики, которые социализировались уже в постсоветских условиях, но выработали некую культурную лояльность, адресованную России или, точнее, Русскому миру. Хотя русский язык там уже другой. Например, в Бишкеке мобильный телефон называют «сотка».

Эпизод второй: 2008 год, Ростов-на-Дону. В кулуарах научной конференции один убежденный украинский националист говорит: «Сейчас здесь дискутировали по поводу памятника Степану Бандере. А я бы предложил поставить памятник Константину Затулину, потому что если Бандера раскалывает украинское общество, то Затулин его объединяет. И даже те, кто совершенно индифферентен к судьбам украинской государственности, слушая Затулина, начинают чувствовать себя украинскими патриотами».

Теперь достаточно абстрактные тезисы. Суверенитет, национальный суверенитет, государственный суверенитет есть коллективное символическое благо. Оно переживается как благо, независимо от того, насколько оно реально. И не только элита, но и рядовые граждане видят в этом символическом благе ценность и не готовы с ней расстаться.

Но мы в России продолжаем думать, что постсоветские границы – искусственные, случайные, несуразный плод «Беловежского сговора». И ударяемся в реваншизм, как Затулин и его единомышленники.

Однако непродуктивны не только подобные крайности, но и любые обертоны культурного шовинизма. Или того, что переживается как шовинизм. Чувства причастности к нации-государству, к обретенной государственности – с ними нужно обращаться максимально бережно. Здесь показана повышенная чувствительность. И ни в коем случае не слова и выражения, которые могут быть считаны как проявления шовинизма. Иначе к нам перестанут тянуться наши соседи из тех, что к нам еще тянутся.

Еще один абстрактный тезис. О soft power – мягкой силе. Она обретается не через давление, а через симпатию, через желание сблизиться со стороны тех, бли-

зости которых вы хотите. Здесь уже говорили о франкофонном мире, англофонном мире. Но подобная культурная и языковая лояльность вырабатывается не через военное и дипломатическое давление. Она складывается стихийно там, где есть соответствующая тяга снизу.

На постсоветском пространстве еще существует единое социально-коммуникационное пространство. Но оно не может сохраняться вечно. Сейчас оно держится на нескольких факторах. Во-первых, Рунет. Молодые люди от Вильнюса до Астаны, от Таллина до Баку, выходящие сегодня в Интернет, очень часто сидят в его русскоязычном сегменте. Это очень большой ресурс, его нельзя терять. Его нужно делать привлекательным и конкурентоспособным. Во-вторых, значительная часть местной интеллигенции – выпускники российских или советских вузов. Это потенциальные агенты российского влияния, но с ними у нас тоже очень плохо работают. В-третьих, те иностранные студенты и гастарбайтеры, которые проявляют лояльность и культурную, и политическую к нашей стране и часто желают здесь остаться. Как с ними здесь обращаются, описывать не надо. И совершенно неприемлемо отсутствие реакции на вылазки бритоголовых. Когда здесь просто убивают корейских студентов или таджикских рабочих и т.д., это вредит имиджу России намного больше, чем любые внешнеполитические проколы. Такое случается везде, но только в России находятся интеллектуалы, готовые это легитимировать: «Их тоже надо понять» – тех, кто забивает на смерть несчастных дворников?

Что нужно и чего нельзя делать в этом символическом измерении? Как я уже сказал, недопустим здесь шовинизм вообще и шовинизм культурный в частности. Недопустимы ни редукция русской культуры к ее фольклорным проявлениям – работать нужно с живой, актуальной культурой, – ни редукция русскости к православию, то есть клерикализация русской культуры. Не нужно, чтобы Россия ассоциировалась с Московской патриархией, с людьми в рясах и клобуках – это воспринимается как антимодернистский проект.

Нужно готовить совместные учебники истории, чтобы покончить с войной исторических нарративов, которая сейчас разгорелась. Пусть не единый учебник, но хотя бы сближать нарративы нужно. Нужны циклы радио- и телепередач, которые бы генерировали и укрепляли чувства общей культурной идентичности, причастности к единому символическому пространству. Нужно создавать социальные сети выпускников российских вузов и грантополучателей российских фондов, как это делает германский Фонд Гумбольдта со своими стипендиатами.

102 Меня, как и Сергея Никольского, озадачило предложение Максима Шевченко считать критерием русскости политическую лояльность, причем не государству, а режиму. Здесь налицо как минимум логическое смешение. Существуют разные объекты лояльности. Есть лояльность культуре, лояльность, адресованная культуре; есть лояльность, адресованная государству как идее, лояльность государственности; и, наконец, есть лояльность политическому режиму. И если я лоялен даже не только по отношению к русской культуре, но и по отношению к русской государственности, к России как некому политическому телу, это еще не значит, что я априори лоялен режиму, который в моей стране установился. То есть моя нелояльность товарищу Сталину, например, не делает меня противником России, как получилось у Максима Шевченко. А уж предлагать маршала Берия в качестве символа русскости – это абсолютно контрпродуктивный, провальный ход.

Есть такое слово – «бренд». И если мы хотим для России «ребрендинга», повышения ее привлекательности, то товарищ Сталин – не самый оптимальный

бренд. Я не думаю, что сталинизм тоже часть русской культуры. Сталин и сталинизм – часть русской трагедии.

И последнее. Георгий Бовт ставил вопрос о критериях принадлежности к Русскому миру, словно бы существуют лицензии на право называться или не называться русскими. Откуда такая уверенность, что основатель Google – не русский? Мы что, его об этом спрашивали? Может быть, он тайком деньги пересылает в поддержку каких-то русских проектов? Мы ведь не знаем, как обстоит дело с его идентичностью. Очень правильно сказал Вячеслав Никонов: «Русскость – это самоощущение».

Давайте исходить не из априорного канона русскости, а из самосознания людей, из пресловутой идентичности. И не раздавать лицензии на принадлежность к Русскому миру, а следовать принципу – по делам их узнаете их.

Алексей Кара-Мурза поставил вопрос: где находится Русский мир – там, где русская культура, или там, где правительство, которое контролирует территорию? Но сам подобный вопрос означает, что гражданская война у нас фактически еще не закончилась. Пять поколений спустя сохраняется деление на белых и красных – с взаимным отлучением от русскости. Значит, у нас еще не произошло то, что немцы называют *Vergangenheitsbewältigung*, «преодоление прошлого». И в этом направлении нужно работать.

Татьяна Сухова:

Активные дискуссии о Русском мире уже сами по себе свидетельствуют о том, что это понятие – не искусственный конструкт, оно отражает реальность, причем реальность живую, противоречивую, во многом – становящуюся. Процесс этого становления, его направления и будущее феномена «Русский мир» многовариантны. И говорить о единстве оценок в отношении перспектив Русского мира, его смыслов, ценностей и базовых характеристик пока не приходится: все эти категории находятся пока в стадии осмысления и обсуждения и в обществе, и в научных кругах.

Определение «Русский мир» возникло не вчера, его можно найти в работах дореволюционных философов (от Костомарова до Бердяева) – для них оно фактически служило синонимом русской цивилизации или Российской империи, включающей в свою цивилизационную орбиту и восточноевропейское славянство.

Затем, почти на столетие, понятие «Русский мир» ушло из обихода и возникло в конце 1990 – начале 2000 года в работах современных философов и публицистов: Георгия Щедровицкого, Ефима Островского, Бориса Межуева, Александра Неклессы, Максима Шевченко, Глеба Павловского и других. Их интеллектуальные усилия были направлены на осмысление новой реальности, которая возникла после развала СССР и разрушения советской идеологии. Миллионы людей, вынужденно оказавшись вне России, должны были пережить и осмыслить этот геополитический разрыв, изменение картины мира и собственной судьбы. Многие из них осознали, что прежняя общность была обусловлена не только общей границей или идеологией, она базировалась на цивилизационных основах – культуре, языке, ментальности и т.д. Идейным ответом на этот вызов стала актуализация понятия «Русский мир» и наполнение его новыми смыслами.

Процесс распада империи, растянувшийся на столетие, одновременно стал процессом образования глобального Русского мира, и это мучительное рождение – через революции, войны, личные трагедии миллионов людей – заложило множество болевых точек, которые всем нам приходится преодолевать.

С одной стороны, феномен Русского мира – это драма русской судьбы в XX веке. Но, одновременно, его появление дает нам надежду на то, что русская цивилизация, устоявшая после стольких ударов, обретая новую глобальную форму, сможет наполнить ее новым содержанием и, прирастая уже не пространствами, а людьми, сумеет осознать и творчески раскрыть свой новый потенциал.

Словосочетание «Русский мир» содержит в себе несколько смыслов.

С историко-философской точки зрения Русский мир – это русская цивилизация в ее материальном, культурном и духовном воплощении. Причем под русским здесь и далее понимается русский суперэтнос.

Геосоциологически Русский мир – это трансграничный этнокультурный феномен, глобальная совокупность людей, ощущающих свою сопричастность России, русскому языку и культуре.

Иногда, особенно в публицистике, Русским миром называют лишь русских за рубежом, что существенно обедняет понятие. Россия, русское зарубежье, все те, кто попадает в орбиту притяжения русской цивилизации, – вот подлинный мир, один из нескольких глобальных миров, которые существуют ныне на планете.

Если в определении «Русский мир» мы сделаем акцент на слове «мир», то перед нами возникнут дополнительные смыслы. Русский мир – это еще и взаимное примирение, согласие, преодоление идеологических и мировоззренческих расколов. Наконец, это еще и сообщество, община.

Безусловно, все эти определения взаимосвязаны и, отражая многогранность явления, лишь в совокупности выражают то содержание, которое несет в себе понятие Русского мира.

Усиление консолидационных процессов в Русском мире нельзя не заметить, однако часто ли люди (не важно, в России или за рубежом) в качестве своей идентификационной характеристики называют принадлежность к Русскому миру? Думаю, реже, чем всем нам хотелось бы.

Что, собственно, объединяет нас в Русский мир и на чем он базируется? Как правило, – и на этом круглом столе тоже – в первую очередь называют русский язык и культуру (причем высокую культуру). Третьим базовым компонентом многие считают православие (иногда шире – все традиционные для России религии). Это, безусловно, верно, но, на мой взгляд, недостаточно.

Прежде всего о культуре. Рассматривая русский вклад в мировую цивилизацию, мы стремимся называть имена великих поэтов, писателей, мыслителей, композиторов. И совершенно обоснованно гордимся ими. Но в нашей цивилизации существует и народная культура, и культура быта, и культура хозяйствования, не только «вершки», но и «корешки». И если наша цивилизация – живое древо, то она несет и предъявляет миру свое своеобразие через всю совокупность культурных форм, и «высоких», и «низких».

Лингвоцентризм в понимании Русского мира также ведет к его упрощенному восприятию и достаточно противоречиво отражается на социальных практиках, в том числе в деятельности фонда «Русский мир». Фонду при его создании были поставлены цели поддержки русского языка и программ его изучения за рубежом, однако ожидания, которые связывают с фондом и в России, и среди соотечественников, гораздо обширнее. Фонд хочет видеть в качестве серьезного инициатора консолидационных процессов на пространстве Русского мира и ждут от него выработки не только образовательных, но и социальных стратегий.

Понимая фундаментальное значение русского языка и культуры для той глобальной формы, в которую сейчас воплощается русская цивилизация, нельзя

забывать, что речь идет не о читательском клубе, а о сложном социальном феномене, который, существуя в конкретном историческом времени и мировом геополитическом пространстве, испытывает на себе воздействие множества самых разнообразных факторов. И часть этих факторов побуждает наших соотечественников за рубежом скорее отказаться от идентичности, нежели ее сохранить.

Великая русская литература не спасла нас от трагедий XX века, от развала империи, идеологического противостояния и распада социальных связей. И вряд ли язык и культура сами по себе создадут Русский мир как трансграничное сообщество. Потому, определившись с тем, что русский язык, культура, традиционные религии (прежде всего – православие) составляют базовые основы Русского мира, наверное, следует двигаться дальше – к поиску и формулировке других, дополнительных объединяющих начал и мотиваций. Необходима комплексная стратегия консолидации Русского мира и воля, направленная на ее воплощение. От этого зависит, станет ли Русский мир действительно социальной общностью, «глобальной общиной», или русское присутствие за рубежом превратится в чисто этническую категорию, а русскость наших соотечественников из идентификационной характеристики перейдет в разряд эстетической атрибутики.

Для формирования Русского мира как трансграничной общности важны такие факторы, как осознание общих корней, общие ценности, цели, символы. Не менее значимо наличие общих интересов и вполне материальных выгод. Иначе говоря, синтез прагматики и идеологии.

Когда коллеги говорят: «Нам важно, чтобы люди приходили в русскую школу и на университетский курс русского языка, а зачем они это делают – вопрос второй», хочется возразить: поверьте, для нас этот вопрос – первый. Если мы не поймем этого, то не сможем поддерживать интерес к русскому языку и культуре, не сможем мотивировать соотечественников на сохранение идентичности, на развитие отношений с Россией и сетевое взаимодействие. Русский язык действительно должен стать инструментом жизненного преуспевания. Для наших соотечественников должна быть открыта дорога не только в русскую школу, Русский центр или библиотеку, но и в российские вузы, науку, бизнес. Все это входит в сферу государственной политики в отношении соотечественников, и представляется, что степень ее комплиментарности во многом зависит от того, насколько эффективно стороны (и Россия, и соотечественники) смогут определить и доказать взаимную необходимость и вполне прагматическую полезность.

Что касается выработки общих ценностей, то это важная и актуальная задача именно для научного сообщества, для публицистов, для всех мыслящих людей в Русском мире. На мой взгляд, речь должна идти о системе ценностей. Важная часть этой системы – моральные ценности, такие этические категории, как долг, честь, служение, милосердие и т.д. Мировоззренческие ценности – свобода и справедливость, в том понимании, которое присуще нашему самосознанию и которое не всегда совпадает с западными трактовками. Ценности нашей культуры. Ценность русского языка. Коммуникативные ценности. Обо всем этом здесь уже говорилось, и потому хотелось бы выделить еще одну категорию ценностей, которые я назвала бы онтологическими.

Прежде всего это Россия. Разве может существовать Русский мир без осознания безусловной ценности России, без любви к ней, без притяжения, без стремления сделать что-то для ее блага, без желания видеть Отечество процветающим и сильным?

Русская идентичность. Мне кажется, для Русского мира она сейчас приобретает самостоятельную ценность – и вследствие тех вызовов, которые порождает

глобализация, и по причине конкретных социально-политических условий, которые складываются в странах проживания соотечественников.

Русское жизненное устройство как этнический и межконфессиональный мир.

Русское согласие, которое отразилось в самом термине «Русский мир» как его важнейшая смысловая составляющая. Приходится признать, что нам нелегко дается культура компромисса. Мы с огромным трудом пытаемся выработать общественный консенсус – даже внутри России. И традиция записывать в «чужие» идеологических оппонентов все еще жива. Мы должны хорошо выучить уроки прошлого и закончить наконец свои гражданские войны. Без этого Русский мир невозможен по определению.

||| ГЕОРГИЙ ТОЛОРАЯ:

||| Русский мир – это понятие, которое существует не само по себе, а лишь во взаимодействии с мировой цивилизацией, глобальными и локальными культурами.

Русский мир сопряжен и «борется» с другими этноцивилизационными платформами, другими мирами, другими подходами к реалиям единого мира. Именно в этом взаимодействии, «единстве и борьбе» только и овеществляется идея Русского мира. Поэтому для того, чтобы понять смысл введения понятия «Русский мир» и определить его ценности, надо вычленять его из более широкой глобальной реальности, выделять особенное. Необходимо учитывать исторический опыт иных, часто более древних, трансграничных этноцивилизационных общностей. Тогда наши определения и формулировки станут более четкими и ясными.

Давайте посмотрим, как обстоят дела в этих других мирах с продвижением своей идеологии и своих позиций в глобальном масштабе, как они реализуют свои цели и какие механизмы для этого используют. Может быть, тогда не придется изобретать велосипед и станет возможно подходить к понятию «Русский мир» и деятельности одноименного фонда более прагматично, без лишнего пафоса и мистических придыханий.

Этнографы выделяют помимо Русского еще несколько этнокультурных миров: Германский, Арабский, Китайский, Тюркский, а также мир испаноговорящих стран Южной Америки. Миры обычно формируются вокруг центров. Например, центром Тюркского мира по праву считается Турция: она выступает в качестве проводника идей консолидации тюркских народов и прикладывает максимум усилий для их воплощения. Анкара на государственном уровне считает тюркский фактор одним из главных в своей внешней политике, постоянно призывая страны Центральной Азии к консолидации на основе этнической, культурной и языковой общности.

В Арабском мире центральное место в определении этнопсихологии арабов занимает ислам, ставший для них инструментом познания окружающего мира, независимо от этнического состава населения. Роль центра исполняет Саудовская Аравия, издревле служащая цели сохранения духовного единства арабов-мусульман.

О Франкофонии, которая часто упоминается в контексте споров о Русском мире. Французы попали в условия, в чем-то перекликающиеся с нашими: Франция оказалась по итогам Второй мировой войны хотя и не в лагере побежденных, но и не победительницей, потеряла статус мировой державы, а вскоре потеряла и колонии. Президент Де Голль стал активно продвигать идею Франкофонии, рассматривая ее не только как пропаганду французской цивилизации, но прежде всего как инструмент укрепления внешних позиций французского государства.

Франкофония – это организация государств, то есть административная структура, в ее состав входят не только африканские франкоязычные страны, но даже такие государства, как Украина, Армения.

Согласно определению, Франкофония – это совокупность людей, говорящих на французском, территория, где распространен французский язык. При этом главным критерием для вступления в организацию считают не степень владения французским языком населения того или иного государства (хотя, конечно, это приветствуется), а, скорее, культурные связи с Францией, сложившиеся на протяжении многих десятилетий и даже веков. Девизом организации служит французское изречение «Равенство, дополнение, солидарность».

Теперь рассмотрим Китай и сопряженное с ним понятие «синосфера». Оно введено американским экспертом Дж. Матисоффом для обозначения группы стран Восточной Азии, где культурная действительность сформировалась под влиянием культурных образцов Китая, прежде всего иероглифики. Китайцы сейчас только начинают на уровне логики осознавать важность этого феномена, они тоже еще в процессе формирования идеи Китайского мира, включая соотечественников (хуацяо), всех интересующихся Китаем. Пекин рассматривает все это как инструмент для экономического роста, экспорта китайской культуры и усиления государственных позиций. Вместе с тем серьезный экономический потенциал соотечественников уже давно использовался в качестве инструмента содействия экономическому развитию Китая. Пожалуй, в этом случае практика предшествовала теории.

Можно прогнозировать, что КНР рано или поздно распространит свое влияние на весь регион и в глобальном масштабе. Соответственно, вся Азия вынуждена будет подчиниться фундаментальным ценностям китайской цивилизации, а они, между прочим, являются важнейшим способом укрепления центральной власти. Вспомним слова того же Конфуция: «Если жители далеких окраин не покоряются, то совершенствуй свою культуру и добродетель, чтобы привлечь их. А когда привлечешь, то умиротвори их».

Самым же интересным среди ныне существующих миров представляется англосфера. Этим термином с недавних пор обозначается группа англоязычных стран, где действует общее право. Однако под этим термином подразумевается гораздо больше, нежели просто совокупность всех людей, для которых английский является основным или вторым языком. Англосфера базируется на обычаях и принципах, формирующих костяк англоязычных культур: индивидуализм, господство права, уважение договора и сделки, а также превращение свободы в первостепенную политическую и культурную ценность. Или другое определение: эта общность базируется на общем понимании, в основе которого лежит уважение к рыночной экономике и принципам гражданского общества. Англосфера раньше не особенно вычленилась в мировой цивилизации, поскольку считалось само собой разумеющимся, что это ведущая сила современного мира начиная с XIX–XX веков. Она победила в Первой и Второй мировых войнах, победила в холодной войне, а теперь должна победить в войне с исламом, указывают ее идеологи.

Что касается Русского мира, его смыслов и принципов, то соглашусь с теми, кто считает, что Русский мир – не только лингвосообщество (такое понимание серьезно мешает деятельности нашего фонда), но и транснациональная русскоязычная социокультурная общность. Это совокупность не только языка и высокой культуры, но и народной идеологии, массовой культуры, привычек, традиций, быта. И при этом эти типические особенности проявляются в реальной

жизни различным образом. Если мы говорим о чертах русского характера, национальных чертах и традициях, здесь есть определенный дуализм. Каждая черта характера воплощается в противоположенных ипостасях. Скажем, инициативность обращается в анархию, неуважение к закону. Духовность оборачивается пассивностью, попыткой уйти от практических дел. Индивидуализм оборачивается эгоизмом и высокомерием. А, скажем, соборность, забота об интересах государства преобразуются либо в уравниловку, либо в подчинение личности.

Поэтому, формулируя идеалы Русского мира, давайте не забывать о том, как они на деле воплощаются. Я думаю, что, посмотрев на современную Россию, говорить о приоритетах справедливости, чести, достоинства как свершившемся факте было бы преждевременно. Можно, конечно, сказать, что формулируемая нами идеология Русского мира должна стать «путеводной звездой», пропагандируя те «позитивные» ипостаси народного самосознания, которые сегодня почти утрачены или теряют свою роль и даже все в меньшей степени воспринимаются как идеал – все чаще как блажь. Скажем, служение государству и обществу, честность, неподкупность...

При этом надо понимать, что идеалы Русского мира основаны все-таки не только на «почвенных традициях» (с которыми многие ассоциируют саму концепцию Русского мира), но и на импортированных ценностях. Конечно, в основе мироощущения лежит славянская культура. Однако то, что сегодня мы больше всего ценим в идеологии Русского мира, родилось не на этой земле. Это православная религия, импортированная правящими кругами и внедряемая столетиями. Это также тонкая прослойка дворянской культуры XIX – начала XX века, имеющая корни в западноевропейской традиции. Добавим еще идеи коммунизма, также пришедшие известно откуда. Однако – и это важно – импортированные идеи, идеалы, духовные ценности были подогнаны к задачам правящих кругов, стали императивами совершенствования общества, перешли в более идеалистическое состояние и тем самым в значительно большей мере, чем на Западе, оторваны от действительности.

На основании этого надо самим себе отдавать отчет, зачем, собственно, мы формулируем идеалы и принципы Русского мира. Наш реальный идеал и цель – укрепление позиций нашей цивилизации в глобальной конкуренции. Для этого нужен привлекательный имидж.

≡ **АЛЕКСЕЙ ДОЛИНСКИЙ:**

≡ Разработка ценностной системы для транснационального сообщества Русского мира – это очень сложный проект, но это в любом случае лишь первый этап, который должен рассматриваться как один из элементов общей логики развития нации и сообщества. Вторым естественным этапом является внедрение разработанной системы ценностей, и продумывать ценности, не анализируя практические аспекты их дальнейшего распространения, было бы нецелесообразно. Соответственно, требования к ценностям Русского мира включают в себя не только их соответствие целям развития России и всего Русского мира, но и возможность их эффективно пропагандировать. Ценностная система любого общества – это результат как реакции этого общества на объективные процессы в социально-экономической и политической среде, так и проводимой на государственном уровне политики, работы религиозных институтов и образовательной системы на протяжении длительного периода времени.

Международные социологические исследования показывают, что современное российское общество крайне материалистично, в сравнении с обществами

других государств. Это, с одной стороны, стало результатом десятилетий государственного атеизма, с другой стороны, произошло в результате социальных потрясений, происходивших со второй половины 80-х годов. Если рассматривать наиболее распространенный путь эволюции ценностной системы как элемента развития общества от традиционного через модернизм к постмодернизму, то наше находится на втором этапе этого исторического пути. Опыт развитых государств Запада показывает, что дальнейшая ценностная эволюция (от материальных ценностей к постматериальным) происходит в результате периодов относительного благоденствия, когда общество в течение десятилетий живет без социальных катаклизмов и войн. Россия и бывший Советский Союз в последнюю четверть века оказались лишены такой возможности. В результате произошел обратный процесс: даже в отсутствие политики государственного атеизма наше общество стало еще более бездуховным, чем раньше. Наглядный пример: в школах появился экспериментальный курс «Основы религиозной культуры и светской этики», в рамках которого родители школьников имеют возможность самостоятельно выбирать содержание предмета. По данным руководства издательства «Просвещение», выпускающего учебники для курса, порядка 40 процентов семей выбрали светскую этику, примерно треть – основы православной культуры, около 25 процентов – историю мировых религий, и совсем небольшие блоки (по 10–20 тысяч экземпляров) – культуры иудаизма, буддизма или ислама. Таким образом, 65 процентов россиян – почти две трети – выбрали вариант курса, не привязанный к какой-либо религии. Практические последствия относительно невысокой роли религии и отсутствия действующей комплексной системы светской этики (например, коммунистической идеологии) на современном этапе подразумевают отсутствие привязки каждодневных поступков индивидов к целостной системе восприятия мира – религии, идеологии. Отсутствие такой привязки размывает этическую составляющую поведения, оставляя в качестве критерия «правильности» решений только их материальную эффективность. Разрушительность подобной ситуации для общества очевидна, и начать планомерную работу по созданию ценностной системы необходимо срочно еще и потому, что заметный результат этой деятельности проявится лишь через 10–20 лет – время воспитания одного поколения.

Россия является естественным идейным лидером Русского мира, и именно от нее ожидается демонстрация ценностной ориентации для всего сообщества. Ценности Русского мира, таким образом, это в первую очередь российские ценности, которые, однако, должны обладать достаточной универсальностью, чтобы импонировать не только гражданам России, но и соотечественникам за рубежом, гражданам бывшего Советского Союза и, в идеале, более широкой аудитории людей, потенциально небезразличных к России. Соответственно, именно российские институты должны быть главным источником и распространителем ценностей. Как уже упоминалось, есть три ключевых инструмента распространения: образовательная система, религиозные институты и политическое руководство.

Оценку эффективности системы образования в распространении ценностей, возможно, лучше проводить специалистам в области системы образования, но нам представляется, что на сегодня ценностная составляющая в образовании отсутствует. Поскольку нет разработанной системы ценностей для российского общества, трудно ожидать иного результата, кроме как существование нескольких разных учебников по одному предмету и отсутствие консенсуса в обществе о его значении.

Роль Русской православной церкви в становлении ценностной системы нельзя недооценивать, особенно учитывая возросшую активность церковного руководства по взаимодействию с соотечественниками за рубежом и населением «исторической Руси». Вместе с тем фактическое влияние современного православия ограничено, что уже демонстрировалось выше на примере выбора школьных учебников. Россияне гораздо менее религиозная нация, чем подавляющее большинство других, и это является, с одной стороны, одной из причин современной неразвитости ценностных ориентиров в обществе, с другой стороны, сложностью на пути их дальнейшего становления. При этом лишь РПЦ может играть роль общенациональной, тогда как другие традиционные конфессии заведомо обладают только региональным значением и могут быть эффективными проводниками общенациональных ценностей только вместе с православным христианством, но никак не вместо него.

Фактически единственным полномасштабным функционирующим инструментом распространения ценностей является политическая элита, которая может делать это через систему государственных ведомств. В ее распоряжении такие средства, как, например, включение ценностной составляющей в программные документы руководства страны и ведущих политических партий, ведомственные «кодексы чести» (партийные, военные, дипломатические и т.д.). Эффективным средством демонстрации ценностной ориентации может стать система ротации кадров. В современной России ротация основана на двух составляющих: лояльность и меритократия, тогда как ценностный элемент человеческого потенциала игнорируется. Примерами подобных проектов стали кадровые резервы президента и «Единой России», где декларируются лишь профессиональные качества «резервистов». Между тем для государственной службы на любом уровне необходимы люди, обладающие не только профессионализмом, но и совестью, желанием служить обществу и Отечеству, обостренным чувством справедливости, и потребность в таких людях может и должна быть открыто декларируемой. Вместе с тем светское по Конституции государство не должно пропагандировать, например, ценность веры.

Роль религии в российском обществе сегодня меньше, чем могла бы быть и чем, вероятно, было бы желательно для эффективного распространения ценностей. Государство как институт пользуется значительно большим авторитетом и обладает несопоставимо большими возможностями в вопросах разработки и продвижения ценностной системы. Соответственно, необходимо опираться именно на государственные институты для демонстрации ценностной системы Русского мира. Вместе с тем эффективное продвижение ценностной системы возможно только при комплексном использовании всех инструментов, а это означает, что необходимы привлечение религиозных лидеров к работе над ценностной системой и дальнейшая работа над развитием ценностной составляющей в системе образования. Потенциальной формой взаимодействия могло бы стать «распределение ответственности» за различные ценности: Государство – свобода, справедливость, служение; Религия – вера, совесть; Образование – правда, мир. Эти ценности универсально привлекательны, отвечают потребностям развития России и сохранения единства Русского мира, не противоречат российской традиции.

АВТОРЫ СТАТЕЙ И УЧАСТНИКИ ОБСУЖДЕНИЙ

АВТОНОМОВА НАТАЛИЯ СЕРГЕЕВНА

Главный научный сотрудник
Института философии РАН,
доктор философских наук

АННУШКИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Заведующий кафедрой русской
словесности и международной
коммуникации Института русского
языка имени А.С. Пушкина

АРХАНГЕЛЬСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Литературовед, публицист, автор
и ведущий программы «Тем временем»
на телеканале «Культура»

АСТАХОВ ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Профессор кафедры дипломатии
МГИМО (У) МИД РФ, чрезвычайный
и полномочный посол

БАХТИКИРЕЕВА УЛДАНАЙ МАКСУТОВНА

Профессор Российского
университета дружбы народов

БОВТ ГЕОРГИЙ ГЕОРГОВИЧ

Главный редактор журнала
«Русский мир.ru»

БРЕДИХИН МАРАТ АНАТОЛЬЕВИЧ

Студент Государственного
университета управления

БОКОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА

Заместитель исполнительного
директора фонда «Русский мир»

ГОФМАН АЛЕКСАНДР БЕНЦИОНОВИЧ

Заведующий сектором социологии
культуры Института социологии РАН,
профессор Государственного университета –
Высшая школа экономики, профессор
МГИМО (У) МИД РФ

ГРОМЫКО АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Руководитель европейских программ
фонда «Русский мир»

ГУСЕЙНОВ АБДУСАЛАМ АБДУЛКЕРИМОВИЧ

Директор Института философии РАН,
академик РАН

ДОЛИНСКИЙ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Помощник исполнительного
директора фонда «Русский мир»

КАГАРЛИЦКИЙ БОРИС ЮЛЬЕВИЧ

Директор Института проблем
глобализации, кандидат политических наук

КАРА-МУРЗА АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Заведующий отделом социальной
и политической философии Института философии
РАН, президент фонда «Русское либеральное
наследие», доктор философских наук

КИРИЛЛ

Патриарх Московский и всея Руси

КОЗЫРЕВ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ

Заместитель декана философского факультета МГУ, доцент кафедры русской философии

КОСТОМАРОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Президент Института русского языка имени А.С. Пушкина

КРУГОВЫХ ИГОРЬ ЭРИКОВИЧ

Председатель правления Общества дружбы «Россия – Узбекистан»

КРЮЧКОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА

Профессор Саратовского государственного университета

КУЛИКОВСКАЯ-РОМАНОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

Председатель Благотворительного фонда имени Великой Княгини Ольги Александровны

ЛЕКТОРСКИЙ ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Заведующий отделом Института философии РАН, академик РАН

ЛУНГИН ПАВЕЛ СЕМЕНОВИЧ

Кинорежиссер, народный артист России

МАЛАХОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ

Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор политических наук

МЕЛЬНИКОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА

Директор Межрегиональной общественной благотворительной организации «Центр «Сельская церковь»

МИРОНОВА ДАГМАР

Доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ, кандидат философских наук

НАУМОВ АЛЕКСАНДР ОЛЕГОВИЧ

Советник исполнительного директора фонда «Русский мир»

НИВА ЖОРЖ

Профессор Женевского университета

НИКОЛЬСКИЙ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Заместитель директора Института философии РАН, доктор философских наук

НИКОНОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ

Исполнительный директор фонда «Русский мир», доктор исторических наук

РОМЕНЕЦ ДЕ РИОС МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА

Директор школы «Максим Горький» (Перу)

СКОК ТАМАРА НИКОЛАЕВНА

Старший преподаватель кафедры массовой информации и коммуникации Омского государственного педагогического университета

СУХОВА ТАТЬЯНА БОРИСОВНА

Советник исполнительного директора фонда «Русский мир»

ТИШКОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Директор Института этнологии и антропологии РАН, академик РАН

ТОЛОРАЯ ГЕОРГИЙ ДАВИДОВИЧ

Руководитель управления региональных программ фонда «Русский мир», доктор экономических наук

ЧУПРИНИН СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

Писатель, литературовед, главный редактор журнала «Знамя»

ШЕВЧЕНКО МАКСИМ ЛЕОНАРДОВИЧ

Член Общественной палаты России, ведущий аналитической программы «Судите сами» на Первом канале

ШМЕЛЕВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, профессор Московского педагогического государственного университета

